

По ту сторону изгороди

Макс Старк

18+

Макс Старк

По ту сторону изгороди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42810893

SelfPub; 2019

Аннотация

У Антона нет друзей, нет братьев и сестер. Он одинок, никому не нужен, презираем приемной семьей. Над ним измываются, колотят и угрожают положить в психиатрическую больницу. Когда эмоциональный срыв неизбежен, а травлю со стороны приемной семьи больше нет сил терпеть, в жизни Антона появляется неизвестный ранее брат – Сашка. Он вырывает Антона из обыденности и открывает иной мир, населенный мистическими, пугающими существами. Вовлекает в авантюрное приключение, в ходе которого Антону предстоит победить свои страхи, пройти череду испытаний, чтобы в итоге решиться на главный поступок – бегство из приемной семьи.

Содержание

Пуговичный человек	4
Приемная семья	42
Жена зрителя кладбища	78
Прощание с другом	122
Кикимора	151
На приеме	184
Побег	200
Крысоловка	214
Проклятие психбольницы	241
Пугало	259
Прощальная улыбка	278

Пуговичный человек

Они стояли на пороге заброшенного дома, заглядывали в грязные окна, пытаясь хоть что-то разглядеть через толстый слой вековой пыли, и решали кто зайдет первым.

Сашка придумал тянуть спички, но Антону такой способ выбора счастливого не нравился. Никогда он не вытягивал длинную, проигрывал, расстраивался и с каждым разом, как в его руке оказывалась сломанная спичка, все больше убеждался в том, что он самый несчастливый человек на планете. Даже волк из известного мультфильма был чуточку удачливей, ведь заяц иногда попадался в его лапы, пусть и на короткое время.

Антон говорил, что нельзя полагаться на случай, когда речь идет об опасном, безрассудном поступке, таком, как влезании в чужой дом. Пусть заброшенный и уже никому не нужный, но все равно чужой. Он призывал брата к благоразумию, называл себя хилым и трусливым, а его сильным, бесстрашным и уверенным в себе. Приводил в пример различные фильмы и книги, в которых самый сильный и самый храбрый всегда шел впереди остальных к неизведанному. По его мнению, у таких людей жажда первооткрывателя в крови. В общем, он всячески убеждал брата войти первым.

Сашка улыбался, с прищуром поглядывал на него. Он уже

давно решил, что будет первым, еще до того, как очертания дома проступили в кронах клена, но входить не спешил. Его забавлял испуг Антона и то, как он понемногу, настороженно отступал, спускаясь по стертым бетонным ступеням крыльца, словно боялся, что Сашка силой затащит его внутрь.

– А может камень-ножницы-бумага? – с ехидной улыбкой предложил он, когда пятка правой ноги брата коснулась земли и закончилась его хвалебная речь.

Антон тяжело выдохнул, поднял на брата печальные глаза, полные отчаяния.

– До трех побед? – уточнил он, вопрошающе глядя на Сашку. Раз уж не удалось убедить брата сдаться без боя, то попытается оттянуть неизбежное. Возможно за время игры успеет придумать, как уговорить Сашку войти в дом первым. У него будет не меньше трех попыток до проигрыша.

Сашка кивнул и выставил кулак.

– На счет три.

Он решил поддаться, проиграть намеренно, доказать, что Антон не такой уж неудачливый, что он легко может выигрывать. Все разы будет показывать камень. Он где-то слышал, что чаще всего выпадает камень, и если об этом знать, то можно склонить результат игры в свою сторону.

– Три! – скомандовал он и оставил кулак сжатым.

Антон показал ножницы, опустил голову, ссутулил спину, печально простонал и пробубнил что он проигрывает, можно

даже дальше не продолжать. Он так уверился в своем проигрыше, что начал убеждать себя, что в доме нет никакого пуговичного человека, а даже если есть, то вряд ли он стоит за входной дверью и ждет пока Антон переступит порог, чтоб схватить длинными пальцами, похожими на лианы и утянуть в подвал.

– Три! – сказал Сашка.

– О! – выдавил Антон победный стон, поняв, что его бумага бьет камень Сашки, а значит он сравнял счет. Думы о пуговичном человеке моментально рассеялись, глаза загорелись надеждой на победу. Он мысленно поблагодарил бога удачи, пообещал ему оставить под сухим кленом самое вкусное яблоко, если только тот не отвернется от него ближайšie две минуты. Именно столько Антону нужно было чтобы победить брата.

На третий раз он снова показал бумагу, решив, что не стоит изменять тактике, принесшей первое очко.

– Ура! – восторженно воскликнул он, отбив у брата второе очко и выбившись вперед.

«Спасибо, спасибо, спасибо», – повторял он про себя.

Приподнял уголки губ и бодро выставил руку, для решающего раунда.

– Ладно, братец, ты победил, – объявил Сашка, в четвертый раз показывая камень, который бьет бумага Антона.

Антон выпрямился, повеселел. Сделал два уверенных шага по ступеням к входной двери и коротко, не громко посту-

чал, а после вновь отступил за брата.

– Зачем? – поинтересовался Сашка, – там никого нет.

– А вдруг пуговичный человек сидит в кресле в халате, попивает чай, смотрит телевизор, и тут бац! без предупреждения, без стука заваливаются непрошенные гости. Я бы на его месте рассердился.

Сашка рассмеялся, но заметив серьезное лицо брата, тут же замолк.

– Так там даже электричества нет, как он будет смотреть телевизор, – сказал он и толкнул дверь.

Она поддалась легко. Распахнулась без скрипа, без стопа. В фильмах ужасов деревянные двери в старых, заброшенных домах обязательно открываются с таким шумом, что пробуждаются чудовища и зомби на кладбище. Антон встревоженно обернулся, проверяя не вышел ли на дорогу какой-нибудь мертвец в изодранной одежде, похожей на лохмотья.

Туман, неожиданно накрывший весь город и окрестности три дня тому назад, последние сутки рассеивался и уже не был похож на дым от костра, в который закинули пригоршню сухой травы. Антон видел проселочную дорогу, видел полосу высокой травы разделяющую дорогу на две узкие колеи, даже видел очертания темных стволов клена похожих на грозных великанов, стоящих стеной шагах в десяти от дороги. А еще сутки назад он бы не смог понять в какой стороне дорога, что уж говорить о том, чтобы увидеть деревья.

Дорога в обе стороны оставалась пуста, где-то недалеко

безмятежно чирикали птицы, а в небе просматривалось серое пятно света, не оставляющее попытки пробиться через туман. Воздух был чист, свеж и не предвещал беду.

Он глубоко вдохнул, резко выдохнул через рот и обернулся к дому.

Сашка переступил порог. Под тяжелым ботинком что-то хрустнуло, скрипнула половица, и в глубине дома послышался хлопок.

– От сквозняка где-то захлопнулась дверь, – нарочно громко сказал он, заметив испуг на лице брата.

Антон кивнул и вошел следом. В коридоре было темней чем на улице и если бы не фонарь, незаметно оказавшийся у Сашки в руке, то Антон не смог отличить силуэт брата от черной стены, покрытой сажей. Сашка протянул второй фонарь:

– Держи, будешь прикрывать наши спины, – задорно сказал он.

Антон не сразу понял, что его удивило и буквально застало врасплох. Огляделся. Рядом с дырой в прогнившей половой доске лежал скелет мелкого животного, скорее всего грызуна. Череп раздавлен, но остальные кости целы, даже можно различить тонкие ноготки на окостенелых лапках.

– Не заметил его, когда входил, – пояснил Сашка.

Он рассматривал подошву ботинка, прислонившись к стене. Рядом с его плечом выключатель, подернутый паутиной. Там же висел сухой паук. Вместо люстры в потолке торчали

два оголенных провода. Синий и красный. Антон услышал в голове панический голос сапера, кричащего в пустой комнате: «Какой резать: красный или синий?»

Он обернулся к выходу и понял, что его смутило. Туман не проникал в дом, хотя дверь оставалась распахнута настежь. Можно было подумать, что есть невидимая перегородка, прямо в проеме, не дающая туману пролиться через порог. Он затаил дыхание и осторожно протянул руку, боясь и в самом деле дотронуться до перегородки. Он даже вообразил, что она представляет из себя на ощупь. Гладкая словно стекло и холодная, как окно в морозный день. Кисть проткнула туман, не встретив на пути преград. Антон выдохнул, решил, что ничего необычного нет, просто туману нужно время, чтобы заполнить дом.

Антон направил фонарь вдаль коридора, но мощности не хватило, чтобы осветить все помещение. Зато у Сашки фонарь был большой, такой, что луч не рассеивался и плотным кружком бегал по стене. Антон увидел очертания арки, пройдя через которую попадаешь в зал и почему-то представил глубокий колодец, такой как в деревне у бабушки. Деревенские ребята говорили, что однажды в тот колодец залетела стая ворон, а вылететь не смогли. Это было давно, но до сих пор, если сунуть голову в узкое кольцо, можно услышать карканье, приглушенное толстым слоем воды.

На полу, в нескольких шагах, дальше по коридору, разбросаны почерневшие осколки стекла. Быстрым взглядом

пробежался по полу, нашел сплюснутый цоколь лампы и порванную нить накала. Словно последняя яркая вспышка тускнеющей лампы, появилось воспоминание из глубокого детства: отец показывает на люстру и говорит: «Эта на шестьдесят ватт».

У него засвербело внизу спины, в копчике. Так бывало всегда, стоило ему вспомнить про отца. А еще в такие моменты неизменно появлялось желание раскопать в коробке со старыми игрушками плюшевого медведя, вспороть спину по шву и вытащить спрятанную черную лампочку. Отец любил рассказывать, как она много раз спасала жизнь ему и его друзьям-электрикам. Стоило её поднести к не обесточенным проводам, как она загоралась красным, предупреждающим огоньком.

Тогда Антон не особо слушал скучные рассказы отца, куда интересней смотреть телевизор или наблюдать, как хомяк прячет за щекой большой кусок морковки. Отец хоть и видел, что Антон его не слушал, но все равно рассказывал, а иногда взъерошивал ему волосы и смеясь говорил, что вот так выглядит электрик которого бьет током. Антону эта часть рассказа не нравилась больше всего, он бежал в ванную и долго расчесывал вздыбленные волосы.

Антон поймал себя на мысли, что окажись отец теперь рядом, то он обязательно выключил телевизор, посадил хомяка в аквариум и внимательно, с открытым ртом слушал историю про маленькую лампочку – спасительницу жизней элект-

триков, а потом смеялся, когда отец взъерошил волосы и даже не побежал расчесываться.

Тыльной стороной ладони вытер влажные щеки, помотал головой, прогоняя воспоминания и мечты, которым не суждено сбыться.

Сашка стоял в коридоре, молчал и словно ждал, пока мысли брата вернутся из прошлого. Убедившись, что брат готов его слушать, зловещим голосом прочитал надпись на стене:

– Уходи! – усмехнулся и исподлобья взглянул на брата. – Страшно?

– Очень, – заставил себя улыбнуться Антон и еще раз протер уже сухие щеки.

Тут воздух отличался от уличного. Он был плотный и застарелый. Запах стоял подвальный: сырой и сладковатый, так пахнет плесневелая картошка или гнилая морковь. Антону захотелось зажать нос или выйти на улицу, лишь бы не вдыхать эту вонь. Но рядом с братом он не мог позволить сделать подобное, вот если бы он был один... Хотя один он ни за что бы не вошел в этот дом. Затащил его сюда Сашка. Он говорил, что разработал методику борьбы со страхом и готов ею поделиться с Антоном. Вот только нужно провести ночь в заброшенном доме.

Дышал Сашка ровно, словно не замечал запаха гнили. А стоило Антону подумать об этом, как брат стал дышать шумней, будто старался вдохнуть побольше омерзительного воздуха.

– Ну, полдела сделано. Осталось всего-то проверить каждый угол дома и провести тут ночь. – Сашка снял с плеча рюкзак и швырнул его через длинный коридор, вглубь дома.

После гулко-го приземления рюкзака послышались шорохи и тонкие скрежещущие звуки, словно одинокие капли уже закончившегося дождя били по водосточной трубе. Антон замер, готовясь бежать.

– Крысы, – деловито сказал Сашка и мельком глянул на раздавленный скелет под ногами. – Теперь путь свободен.

Он пошел по коридору, наступая на стекла, кости и мелкий мусор. Создавалось впечатление, что он нарочно шумит, чтобы те, кто его ещё не услышал, насторожились, а те, кто уже услышал, знали где его искать.

От каждого хруста под ногами брата, у Антона сжимались кишки в плотный комок, легкие будто заливались водой, так, что не вдохнуть, не выдохнуть. Он мысленно бранил брата и молил все того же бога удачи, чтобы пуговичный человек не услышал грохота шагов.

Сашка говорил, что самое главное в борьбе со страхом – научиться принимать городские легенды за обыденность, за неотъемлемую часть жизни. Легенды как тени от предметов в солнечную погоду, они вроде бы есть, но прикоснуться к ним не получится. Нельзя отрицать существование пуговичного человека, живущего на краю города, в покосившемся доме, у разрушенного пуговичного завода. В том самом доме, куда он завел Антона. Но также, не нужно забывать о том,

что пуговичный человек всего лишь тень, а тень не причиняет вреда. Сашкин голос гулко отражался от старых стен, а эхо возвращало отдельные звуки, а иногда различимые слова, например, такие: «пуговичный, страх, человек в темноте» и подобные, заставляющие коленки Антона судорожно дрожать. Еще он говорил, что в любом месте, кажущимся пугающим и недружелюбным нужно громко разговаривать, нарочно шуметь и дико смеяться, как взбесившаяся лошадь. Но последнее это уже как получится, сам он не смеялся, но остальные пункты выполнял на все сто процентов.

«Пусть бояться те, кто прячется в темноте» – говорил он.

Пока он строил из себя бесстрашного, разгоняя стаи крыс, Антон безрезультатно пытался внушить себе, что крысы – единственные обитатели дома. Он не желал мириться с той силой, что незримо всегда находилась поблизости. Не так-то просто принять то, что все те, чьи безжизненные глаза могли наблюдали из темноты, кто мог прятался в шкафу и под кроватью безобидны. Он не мог совладать со страхами и не мог принять всех монстров как обыденное. А от одной только мысли о пуговичном человеке или проклятой покойной жены смотрящего кладбища снова сбивалось дыхание, а живот крутило, точно так же, как и тогда, когда они прятались за огромным мраморным крестом и ждали, пока в кладбищенской сторожке погаснет свет.

Сашка называл брата пугливым и при случае не упускал возможности пошутить над его страхами, казавшимися

Сашке пустяковыми. Но даже смеясь знал меру, если замечал, что Антон начинал кривить губы, обижаться, то заканчивал с потехами, раньше, чем блестящие капли стекут с глаз и тогда успокаивал брата разговорами о том, что чудовища совершенно безобидны и порой даже сами пугаются людей, а все те страхи, которые они вызывают, придуманы взрослыми для того, чтобы держать детей в узде, словно послушных осликов. Стоит только внушить себе, что чудище, сидит в темноте дальнего угла вовсе не для того, чтобы напугать или утащить в укромное место и сожрать, а всего лишь живет там и с опаской наблюдает за людьми, бесконечно шумящими и бестактно включающими свет, как страхи проходят, колени перестают дрожать, а дальний угол становится светлей. Антон его слушал и вроде бы даже переставал пугаться, но стоило только где-нибудь скрипнуть половице или пробежать крысе, как сердце вновь подсакивало и застревало в горле.

Сашка поднял рюкзак, стряхнул прилипшую грязь и пыль, перекинул через плечо и протяжно свистнул, окидывая взглядом просторное помещение. Свет от его фонарика метался по стенам, потолку и полу, старался заглянуть в каждый угол, прощупать все темные места.

– Вот это хоромы! Хотел бы тут жить? – это был скорее риторический вопрос, ответа он не требовал.

Антон светил на Сашку, боясь потерять его из виду. Рюкзак маячил перед глазами, словно мишень в тире. Под молнией, почти по центру рюкзака пришита большая желтая ле-

тучая мышь – символ героя из мрачного Готэма. Антон много раз за последние годы мечтал о собственном рюкзаке, и именно о таком, чтобы с эмблемой Бэтмена. Какого было его удивление, когда увидел рюкзак из своих грез на спине брата. Он завидовал, но одновременно гордился тем, что у брата такой же утонченный вкус.

Антон пришел налегке. Даже если бы он захотел взять в поход что-то помимо рогатки и теплой кофты, то положить это было не куда – даже учебники в школу носил в полиэтиленовом шуршащем пакете из ближайшего к дому продуктового магазина.

У Сашки была металлическая посуда, горелка, кое-какая еда и одежда, на случай холодной ночи. Еще у него был большой нож с ржавой рукояткой, но его он не прятал в рюкзаке, а носил на поясе в самодельном чехле из грубой кожи телят. Во всяком случае Сашка уверял, что это теленок.

Он рассказывал, что нашел нож на болотах за городом, даже выдумал историю, будто когда-то давно этим ножом убивали людей, приносили в жертву древним богам. Правда он не говорил откуда знает про это, а Антон не спрашивал. Вид ножа действовал на Антона всегда одинаково – манил, словно говорил: «Возьми меня, обхвати рукоять, почувствуй силу». Возможно так действовала энергетика ножа, пропитанного кровью убиенных людей, вобравшего души жертв. Антон хотел владеть им, и когда смотрел на длинное кривое лезвие, чувствовал, как в центре груди появлялось схожее на

сверблящую рану ощущение. Словно лезвие вспоролло брюхо, но боли не причинило, а доставило радость обладания. Ему даже казалось, что он чувствовал на кончике языка кислый привкус металла.

– Сможешь пострелять по крысам.

Антон не сразу понял, о чем говорил брат. Перевел взгляд от чехла на поясе к лицу. Проследил за Сашкиным взглядом и с удивлением отметил, что сжимает в правой руке рогатку. Он точно помнил, рогатка была спрятана под футболкой до того момента, пока не взглянул на чехол от ножа.

– Да разве прицелишься в такой темноте, – сказал он, поспешно убирая рогатку за пояс и думая о силе и энергетике старого, ржавого метала, гипнотизирующего, заставляющего совершать бездумные действия. Интересно, а если бы Сашка не одернул, то как далеко он зашел? Натянул бы резинку? Вложил бы гайку?

– Да, – протянул Сашка, – мрак, как в душе Насти.

Он засмеялся, легонько подтолкнул Антона, приглашая разделить с ним веселье. Но Антон даже не улыбнулся, он не хотел думать ни о Насти, ни о ком-либо другом из приемной семьи. Только не сейчас, только не рядом с братом.

– Ладно, я пошутил, – примирительно сказал Сашка и взъерошил волосы на голове Антон, точно так же, как делал отец.

Антон нахмурил брови, надул щеки и дернулся в сторону от посягательств брата, быстрыми движениями поправил

прическу. Повернулся в противоположенную сторону и направил фонарик в темноту зала.

Сашка как-то сказал Антону, что в новых местах нужно внимательно осматриваться, прикидывать расположение окон и дверей, чтобы знать куда бежать, как побыстрее выбраться на улицу и не заплутать в доме. Этим Антон и занялся. Слабый свет от фонаря почти не рассеивал темноту, и Антону приходилось просить брата светить своим мощным фонарем на дальние стены и далекие углы.

Мрачный, пустой зал с высоким потолком и черными стенами пугал Антона, внизу живота, под пупом появлялось распирающее чувство, словно когда-то проглотил сдутый футбольный мяч, а теперь, от страха он надувался и давил на живот. Но куда больше его встревожили окна с целыми стеклами. Не должно быть такого, чтобы в пустовавшем несколько десятилетий доме окна не были выбиты. До них должны были добраться бомжи или наркоманы, да просто дурная шпана, ломающая всё, что можно сломать. Стекла подернуты толстым слоем пыли, не пропускающим дневной свет, ручки обмотаны паутиной, а на деревянных подоконниках облупилась и вспучилась краска.

Ему привиделась страшная картина, так отчетливо, будто однажды он пережил подобное, а теперь память решила воскресить забытые воспоминания. Он стоит по ту сторону окна, прижимается вплотную, вглядывается в грязное стекло. В нос попадает пыль при вдохе, он чувствует запах зем-

ли и перегнивших листьев. Чихает и в этот самый момент на стекле проступает полоска света, как раз на уровне глаз. Он чуть отдергивает голову и видит, как сухая ладонь похожая на засохшую кожуру от яблока, вытирает грязь со стекла. Затаив дыхание наблюдает и ждет, пока рука закончит очерчивать полукруг. Он знает кому принадлежит рука, знает, кто стоит по ту сторону от окна. Он не видит, но чувствует улыбку на сером, безжизненном лице и ледяной взгляд больших черных пуговиц.

– Смотри, – сказал Сашка, отрывая брата от надуманного взгляда пуговичного человека.

Антон помотал головой, быстро заморгал, словно избавлялся от мушки, попавшей в глаз. Сердце вроде билось быстрее, дыхание было коротким и частым, как от стометровки на уроке физкультуры.

С правой стороны, в конце зала, словно трон, стоял камин с большой топкой, похожей на бездонную пасть кита. Из него, а может из открытой входной двери повеяло холодом, Антон поежился и шепотом сказал:

– Я видел фильм ужасов, в котором был такой же камин. В нем сжигали людей.

– Брехня! – со знанием сказал Сашка. – Раньше каминны называли сердцем дома. Разве будет кто-то сжигать людей в своем сердце?

Он поднял с пола камешек и запустил в топку.

Камень просвистел, разрезая застарелый воздух, и про-

пал в темноте камина. Сашка бездвижно стоял, ожидая услышать звук удара камешка о кирпичную стену, звонкого рикошета, падения на пол или металлическую решетку, которую иногда кладут в топку. Но ничего подобного не услышал, камень беззвучно исчез, словно попав в плотную темноту завяз, как в трясине.

Он вопрошающе приподнял брови, повернулся к брату и, глядя мимо него, сказал задумчиво:

– Либо это черная дыра, либо камень попал на что-то мягкое.

Вытянул руку с фонарем. Пятно света задергалось на кирпичной стене, измазанной сажей. Сашка медленно двигал рукой, направляя пятно к днищу топки.

– Что это? – настороженно пробормотал Антон, сунул руку в карман с решительным намерением вытащить гайку и зарядить в рогатку.

В свет фонаря попал серый, мохнатый комок, похожий на облезлую женскую шубу или больное животное, лежащие на боку.

– Не знаю. Может какое-то животное, – предположил Сашка, – хочешь проверить?

Антон не ответил, но отступил к выходу. Рогатка поднялась на изготовку, оставалось натянуть резинку, прицелиться и выстрелить. Пусть только комок шелохнется, пусть только подымит голову.

Дышал Антон не ровно, грудь вздымалась, натягивая

клюв утки, нарисованной на футболке. Он слышал гул в ушах и ощущал, как горячий выдыхаемый воздух прикасался к верхней губе.

Сашка взял фонарик у Антона, сказав, что надо светить сразу в двух направлениях и ему удобней это делать самому. Маленькими шашками пошел к камину. Внимательно выбирал место на полу, светя под ноги, но в то же время не упускал из виду комок шерсти. Боялся наступить на что-нибудь хрупкое, звонкое, скрипучее, в общем на любой предмет способный поднять лишний шум и разбудить того, кто спал в камине. «А ведь совсем недавно громко говорил и наступал на что попадая, лишь бы разбудить весь дом» – подумал Антон, а вслух предположил:

– А если это медведь?

– Это может быть собака или лисица, но не медведь. Где ты видел таких медведей? Если только медведь-карлик.

Сашка отошел шагов на пять, как за спиной Антона послышалось множество скрежещущих звуков, похожих на лязганье коготков по бетонному полу или усилившийся дождь, бьющий по водосточной трубе и карнизу. Крысы! – понял Антон и несколькими широкими шагами нагнал брата. Остаться в темноте, да еще в обществе крыс он не желал.

Он держался за Сашкой, дышал ему в левое плечо и не отрываясь следил за неизвестным животным, держа рогатку наготове.

Подошли почти вплотную, Сашка наклонился, не оборачиваясь передал один фонарь брату. Достал из чехла нож и протянул руку в топку камина. У Антона по спине, от макушки до копчика, промчался рой мурашек, он почувствовал, как встали дыбом волоски. Ему вдруг стало казаться, что медведь только того и ждал, чтобы Сашка сунул руку, а теперь подскочит, блеснет красными глазками, раскроет пасть полную длинных клыков, похожих на зубочистки и откусит Сашке руку, вместе с ножом. А пока брат будет лежать в луже крови, судорожно дергаться в конвульсиях, медведь набросится на Антона и вцепится в горло. Он поднял руку и приложил влажную ладонь к горлу, защищаясь от возможного укуса. Но этого показалось мало. Отступил на два маленьких шага. Оглянулся на арку, соединяющую зал и коридор. Там, за стеной входная дверь, открытая и пропускающая серый свет улицы. Шумно сглотнул, горло пересохло, язык приклеился к небу. Он бы легко мог пробежать по залу, завернуть в коридор, сделать четыре прыжка и оказаться на улице, пахнувшей листвой, дорогой, лужами и туманом. Правая нога сделала еще один маленький, неуверенный шаг к коридору как вдруг вспыхнула яркая вспышка, похожая на молнию разрезающую черное небо и освещающая землю. Он увидел себя, стоящего на крыльце дома. Выскочил на улицу, как и задумывал. За спиной открытая дверь, и в черноте дома тусклый свет фонаря замер на потолке коридора, там, где торчат два проводка: красный и синий. Через порог пле-

щется бордовая кровь, льется по ступенькам, подползает к его ногам. Из входного проема доносится тихий, утопающий за непроглядной стеной темноты, осуждающий голос брата: «Как же так, братец? Ведь друзей не предают».

Антон с силой зажмурил глаза и надавил на веки ладонями. А когда открыл, вокруг была темнота и только где-то там, за поворотом тускнел свет улицы. Он повернулся к брату, все еще тянущему руку к неизвестному животному. Сделал решительный шаг к нему. Стиснул зубы, плотно сжал губы и убрал ладонь с горла. Если ему суждено погибнуть, то рядом с братом, то не трусом. Какая-то далекая часть сознания шептала, что он не умрет от укуса неизвестного зверя, а обернется в сильного, могучего волка, как в недавно посмотренном фильме. Эта мысль ему нравилась, уж лучше представлять себя волком, чем истекающим кровью синим трупом с разорванным горлом и вывалившимся языком.

Он не видел, как Сашка довольно улыбнулся, краем глаза наблюдая за внутренней борьбой Антона со страхами.

Сашка положил лезвие плашмя на шкуру, поводит им взад-вперед, из стороны в сторону, ища за что можно зацепиться, а затем нажал и резко дернул. Шкура подалась, приподнялась и перевернулась на другой бок. Морда зверя попала в круглое световое пятно фонаря.

Сашка вскочил, выпрямился как тетива лука после спуска стрелы, Антон отпрянул, издавая звук похожий на крик гориллы.

– Фу! – завопил он, позабыв, что еще недавно боялся громко разговаривать.

В топке лежаладохлая собака. Из пасти вываливался фиолетовый язык, на кончике носа копошились белые опарыши. Но Антона напугал не столько виддохлой собаки или червей, поедающих гниющую плоть, сколько глаза. Вернее – их отсутствие. Красные от запеченной крови глазные впадины походили на воронки от снаряда. Похожие воронки он видел в военных фильмах.

– Это мухи выели глаза. Они всегда съедают самое вкусное, – со знанием дела сказал Сашка, – потом через рот и нос забрались внутрь, отложили яйца. А когда из яиц вылупились черви, прогрызли путь наружу через пузо.

Чуть двинул рукой, чтобы в свет фонаря попадал бок собаки. Из шерсти торчали белые сухие ребра, а между ними виднелись все еще целые внутренние органы.

– Вот так они и делают. Со временем черви доберутся и до остального. В итоге останется голый скелет. Когда есть будет нечего, они превратятся в мух и улетят на поиски свежего трупа собаки, чтобы отложить новые яйца.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Антон.

– Из учебника биологии, – похлопал Сашка брата по плечу, – ты бы тоже знал, если учился, а не шлялся по заброшенным домам.

– А я учусь. Сейчас каникулы, – пробубнил Антон.

Сашка сдвинул фонарь еще немного. Кончик облезлого

хвоста утопал в золе, а рядом лежали две желтые пуговицы. Чуть ниже пальцем на золе выведена дуга, похожая на улыбку.

– Что это? – у Антона дрогнул голос.

– Какой-то дурак нарисовал рожицу и положил пуговицы вместо глаз, – спокойным голосом ответил Сашка, – ничего необычного. Ты ведь не думаешь, что мы первые посетители за последние десятки лет?

– А вдруг это... – не успел Антон завершить мысль, как его перебил грубый голос брата.

– Это не он! – и уже мягче добавил: – ладно, что смотреть на собаку. Хоть засмотришься – не оживет. Пошли дальше.

Справа от камина, почти в углу была закрытая дверь. Когда-то она была покрашена в голубой цвет, похожий на лепесток лилии. Так решил Антон, глядя на куски облупившейся краски, валяющейся под дверью. Теперь серая дверь походила на старую, сухую крысу. У правого верхнего угла выделялось пятно черной плесени.

Сашка махнул рукой к двери, безмолвно говоря, что начать стоит именно с нее.

Пол предательски скрипел под ногами, извещая тех, кто мог их ждать за дверью, что скоро они подойдут. Сашка навел свет фонаря на ту часть двери, где должна быть ручка, но кроме замочной скважины там ничего не было, впрочем, Антон это заметил раньше. Да и замочная скважина была без замка. Сашка просунул туда палец и открыл дверь.

Это было небольшое помещение без окон. С потолка свисали провода, стены измазаны красными разводами, а на полу палас, изъеденный крысами и насекомыми. Сашка предположил, что это каморка для хранения продуктов или складирования вещей. Но Антон решил, что эта комната для раздумий. Сюда приходит пуговичный человек, прислоняется лбом к стене и размышляет о том, как бы заманить в дом побольше ребяташек, ищущих приключений. Конечно такая мысль не посетила Антона, если бы он сам не занимался подобным в своей комнате. В основном ночами, когда все ложатся спать и никто не мешает. Он становится лицом к стене рядом с кроватью и думает. Чаще всего о родителях, иногда мечтает о друзьях, а иногда в голову приходят мысли о собаке или кошке. Но только не той, которая была у Насти, а своей собственной. Чтобы он сам дал ей имя и сам за ней ухаживал.

– Пошли дальше, скоро сядет солнце, а мы топчемся на месте, – возмущенно сказал Сашка.

Они вышли из комнаты, отошли от камина на три шага, и в тот момент, как Антон открыл рот, чтобы предложить устроить перекус, почти под потолком, на уровне второго этажа раздался протяжный скрип двери.

– Там кто-то есть, – сказал Антон, всматриваясь в темноту второго этажа. Его голос осип от страха, во рту быстро пересохло, а ладони взмокли так сильно, что фонарик чуть было не выскользнул на пол.

Кроме перил он ничего не увидел. Лестница пуста, а второй этаж окутан зловещей темнотой, которую не под силу пробить его фонарю.

– Нет там никого. Крысы или ветер. – Сказал Сашка. – Давай поедим немного, а то в животе урчит.

– Нет, там пуговичный человек, – возразил Антон, невольно прижимаясь к брату.

– Если бы он там был, то мы услышали шаги. Дом старый и невозможно ходить бесшумно. Вот сам послушай.

Сашка сделал два тяжелых шага, каждый из которых сопровождался мучительным скрипом половиц.

– Да я слышал наши шаги, но ветра тут нет, а крысы не открывают дверей, – заметил Антон.

– Я тебе докажу, что там нет людей, что там никого нет, – он повысил голос, но не для того, чтобы припугнуть брата, а чтобы воодушевить. Задрал голову, набрал полную грудь воздуха и прокричал:

– Эй! Есть там кто?

От его крика у Антона сдавило в груди и защекотало у основания черепа. А еще он отметил, что брат намеренно не произносит имя того, кто тут живет – пуговичного человека. Словно он верил, если не называть по имени, то он не объявится. Антон же пренебрегал этим правилом и вспоминал его каждый раз, как где-то скрипнет половица или хлопнет дверь.

– Ну вот, видишь. Если бы там кто-то был, то выдал се-

бя. – Сказал уверенно Сашка. – А теперь я достану еду. После проверим что за той дверью.

Прямо под лестницей на второй этаж закрытая дверь. У Антона вновь появилось щемящее ощущение под ребрами. Внутренний голос говорил, что двери не могут быть все закрыты, это странно для заброшенного дома. Так же странно, как целые окна.

Они прошли к арке, ведущей в коридор. Входная дверь оставалась открытой и дневной свет манил Антона выбежать на улицу. В коридоре оставался проем без двери, а за ним небольшая ванная комната. Они в нее не заходили, заглянули мимоходом, пока пробирались от выхода к залу. Там грязно. Унитаз измазан сухими коричневыми пятнами, а ванна подернута ржавым налетом, с потолка свисала паутина и большие куски штукатурки.

Сашка расстегнул рюкзак и вытащил еду. У них были яблоки, сухари и головка лука, украденная у злобной старухи на рынке. Если быть точным – не совсем украденная, а поднятая с земли спустя секунду, как скатилась с кучи таких же луковиц. Сашка говорил, это не воровство, ведь все знают, что упало – то пропало, но Антона мучала совесть, он твердо решил не есть украденную луковицу.

Кроме сломанного стула и перевернутого шкафа, в зале ничего не было, потому есть приходилось стоя. Сашка развернул пакет с сухарями и протянул брату. Антон взял горсть и целиком сунул в рот. Сомкнул челюсть, и после непродол-

жительного хруста, скривил лицо от боли, зажмурил глаза и простонал, сдерживая слезы:

– Снова зуб.

– Давно болит? – поинтересовался брат.

– Двенадцать дней уже, – говорил Антон с набитым ртом.

– А чего не лечите?

– Тетя Таня говорит, незачем тратить деньги на лечение молочного зуба, который выпадет сам.

– А если не выпадет? Давай мы его выдернем? – предложил Сашка и предупредил Антона пока не жевать сухие сухари, а сначала размочить слюной.

Антон заинтригованно спросил, глядя на брата:

– Как мы его выдерем?

– Очень просто! Есть два варианта: обвязать одним концом веревки зуб, а вторым дверную ручку. Дверь открывается – зуб вырывается, – усмехнулся Сашка получившейся рифме.

Антон огляделся.

– Но тут все двери без ручек.

– Это да, – протянул Сашка, – тогда остается второй вариант, но он болезненней.

– Какой? – с опаской спросил Антон, ощущая, как начала пульсировать челюсть как раз в том месте, где был больной зуб.

– Я бью фонариком тебе по щеке и зуба как не бывало! – сказал он и повертел фонарик в руке, как бы примеряясь.

– А вдруг кроме этого зуба вывалятся другие, здоровые? – спросил Антон и на всякий случай отошел на полшага, чтобы рука брата с фонариком не дотянулась до его челюсти.

– Это возможно. А у тебя там больше нет молочных зубов?

– Нет, – покачал головой Антон.

– Тогда, пожалуй, не стоит рисковать, – заключил Сашка и тоскливо потупился на фонарик. Перевел взгляд на яблоко и с сожалением сказал: – это лучше тебе не есть.

На запах съестного сбежались крысы. Подходить близко они не решались, выглядывали из многочисленных дыр в стенах и полу. Сашка светил на них фонарем, но они не боялись света, лишь блестели глазками, вставляли на задние лапы и водили носом, принюхиваясь в какой стороне появилась еда.

– Смотри, сейчас будет шоу. – Сашка кинул большой засушенный ломоть хлеба. Не слишком далеко, достаточно чтобы было видно.

Крысы вцепились в хлеб, пищали и тянули каждая в свою сторону. Никто не желал сдаваться. Долго наблюдать за возней не пришлось. Появилась большая крыса и забрала весь хлеб себе.

– Наверное это их король, – шепнул Сашка, толкая брата в спину, – Если убьешь её, то станешь королем всех крыс.

Антон тяжело и громко сглотнул, проглатывая остатки сухарей. Медленно потянулся к карману с гайками, забыв

про зубную боль, но вытащить не успел, король крыс прыгнул в дыру.

Больше подкармливать не стали. Сложили еду и убрали в рюкзак. Крысы ещё наблюдали за ними, но не подходили. Сашка достал из кармана брюк пачку сигарет, выудил одну и закурил, выдыхая дым в лицо Антону. Он кашлял, а Сашка смеялся. Если тетя Таня узнает, что Антон находился в компании с курящим, то прибьет его ремнем, но если решит, что он не просто дышал дымом, а еще и курил, то растопчет словно таракана. И это не потому что она печется о его здоровье, нет, ей на это плевать, а потому, что табачный дым может вдохнуть Настя, закашляться, заболеть и слечь с туберкулезом. Тетя Таня не знала, что Настя уже давно прирастилась к дыму, знал только Антон, но ему было велено держать язык за зубами, иначе может случиться так, что его бездыханное тело найдут на дне канализационного колодца. Так думал Антон, переминаясь с ноги на ногу, решая в какую сторону лучше отойти, чтобы на него не попадал дым.

– Хочешь попробовать? – спросил Сашка, подавая папиросу. Красный уголек красиво горел в темноте, освещая подбородок и губы брата. Он улыбался.

Антон отказался, тогда Сашка сделал еще пару затяжек и бросил окурок на пол и растоптал словно надоедливую муху.

– Надо проверить все комнаты. Разделимся?

– Не, я один туда не пойду, – запротестовал Антон.

– Да не трус. Вместе пойдем. А то ещё объявится пуго-

вичный человек и утащит тебя, – он улыбался и довольно шурился.

– Говорят, у него вместо глаз пуговицы, а пахнет он леденцами, – сказал Антон.

– Ага... – протянул брат, – выколю ему пуговицы, хороший трофей будет лежать в коробке, рядом с женой кладбищенского смотрителя. – Он вытащил нож и поглаживал лезвие.

Антон рассмеялся. Сунул руку за пазуху и выудил рогатину. Из кармана достал горсть гаек.

– Пусть только покажется, пробью голову! – выбрал самую увесистую гайку и заложил её в резинку рогатки.

– Вон, вон! – завопил Сашка, – стреляй, там крыса!

Антон повернулся в сторону, куда указывал брат и натянул резинку.

Крыса сидела рядом со сломанным стулом и что-то грызла. Антон прицелился и отпустил резинку. Гайка гулко ударилась о стену и со звоном покатилась по полу. Крыса сверкнула глазками и юркнула в темноту.

– Промазал! – брызнул Сашка, – мазила.

Он смеялся над неудачей брата, а Антон молчал и гадал, что выронила из лап крыса. Это был овальный предмет розоватого цвета. Пришлось подойти ближе, чтобы понять, что добычей крысы был леденец.

В голове вновь стали вырисовываться образы пуговичного человека, только теперь он держал в руке конфету. Перехватило дыхание, Антон замычал, пытаясь привлечь внима-

ние Сашки, ноги вмиг стали ватными, в животе похолодело, словно проглотил кусок льда.

– Что случилось, братец? – подошел Сашка.

– Ле-ле... нец, – выдавил Антон, указывая пальцем на пол. – Пу-пу-пу.. вичный человек!

Сашка побледнел, но все равно находил силы улыбаться. От напряженной, совершенно неуместной, улыбки губы чуть заметно дрожали.

– Это же конфета! – Он наступил на неё и растоптал. Говорил громко, но от Антона не укрылось волнение.

Если после находки в камине у Сашки были основания полагать, что подкинутые пуговицы – это дело рук каких-нибудь чудаков, подпитывающих легенду о зловещем пуговичном человеке, то после второй находки – леденца, которым судя по рассказам у пуговичного человека набиты карманы, он начал сомневаться в безобидности и скромности обитателя дома. Пусть Сашка говорил, что монстры безобидны и не причинят людям вреда, Антон знал, что любой из них только и мечтает, чтобы наброситься, содрать кожу и нарядиться в неё, прикидываясь человеком. Да и потом, какой монстр потерпит наглцов в своем доме? Он следил за ними, был где-то рядом, возможно стоял в ближайшем углу и улыбался.

– Давай уйдем, – взмолился Антон, потянул брата за руку.

Сашка молчал, продолжал втаптывать конфету в пол.

– Саша...

Он склонился, положил руки на плечи Антона. Лицо по-

розовело, губы уже не дрожали. А может Антону просто тогда показалось? Ведь Сашка не такой, его не испугаешь призраками, он их повидал целую кучу.

– Не бойся. У нас есть оружие. Ты главное не мажь. Сейчас исследуем каждый метр. Вот увидишь, что никакого пуговичного человека не найдем, он прячется от нас где-нибудь в шкафу и дрожит от страха.

– А если найдем? – с сомнением спросил Антон.

– Ну тогда размажем его как эту конфету, – Сашка воодушевленно засмеялся, подпрыгнул и приземлился ботинками с толстой подошвой на остатки конфеты. Она заскрежетала, как песок на зубах.

Антон смотрел на то, что осталось от конфеты и думал, как будет зол пуговичный человек, узнав, что его конфету растоптали в пыль.

– Ну, теперь туда, под лестницу. – Скомандовал брат, выводя Антона из раздумий.

Шаги распугали крыс, от толчка дверь скрипнула, распахнулась и с диким скрежетом покосилась, повиснув на одной петле.

– Вот черт, – растерянно произнес Сашка.

Он держал левую ногу на весу, всего секунду назад готовый ступить через порог.

– Тут лестница. – Сказал Антон.

Она уводила вглубь здания. Дунуло холодным сырým воздухом с пряными нотками корицы. Свет фонарей не до-

ставал до основания лестницы, лишь до десятой ступени, а дальше рассеивался во мраке.

– Если в доме есть зло, то оно точно там, внизу, – заключил Сашка и усмехнулся. А подвальное эхо повторило последние его слова: «там, внизу».

Они решили не спускаться, во всяком случае, пока не обследуют второй этаж. Оставят подвал напоследок, как десерт, как вишенку на торте. Дверь закрыть не удалось, она сильно провисла, да и ручки у неё не было. Антон подумал: «Как же пуговичный человек открывает и закрывает двери, если у них нет ручек?»

Лестница на второй этаж прогнила и представлялась весьма опасной. Если ступень не выдержит, то легко сломать ногу, а то и целиком провалиться. Они шли медленно и осторожно. Держались за черную стену, покрытую пылью, сажей и плесенью. На ощупь она была сырая и походила на слизняка. Антон поморщился и обтер руку о шорты. Но поскольку перила отвалились от первого же прикосновения, пришлось вновь прикоснуться к стене.

– Чувствуешь запах? – окликнул Антон Сашку и зажал нос свободной и чистой рукой.

– Да, воняет помоями или дохлятиной, – он озвучил мысли брата.

Чем выше поднимались, тем запах становился сильнее.

Антону не хотелось идти дальше, он чувствовал, что они непременно обнаружат что-то мерзкое, но говорить Сашке о

своих опасениях не стал, все равно это ни к чему не приведет, разве что к насмешке и какой-нибудь фразе из фильма, на подобии такой: «нельзя останавливаться на полпути» или «нам не ведом страх».

Поднявшись на второй этаж, они обернулись, окинули взглядом зал с высоким потолком и только теперь Антон обратил внимание на люстру. Она была из кованного железа, а вместо лампочек торчали догоревшие свечи. Капли застывшего воска облепили всю люстру, словно моллюски днище корабля.

– И как она только не упала, – удивленно произнес Сашка.

– Упадет еще. Слишком большая, чтобы долго продержаться.

– И ведь не украл никто.

– Наверное любимая люстра пуговичного человека. Не даст украсть, – заключил Антон и повернулся к дверям.

Их было три. Все без ручек и все прикрыты. Особо не раздумывая, открыли первую и вошли. Тут окно было чистым, словно его недавно полировали. Из него виднелись развалины завода, утопающие в тумане. За ними должен быть сосновый лес, но его не видно. Комната маленькая, почти как кухня в новой квартире Антона. На стенах сохранившаяся лепнина, изображающая морской берег, чаек и лодки. Пол целый, не гнилой и не вздутый от влаги. В углу, рядом с камином – больше похожим на морозильную камеру – старая раскладушка, на ней матрас и пожелтевшая подушка, из ко-

торой торчали перья.

– Можно будет заночевать тут, – Сашка подтолкнул Антона к раскладушке.

– Ну уж нет, – упрямо покачал головой он и ткнул пальцев в сторону подушки, – похоже воняет она.

На противоположной от камина стене висело мутное зеркало, а под ним стояла тумба. Пока Антон смотрел в зеркало, и сравнивал отражение с туманом, брат обследовал тумбу.

– Смотри, – острием ножа он перебирал пуговицы, мотки черных ниток и иголки. Пуговицы все черные, но разных размеров. Среди круглых выделялась одна квадратная, крупная. Такие пришивают модницы на шубы.

Сашка приподнял иголку и поднес ближе к лицу. Из ушка торчала нитка с неровным, откусанным концом.

– Как тебе такое, братец? – шепотом, как бы между делом спросил он.

– Мне это не нравится, – сказал Антон неровным, волнительным голосом.

– Наверное это комната пуговичного человека. Тут он спит, а тут, перед зеркалом...

– Прекрати, – попросил Антон, но брат не останавливался. Он уловил нарастающий страх и продолжал пугать. Но пугал не ради удовлетворения каких-то низменных потребностей, наподобие показать свое превосходство путем унижения, а для того, чтобы выбить страх страхом.

– Перед зеркалом он пришивает себе глаза. А потом идет

в подвал, где...

Брат умолк на полуслове. Снизу раздался скрежет, а следом грохот и долгий протяжный скрип. Они замерли. Иголка выскользнула из пальцев Сашки и, как в замедленной съемке, полетела на пол. В полной тишине она два раза звякнула и затерялась в трещинах пола.

– Это из подвала? – шепотом спросил Антон.

Сашка молчал, его глаза застыли, зрачки расширились. Он побледнел, и казалось перестал дышать. Нож в руке готов был выскользнуть.

– Давай уходить! – промямлил Антон.

– Тихо, – прошипел Сашка, – ты это слышишь?

Антон прислушался. Но кроме гула в ушах ничего не улавливал. Сашка поднял палец к губам, приказывая молчать и слушать.

Антон затаил дыхание, успокаивая бешеное сердце. И тогда, между ударами сердца, услышал то, о чем говорил брат.

Сначала звук походил на шлепки рыбы о берег, но чем он становился громче, тем отчетливей различались шаги. Неуверенные, смазанные. Как будто ребенок учился ходить. А когда к шагам добавился стон, они побежали прочь из комнаты. Перепрыгивали сразу по несколько ступеней, позабыв про гнилые доски. Внизу маячил проем в подвал и Антону представлялось, что как раз в тот момент, как они поравняются с ним, как спустятся с последней ступени, из темноты высунутся сухие серые руки, пропахшие леденцами и утянут

вниз.

Оказавшись на первом этаже, Антон заглянул в подвальнойную темноту и почувствовал нарастающий ужас, он пожирал внутренности. Двери не было, её вес не выдержала петля. Это она гроыхала, падая в подвал. А шум разбудил того, кто был внизу.

Во рту пересохло, в голове звенело. Дрожащим руками Антон направил фонарик в проем.

Когда луч коснулся первой ступени, он ощутил на шеи дыхание брата.

– Ты что задумал? Надо бежать! – встревоженно говорил он. В его голосе уже не было стойкости, все хладнокровие, вся уверенность исчезли.

Свет скользнул вниз, к десятой ступени, дальше фонарь не доставал.

Пусто, но шаги стали настойчивей, громче. Тот, кто поднимался желал их поймать, а потому прибавил шаг.

– Уходим! – Сашка сильно дернул за плечо, Антон подался назад, а фонарик выскользнул из руки и полетел вниз, по лестнице.

Свет плясал по стенам, ступеням и потолку, фонарик крутился, гулко бился о дерево, но не выключался.

Сашка дергал его за руку, тянул. Антон хотел скорей уйти, но в то же время хотел увидеть пуговичного человека, хотя бы краешком глаза. А потому сопротивлялся, вяло поддавался, переступал ногами и молил фонарь лететь быстрее.

Запах корицы и ванили пропитал воздух. Точно так же пахли конфеты деда, которые он держал под подушкой в пакете и время-от-времени предлагал Антону. Антон навсегда запомнил тот запах, который до сих пор чувствовал по ночам, хотя дед уже год как умер. От сладкого запаха голова кружилась, мысли становились вялыми, все тело охватила слабость.

Сашка тянул его к выходу одной рукой, а во второй держал фонарь и нож. Луч суетливо прыгал по стенам и полу, выхватывая из темноты тени, которых раньше не было. Из всех дыр выползли крысы, встали на задние лапы, провожая не званых гостей. Только теперь вместо глаз у них были черные пуговицы. Когда Сашкина рука дрогнула, а фонарь метнулся в сторону камина, Антон отметил, что топка пустая, а собака вяло перебирала иссохшими лапами, словно инвалид с окостенелыми ногами. Из проеденной дыры в боку вываливались кишки и тянулись по полу от камина. А в глазницах желтые пуговицы, лежавшие до этого в золе.

Наверное, Антон потерялся, забылся. А когда пришел в себя, они были уже на улице. Шел мелкий дождь. Конфетами больше не пахло. Издалека дом не выглядел пугающим, скрывающим жуткие тайны.

– Ты что-нибудь видел в подвале? – спросил Сашка.

По тому как спокойно он задал вопрос, Антон понял, что брат не видел ничего. Он немного подумал и отрицательно покачал головой. Не стал рассказывать, что увидел в све-

те фонаря, когда тот ударился последний раз о лестницу, прежде чем погаснуть. Да он и сам уже не уверен, что видел серое лицо без губ, с морщинами, похожими на трещины в сухой земле и с одной большой квадратной пуговицей вместо глаза. Это существо тянулось к нему серыми пальцами со сломанными ногтями, сжимало леденец на палочке.

Да и стаи крыс с мертвой собакой, идущей к нему, теперь казались не больше чем разыгравшемся воображением.

– Я ж говорил, что все эти рассказы о злом пуговичном человеке – выдумки! В подвале шумели крысы. А пуговичный человек заперся в одной из комнат или в шкафу и молил, чтобы его не нашли, – ободряюще произнес Сашка и чуть толкнул Антона плечом. – А если не крысы, то бомж по пьяни забрался в подвал, а от нашего шума проснулся.

Они побрели в сторону города. Антон напоследок обернулся на заброшенный дом и поклялся больше никогда не возвращаться в него.

– Как же ты без трофея? – беспокойно проговорил он.

– Почему же без трофея, – прищурился Сашка и сунул руку в карман.

Достал квадратную пуговицу и протянул Антону.

– Положим в тайник, к фотографии жены смотрителя кладбища. Теперь ей не будет одиноко.

Антон смотрел на довольное лицо Сашки и радовался, что выбрался из дома живым. Но в глубине души он знал, что на этом история пуговичного человека не окончена. Он захочет

вернуть свой глаз.

Приемная семья

Зубная боль, успокоившаяся на время, вновь дала о себе знать, когда Антон завернул за угол трехэтажного деревянного дома – памятника архитектуры двадцатого или двадцать первого века. Пытаясь отвлечься от боли, он вновь принялся фантазировать: когда все же построили этот страшный, покосившийся дом, с крыльцом похожим на покинутый птицами скворечник. На углу висела мраморная табличка, как и у всех памятников архитектуры в городе. Слова и цифры стерлись, и на потемневшем от времени фоне проглядывалось несколько букв и римских цифр: «П...тник ар...е...ры ХХ».

Он миновал ларек с фруктами, где как обычно, сидя в старом кресле, дремал толстый продавец; обошел одинокий куст сирени с обломанными кончиками веток и остановился у большой, никогда не высыхающей лужи. У неё нет дна, а в темной воде живу монстры, хватающие за ноги прохожих. Вдоль лужи протоптана узкая тропинка, но Антон по ней не ходил, а оббегал по траве за несколько шагов от кромки. Видел бы это Сашка, то обязательно подошел к краю, склонился и сунул палец в воду, показывая, что монстры не нападают.

Антон подошел к ржавой телефонной будке, прислонен-

ной к кирпичной стене пятиэтажного дома. Когда-то она была красного цвета, когда-то в ней висел телефон с железным проводом и отверстием для пятикопеечной монеты. Когда-то выстраивалась очередь, чтобы попасть в нее. Теперь же она походила на заброшенный школьный автобус, отвезенный на свалку и ждущий очереди на переработку, чтобы стать мангалом на чьей-нибудь даче или будкой для злой и одинокой собаки.

Антон дернул дверь, но та не поддавалась, впрочем, как и вчера, и позавчера, и пять дней назад, и месяц, и каждый день из прошедших пяти лет, что он пытался её открыть. Он вновь залез через разбитое окно, зацепился за осколки стекла, торчащие словно зубы бездомной собаки, порвал футболку и чуть поцарапал бок. Не до крови, но все равно больно. «Эх, лучше бы разорвал бок, а футболка осталось целая», – с досадой подумал Антон, разглядывая дыру, в которую с легкостью просовывалось три пальца.

Присел на корточки и среди тысячи слов и неразличимых символов нашел свое, нацарапанное в далеком детстве, тогда, когда он только учился писать, готовясь через три года пойти в первый класс. Провел пальцем по шершавой поверхности ржавого железа, обводя кривые буквы. Это сейчас ему приходилось нагибаться, а когда карябал красную краску отцовским перочинным ножом, будка была такой огромной, что в ней можно было бегать; старый сломанный телефон висел недосягаемо высоко, а дотянуться до него мож-

но было только с помощью отца. Он поднимал Антона, просил позвонить маме, сказать, чтобы накрывала на стол и ждала своих мужчин. Антон говорил в глухую трубку и звонко опускал ее на рычаг телефона. Отец смеялся, Антон улыбался и никого не заботило, что телефон не работал.

Это было так давно, что последние года два Антону казалось, это происходило вовсе не с ним, а было увидено в каком-то добром фильме для детей. Там, где ребенок беззаботно смеялся беззубым ртом и спешил домой, где его ждали любящие родители и белый щенок с черным ухом и маленьким хвостом. Антон закрыл глаза и еще раз провел пальцем по буквам. Медленно, обводя каждую закорючку, каждую линию, каждое мгновение прошлой жизни. Все что осталось от отца – это воспоминания, а будка словно переходник в то время, когда отец помогал нацарапать первое слово Антона – «мама».

Выбрался через ту же дыру с острыми стеклами. На этот раз удачно – не зацепился. Задержал дыхание и вошел в арку, соединяющую два дома. Тридцать шагов до двора, тридцать шагов, пропитанных запахами кошачьей мочи, впитавшегося в асфальт бензина, плесневелого мешка картошки, стоящего в углу за коробками из абрикосов,дохлых крыс и крысиного яда, собачьих испражнений и большой коробки изпод холодильника, в которой уже третий год жил дядя Валя.

Во дворе шумно. Тарахтел жигуль, щебетали птицы, лаяли собаки, на лавочке разговаривали бабушки в пестрых пла-

тнях, похожих на пододеяльники или шторы, а на футбольной площадке гоняли мяч одноклассники Антона. На воротах стоял толстый Ванька. Антон на мгновение растерялся, в животе похолодело, а ладони вспотели. Ванька не замечал Антона, он готовился ловить мяч. Остальные ребята тоже не обратили на Антона внимания и, возможно, он мог пройти незамеченным прямо по дороге, но рисковать не хотелось, он юркнул за куст ежевики и пробрался через палисадник до своего подъезда. Внимание на него обратили только всевидящие бабушки и рыжий кот, валяющийся в траве.

В подъезде снова разбита лампа, а на стене появилась еще одна надпись с оскорблениями в адрес Антона. Он горько вздохнул, представляя, как будут ворчать соседи. Подошел к окну, на подоконнике лежала газета с прожженной сигаретой дыркой в глазу какого-то политика или певца. Через грязное стекло просматривалась почти вся футбольная площадка. Толстый Ванька в красных шортах, рыжий худой Петька и высокий Макс с синяком под глазом. Остальных Антон не знал, наверное, из соседнего двора. Антон задумался кто мог поставить Максу синяк. Должно быть кто-то еще выше и еще сильнее. Жаль, что это сделал не он. Вот бы ему стать таким большим, чтобы его боялись. Тогда бы он выходил во двор и играл с ребятами в футбол. Тогда бы стены в его подъезде были чистые, а лампы не бились.

Он сидел на подоконнике, глядел в окно и потирал щеку. Зуб не проходил. Вдобавок в животе урчало и сосало. Вот

бы сейчас съесть печеную картошку, приправленную солью, да запить квасом. Вот бы сейчас сидеть не на подоконнике в грязном подъезде, а у костра в лесу, подкидывать в огонь ветки и слушать Сашкины истории о леших и русалках.

Солнце скрылось за соседний дом, ветер гонял по асфальту пыль и играл листвой на деревьях. Последний гол забит, ребята разбрелись по домам, где их ждал вкусный ужин и вечер у телевизора за просмотром мультфильмов, урчащий под боком кот, поцелуй перед сном и мягкая подушка, пахнущая ромашками или лавандой. Антон вздохнул, ударил кулаком по щеке, в надежде унять боль и спрыгнул с подоконника. Зуб не прошел, жгучая боль появилась на щеке.

Двадцать пять ступенек позади, Антон стоял на площадке напротив черной железной двери с наклепленными цифрами «один» и «один». Дверной глазок горел желтым светом. Он не подходил к двери, он прокручивал в памяти путь от подъездной двери до площадки и вполголоса просчитывал пройденные ступени. Где-то ошибся, не досчитался одной, проскочил. Развернулся, спустился на первый этаж и снова поднялся, считая вслух:

– Один, два, три... Двадцать шесть.

Теперь все в порядке, теперь можно быть спокойным, ступенька не потерялась, все на месте. Он занес кулак и ударил в дверь. Сердце замерло, дыхание перехватило. Он прислушивался к шагам за дверью и смотрел на свет глазка. Дверь не открывали, хотя в глазок кто-то смотрел. Антон отошел

на шаг, вспоминая как однажды его бранила тетя Таня: «Никогда не стой близко к двери, я не вижу тебя в глазок!».

– Кто? – строгий голос.

– Это я, Антон.

Он знал, что сразу не откроют. В прошлый раз замок щелкнул на десятой секунде, в позапрошлый на восьмой. Самое большее не открывали триста пятьдесят восемь секунд. Это было как раз перед новым годом. Тот вечер выдался морозным, в подъезд задувал ветер через разбитое окно между этажами, штаны промокли от налипшего снега, в дырки подошвы сапог забился лед, у Антона стучали зубы и немели пальцы. Но он считал, считал и надеялся, что не придется ночевать в подъезде.

– ... восемь, – он смотрел на глазной проем, а оттуда смотрели на него. Пусть и не видел, но знал и чувствовал, что там, по ту сторону, прислонившись щекой к металлу стоит Настя. Черные, холодные глаза, похожие на комки слипшейся, мокрой земли сверлят презрительным взглядом.

– ... двенадцать, – рекорд этой недели.

– ... четырнадцать, – ключ поворачивается и дверь лениво приоткрывается, ровно на столько чтобы можно было протиснуться коту или худой собаки.

Антон зашел, вытер ноги о коврик и нагнулся, чтобы развязать шнурки.

– Ну и чего ты там опять бормотал? – спросила Настя. Она стояла в двух шагах, руки скрещены на груди, волосы

зачесаны и сплетены в тугую косичку, глаза выпучены, а рот приоткрыт. Точь-в-точь как та безмозглая рыба, похожая на кусок сыра, из мультфильма про потерявшегося малька. Как же он назывался... Антон задумчиво, тихо произнес:

– Рыбы-клоуны?

А может не тот мультфильм, может это было про русалку...

– Чего ты шепчешь? – она угрожающе двинула головой, да так, что хрустнули позвонки на шею.

– Ничего, – ответил он, вспоминая, делала ли подобное та рыба, похожая на кусок сыра.

– Размазня, – бросила Настя, резко развернулась, так, что косичка хлестнула по стене и ушла через зал в свою комнату.

Он убрал ботинки с порога и прошел в зал. Он перестал оставлять обувь на коврике у двери с того дня, как его кеды растоптали, словно двух мерзких тараканов. По ним прошли все: тятя Таня тяжелыми ботинками, которые шьют для инвалидов и выдают в специальных центрах по спискам, Настя туфлями с острыми каблуками, а дядя Миша не просто наступил грязными туфлями, но даже не удосужился убрать их с обувки Антона. Тетя Таня говорила, что его можно только так воспитать: не словом, а делом, и навешивала подзатыльники, чтобы лучше усвоился очередной урок воспитания. Она даже поставила отдельный шкафчик для его обуви, чтобы Антон убирал свои вонючие башмаки с прохода, но Антон им не пользовался.

Тетя Таня сидела на диване и смотрела сериал по пятому каналу. Антон поздоровался, она повернула голову, безразлично глянула на него, затем взяла пульт и прибавила громкость.

В животе урчало так сильно, что даже сквозь шум телевизора слышал душераздирающие стоны. В добавок к этому крутило и тошнило. Не мудрено, ведь за весь день съел только горсть сухарей. Он прошел на кухню, открыл холодильник. Полки пустые, в двери пожелтевшее масло и полбулки хлеба в пакете. В животе кольнуло, Антон поморщился от боли, а на языке почувствовал кислый привкус. В раковине лежали три тарелки, из них недавно ели мясо, приготовленное в кастрюле, замоченной и стоявшей на плите. В воздухе сохранились нотки ароматной приправы к жаркому из свинины. В животе кольнуло сильнее, а рот наполнялся слюной, так, что приходилось часто глотать. Циферблат на микроволновой печи показывал восемь часов, а значит ужин был ровно два часа назад. Антон на него не успел, а его порцию решили не оставлять, разделили и съели. Как говорил Сашка: «в приемной семье клювом не щелкай, а хватай еду вперед всех».

Он достал хлеб и масло, отрезал пожелтевший край, бросил в раковину и смыл горячей водой. Сделал бутерброд, а пока размешивал в чае сахар на кухню пришла Настя.

– Что делаешь, размазня? – она наливала из графина воду, отстоянную на солнце. Вот уже год как пьет заряженную

солнцем воду, но все никак не похудеет. Ко всему прочему становилась злее и раздражительней. – Хотя можешь не отвечать, мне все равно, главное не путайся под ногами.

Она толкнула Антона в спину, тот повалился на стол и на бутерброд.

– Ма! – завопила Настя, – а Антона испачкал футболку в масле!

Она хитро улыбнулась, подмигнула и, ударив хвостом по стене, пошла прочь, освобождая место тете Тани, поднимающейся с дивана.

Антон на мгновение растерялся, запаниковал, но быстро сообразил, как избежать наказания. Подскочил к раковине, включил воду, сунул под струю часть футболки с масляным пятном, но заметил забытую дыру, проделанную осколками стекла телефонной будки, опустил руки, горько вздохнул и повернулся лицом к неминуемой расплате.

– Ну что еще ты натворил? – она нависла над ним словно айсберг над рыбацкой шлюпкой.

– Я нечаянно, – сказал он, прижался к раковине и прикрыл рукой дыру на футболке.

Говорить правду Антон не стал, ведь стоит тете Тане услышать от него обвинения в адрес Насти, не избежать сурового наказания. В прошлый раз она запретила ему выходить из комнаты три дня. Она называла это домашним арестом.

Тетя Таня оценивающе посмотрела на стол с раздавленным бутербродом, на пол с крошками и валяющимся ножом,

и наконец на футболку.

– Ты знаешь, как трудно вывести жировое пятно? – спокойным тоном спросила она, но Антон знал, что это только начало разговора и спокойный тон непременно сменится на раздражительный, нервный и ненавидящий.

– Знаю, я сам постираю и все уберу, – сказал он и с опаской глянул на тетю Таню.

– Конечно сам, так же как сам убираешься в клетке за хомяком. Заметь, за твоим хомяком. Не моим, не Настиним, не дяди Миши, а твоим. – Так бывает всегда, в любом разговоре она упоминает хомяка Антона и ту невыносимую вонь, которую ей приходится вдыхать. По мнению тети Тани, из-за этой вони у нее не приживаются цветы в горшках, вянут через пару дней после пересадки. Но Антон знал, что цветы вянут из-за кошки Насти, любящей не только погрызть лепестки, но и опрыскать мочой землю. Он молчал, не говорил про кошку, ведь все равно ему не поверят, даже если сами увидят, как она обглаживает цветок. Только теперь Антон подумал, насколько кошка хитрая и коварная, никогда не пакостит в присутствии тети Тани или дяди Миши, а будто нарочно перед Антоном, словно смеясь говорила: «я могу делать что вздумается и мне ничего не будет, а ты только попробуй шаг сделать не в том направлении или сказать лишнее слово, как огребешь по полной».

– Я уберу в аквариуме сегодня, – обычный ответ Антона на обычные обвинения тети Тани.

– А уже не надо, – сказала она и скрестила руки на груди, плотно сомкнула губы, приподняла брови.

Антон вопрошающе посмотрел на неё, боясь представить, что она скажет дальше. Неужели воплотила угрозы, неужели она...

– Я скормила твоего хомяка кошке. Он пискнул всего один раз, а потом кошка отгрызла его маленькую никчемную головку. – Она злорадно усмехнулась, как делают злодеи в фильмах.

– Нет, это не правда, – голос Антона дрожал. Он потупил взгляд, представляя, как было страшно хомячку, как трепетало его маленькое сердце, когда жестокая рука схватила, сдавила и бросила на пол.

– И знаешь, что я подумала в тот момент? – она прикрыла один глаз, словно от удовольствия и оскалилась, показывая желтые неровные зубы. – Я подумала, что его головка такая же маленькая, такая же никчемная, как твоя.

Антон рванул было из кухни, позабыв про дыру в футболке, скрываемую от тети Тани. Он уже не думал о себе, о возможном наказании за порванную футболку, лишь о бедном съеденном хомячке. Он устремился к стене, в надежде проскочить между ней и тетей Таней, стоящей словно стражник, охраняющий выход из кухни. Но она преградила дорогу, выставила руки, как вратарь ловящий мяч.

– Стоять! Я с тобой не закончила, успеешь еще погоревать над пустой клеткой, у тебя вся ночь впереди.

У Антона защищало в глазах, как будто где-то рядом готовили луковый суп. Он выпучил глаза, пытаясь остановить подступающие слезы, молча стоял напротив неё, ссутулившись, опустив голову, безропотно подчинявшись требованиям, но мысленно он кричал на нее, требуя уважительно относиться к хомяку, а еще поправляя «не клетка, а аквариум»!

– Покажи-ка мне футболку! Развернись, – она дернула за руку, Антон почувствовал, как в плече стрельнуло, а в глазах засверкали огоньки.

От вида дыры у неё затряслись губы и подбородок, пальцы сжались в кулаки, костяшки побелели. Она напряглась всем телом и походила на взбешенного быка, готового разорвать того, кто покажет красную тряпку. Антону даже показалось, что её глаза налились кровью.

Она кричала на него так громко, что к окнам соседнего дома подходили люди посмотреть кого убивают, а у магазина этажом ниже загудела сигнализация. Она оскорбляла, угрожала, унижала, сравнивала с различными животными, махала руками перед лицом, иногда отвешивала тумаки. Кислые слюни летели в лицо Антона, попадали на губы и в глаза, а от прокуренного дыхания свербело в носу. Антон сжимал челюсть все крепче и крепче, терпел и молчал. Слезы текли, он уже не пытался их остановить. Но плакал не из-за боли физической и не из-за криков тети Тани, а из-за своей слабости, никчемности, неспособности помочь хомячку. Теперь он понимал, почему у него нет друзей и никогда не будет. Он

трус, бросающий друзей в беде.

В этом доме, в этой семье было всего одно существо не дразнящее, не унижающее и не причиняющее боль. И только что Антон лишился его.

Тетя Таня кричала бы еще долго, до тех пор, пока не потеряла голос и не начала задыхаться от сухости в горле, но за Антона заступился дядя Миша. Конечно не намеренно. Просто так случилось, что именно в тот момент, когда тетя Таня в очередной раз подняла руку, чтобы ударить Антона по затылку, во входной двери заскрежетал ключ. Тетя Таня отвлеклась, повернула голову к двери, а Антон воспользовался её замешательством, протиснулся между ней и стеной и, словно затравленная крыса, поскакал вдоль плинтуса в сторону зала.

– Ну правильно, еще обои мне испачкай маслом! Сви-
нья! – прокричала она вслед.

В зале шумел телевизор, на диване сидела Настя, сосала леденец на палочке и игриво болтала левой ногой. Она не смотрела телевизор, а ждала, когда тетя Таня закончит бранить Антона, чтобы позлорадствовать, поглядеть на его зареванное лицо и сказать какую-нибудь колкую фразу, чтобы добить его, если с этим не справилась тетя Таня.

– Получил, плакса? Поделом тебе, – она чмокнула языком, достала изо рта леденец и протянула Антону, – хочешь?

Антон еще не успел войти в свою комнату, как открылась входная дверь и на порог вошел дядя Миша. Антон не стал

оборачиваться, но даже спиной почувствовал его взгляд на затылке. Если бы взглядом можно было убивать, то в голове Антона образовалась дыра размеров в пять рублей.

Он не входил в комнату, держался за ручку и украдкой от всех приглядывался к наклепленному волоску между дверью и косяком. Этому приему он научился в одном из фильмов про шпионов. Если волос порван или один конец отклеился – значит дверь открывали и рылись в его вещах. В этот раз волос был цел, а значит в комнату не входили в его отсутствие, хомячок жив, а тетя Таня просто блефовала. Антон улыбнулся сквозь слезы.

– Ну как, удачно? – спросила тетя Таня и как всегда приняла из рук мужа портфель и зонтик.

– Конечно. Мы накачали эту сумасшедшую транквилизаторами, связали и заперли в одиночке. Видела бы ты её глаза, пустые, словно экран выключенного телевизора. – Он усмехнулся и чмокнул тетю Таню в щеку.

– И зачем только гоняют тебя по пустякам, – она цокнула языком, высказывая возмущение. – Можно подумать докторов не хватает.

– Ну ты же знаешь, я дежурный на этой неделе, – это он сказал неровным тоном, запыхавшись от вынужденного нагибания, чтобы развязать туфли.

– Чертов график, – протянула тетя Таня.

– Чертов график, – повторил дядя Миша излюбленную фразу.

Антон чуть повернул голову и наблюдал как тетя Таня вешала на крючок длинный, черный зонтик похожий на трость и убирала портфель в шкаф, а дядя Миша носком двигал туфли ближе к входной двери.

До определенного момента Антон не знал зачем дядя Миша каждое утро, собираясь на работу, брал с собой зонтик, ведь порой даже синоптики по телевизору говорили, что осадки не ожидаются, да и жили они не у моря и не в горах, где погода меняется внезапно. Как-то раз, глядя в окно на дядю Мишу, выходящего из арки и направляющегося к автобусной остановке, Антон решил, что зонтик нужен для того, чтобы летать по ветру, как Мэри Поппинс. Он проводил его взглядом до большой, никогда не высыхающей лужи, затем до одинокого куста сирени, до ларька с фруктами и до угла трехэтажного деревянного дома, окна которого всегда завешаны шторами, но дядя Миша так и не раскрыл зонтик и не взлетел. На следующее утро Антон вновь припал к окну, в надежде увидеть, как дядя Миша все же полетит, но чуда не произошло и на второе утро. Третье и четвертое утро прошли в таком же порядке: вышел из арки, обогнул лужу, куст сирени, прошел мимо ларька с фруктами и скрылся за углом трехэтажного дома с большой вывеской на верхнем этаже: «Продается». Антон подумал, что дядя Миша нарочно не раскрывает свой секрет, зная, что за ним наблюдают, но на пятое утро произошло то, после чего Антон перестал сидеть у окна в ожидании чуда.

Оно начиналось, как и предыдущие четыре: небо чистое, солнце яркое, Антон дышал на окно и через запотевшее стекло наблюдает за дядей Мишей. У большой лужи стояла рыжая собака, лакала грязную воду и даже не подозревала, что загоразивает протоптанную тропинку, по которой привыкли ходить люди, в том числе и дядя Миша. Он остановился в шаге от собаки, посмотрел по сторонам, поднял зонтик и ударил по спине дворняги. Даже через закрытое окно Антон услышал взвизг и плеск воды, когда собака прыгнула в лужу, спасаясь от следующего удара. Лужа глубокая, собака скрылась под водой, вынырнула и поплыла к противоположенному берегу. А дядя Миша еще какое-то время стоял на тропинке с угрожающе поднятым зонтиком, а затем пошел дальше, в сторону ларька с фруктами. Антон с замиранием сердца наблюдал за рыжей головой, плывущей в грязной луже и молил собачьего бога, чтобы не позволил утонуть бедной дворняге, получившей по спине только за то, что хотела пить. Как только лапы коснулись берега, а сердце Антона перестало трепыхаться от волнения, он отпрянул от окна. На следующее утро не смотрел в окно, ведь не может взлететь тот, кто бьет животных. Вот так он узнал, что дядя Миша еще хуже, чем он о нем думал, а заодно узнал секрет зонтика.

По телевизору шел концерт какой-то старухи, шепелявящей и не выговаривающей некоторые слова, рядом чмокала Настя, облизывая леденец, кошка терлась о ноги дяди Миши, не подозревая как он обходится с животными, когда ду-

мает, что его никто не видит.

Тетя Таня испепеляюще взглянула на Антона, словно говоря: «Я с тобой еще не закончила, еще получишь свое». Он отвел взгляд, повернул ручку двери и вошел в комнату.

Раньше он делил комнату с дедом. Вот уже год жил один, но кровать, на которой спал, ходил под себя и на которой в итоге умер дед так и стояла у дальней стенки, под окном. Настя говорила, что её не убирают, потому что хотят перевести из деревни бабушку, подселить к Антону, а её дом продать, деньги положить в банк под проценты, чтобы потом оплатить учебу Насти в колледже. Поначалу Антон не верил в это, надеясь, что со дня на день в комнату зайдут высокие дядьки в комбинезонах грузчиков и вынесут кровать, пропахшую дедом, на улицу, где сожгут вместе с матрасом и постельным бельем. Но дни шли, а кровать стояла. После двух месяцев он поверил словам Насти и просыпаясь по утрам первым делом смотрел на кровать деда, проверяя не спит ли на ней бабушка и вспоминал далекие, счастливые дни, когда у него была своя отдельная комната с окном, выходящим на двор. Одна кровать, шкаф под одежду, стол, а на нем аквариум с хомяком. Старая квартира, в которой он жил с родителями была на два этажа выше в том же подъезде. Уже пять лет там живут другие люди, платящие аренду тете Тани. А предыдущих жильцов, счастливую, любящую семью разбросало судьбой в разные места. Отец погиб, мать попала в больницу для психически нездоровых, а Антону досталось жить с семьей

сестры матери.

В нос ударил спертый дух старины, похожий на смесь запахов влажной земли, сырого мяса и полыни. Еще пахло грязной одеждой и мочой. Деда нет год, а его дух все никак не выветривался. В голове вновь проснулось далекое воспоминание годовалой давности. Последние дни оно всплывало часто, и Антон волновался, уж не предвестник это скорого появления соседа по комнате? Мысленно он переместился в темную, душную ночь смерти деда.

Снился сон. Крепкие, костлявые руки давили на голову, топили в бочке, наполненной мочой. Он не видел лица того, кто не давал всплыть, но знал, что это дед. В реальности, не во сне, дед не ходил, был прикован к кровати, а руки настолько слабые, что не могли удержать ничего тяжелее мешочка конфет. Но во сне у него была такая сила, что Антону казалось еще немного и голова раздавится под натиском крепких пальцев.

Желтая жижа заливала глаза, попадала в нос, Антон задыхался, вдыхал, пропускал кислую, жгучую мочу в горло, в легкие. Желудок наполнился быстро, живот распирало, а смердящая жижа все лилась и лилась через рот и нос, готовясь разорвать внутренности.

Наконец, когда вышел весь воздух из легких, желудок окаменел и тянул на дно, перед глазами появилась пелена, а в голове и позвоночнике пульсировал панический страх, Антон каким-то невероятным усилием воли смог выбраться из боч-

ки. Он жадно хватал воздух ртом, глотал словно долгожданную еду, невиданную несколько недель. Озирался по сторонам выпученными глазами, пока не сообразил, что сидит в кровати, потный и трясущийся от страха.

Он встал посреди комнаты, всматривался в темноту и дышал так часто и громко, словно пробежал не один марафон. Содрал промокшую простыню, скомкал и бросил в угол кровати. Вместо того, чтобы достать из шкафа чистое белье, постелить и доспать до утра, он зачем-то подошел к кровати деда. Даже по прошествии года он не мог найти ответ, на вопрос: что подтолкнуло это сделать, зачем он подошел к деду, ведь раньше никогда этого не делал.

Дед был накрыт с головой простынкой, словно саваном. Он всегда так спал, когда на улице было жарко и комары кружили у окна, ища лазейку в деревянной раме. В свете луны Антон видел сидящих на стекле комаров, ждущих, когда люди сжальтятся и пустят попить. А еще он видел очертания носа и пальцев на ногах, выпирающих из простынки словно кочки на болоте. Антон склонился, повернул голову так, чтобы ухо почти прижалось к носу деда, но не касалось. Прислушался. Дыхания не услышал, а ведь Антон знал, как храпит дед стоит ему лечь на спину, так, что невозможно уснуть, пока не заткнешь уши подушкой.

В ту ночь дед хоть и лежал на спине, но не было слышно даже слабого дыхания. Зато запах стоял резкий, терпкий, как смесь мочи и придорожной травы, наподобие полыни или че-

го-то похожего. Все тот же непонятный импульс подтолкнул его протянуть руку и коснуться через простынку запястья деда.

Оно было ледяным, словно булыжник на дне речки. Антон отпрянул, глаза выпучились, а дыхание вновь стало частым и громким. Он пятился к двери, не выпуская из виду кровати и деда, накрытого простыней. Уже добравшись до двери, уткнувшись в нее спиной, ему на мгновение показалось, что дед пошевелил пальцами на ноге. Антон выдавил через приоткрытый рот короткий звук, похожий на стон болезненного старика, нащупал влажными от пота пальцами ручку двери, дернул и проскользнул в щель.

Когда он разбудил тетю Таню первым делом получил по лбу вялой, еще не проснувшейся рукой. Вторым делом выслушал оскорбления в свой адрес. Все та же рука тети Тани, но уже окрепшая, уже проснувшаяся нажала на кнопку включения прикроватной лампы, желтый мягкий свет осветил недовольное, опухшее от сна лицо. Она села на край кровати, сначала глянула на часы, показывающие два сорок пять, а затем перевела нервный, злой взгляд на Антона и вопрошающе уставилась ему в глаза.

Антон был во власти страха, и это отразилось на речи. Он объяснялся неразборчиво, скомкано, некоторые слова недоговаривал, а некоторые и вовсе забыл, мычал, сопел и махал руками, приглашая уже наконец подняться с кровати и пройти в комнату к деду.

Тетя Таня терпеливо выслушала, лениво поднялась, натянула халат, лежащий на тумбе, и пока искала под кроватью тапочки сонным голосом, как бы между делом, протянула:

– Помер что ли наконец.

Дядя Миша промычал что-то нечленораздельное, перевернулся на другой бок, накрыл голову подушкой. Тетя Таня глянула на него с нескрываемым отвращением, проворчала, что отец все-таки его, и ему бы стоило идти проверять. Затянула пояс на халате и вышла вместе с Антоном из спальни.

После света от прикроватной лампы коридор казался особенно темным, но недостаточно чтобы не разглядеть Настю, стоящую на пороге своей комнаты. На ней розовая пижама, а в руках плюшевый медведь. Она вопрошающе смотрела то на Антона, то на мать.

– Иди, Настенька, спи. Не выспишься ведь, – как можно мягче сказала тетя Таня.

– А что случилось? – спросила Настя.

– Да, дед помер. – все так же любезно сообщила тетя Таня.

Настя кивнула, словно ничего необычного не произошло, словно дед умирал уже не первый раз и ушла досыпать, прикрыв дверь комнаты.

Антон пропустил тетю Таню вперед, зашел следом. Вообще-то он хотел остаться в коридоре, но тетя Таня заставила войти. Она щелкнула выключатель и, не колеблясь, подошла к деду. Сдернула с лица простыню и с интонацией присущей работнице библиотеке, сидящей на заполнении кар-

точек, констатировала:

– Ну точно, помер.

Антон увидел бледное, похожее на мороженое, лицо с распахнутым ртом и открытыми глазами. На сухом, словно изюм лбу сидел комар. Наблюдая за тем, как распухает красное брюхо комара, Антон решил, что дед умер совсем недавно, ведь кровь еще не успела превратиться в желе. В каком-то фильме ужасов, врач говорил, что кровь сворачивается через несколько минут после смерти, а через пару часов вновь разжижается. Еще он говорил, что из крови только что умерших стариков получается хорошая мазь от морщин.

– Иди сюда, закрой ему глаза и поцелуй в лоб, – сказала тетя Таня не оборачиваясь.

Антон замотал головой и отступил, ударился затылком об косяк, чуть не упал, схватился руками за ручку двери и оборвал её.

– Ну ты растяпа. Я ведь пошутила, – повернулась она и укоризненно цокнула языком.

Затем она вновь накрыла его простыней, подошла к двери, выключила свет и сказала:

– Ладно, завтра разберемся. Иди спи.

Антон почувствовал, как кровь мигом отхлынула от головы и конечностей, лицо побелело и стало походить на мороженое, точно так же как лицо умершего деда. Ноги пошатнулись, а руки упали словно плети.

– Как завтра? – промямлил он.

– Ну а что, теперь не спать что ли? Этот хрыч вздумал отдать концы среди ночи, специально, чтобы мне насолить. Никуда он не денется, до утра потерпит.

Она захлопнула за собой дверь, оставив Антона в темной комнате с мертвецом. В ушах загудело, кровь возвращалась в конечности, а сердце забилося так сильно, что Антон решил оно непременно лопнет, разорвав грудную клетку. Через гул он слышал удаляющиеся, шаркающие шаги тети Тани и её возмущенный голос. Она продолжала жаловаться на деда, посмеявшегося разбудить среди ночи, а еще на больную ногу:

– Нога опять разболелась. Еще медиков вызывать, полицию. Они конечно же приедут только под утро, а я должна сидеть покрашенная, нарядная на кухне и ждать их всю ночь.

Когда скрипнула кровать под тяжелой тушей тети Тани и замолк её голос, Антон замер, прислушиваясь и присматриваясь к темноте. В комнате застыла глухая тишина, даже хомяк перестал ерзать в аквариуме, будто почувствовал присутствие кого-то еще, кого-то не из мира живых. Антон медленно поднял руку и не глядя на дверь попытался нащупать оторванную ручку. Под кроватью деда мелькнуло что-то темное, черней ночи. По спине пробежали мурашки, а ноги похолодели, словно их закидало снегом. Ну а когда из-под кровати вылетел красный леденец и покатился, подгоняемый невидимой силой, к ногам Антона, он не выдержал, толкнул дверь и юркнул в зал.

Прошел на диван. Сел, поджал ноги и не отрываясь смотрел на узкую щелку между дверью и полом, где мелькали тени. Это ходил дед, облаченный простыней, искал укатившуюся конфету.

Спустя сутки сделали вскрытие и узнали причину смерти. Оказалось, он умер не от старости и не от какой-то болезни, а поперхнулся леденцом и задохнулся. Патологоанатом передал дяде Мише маленький пакетик с красной конфеткой, вытащенной из горла деда. Этот пакет долго лежал на полке в шкафу в зале, за стеклом, рядом с хрустальной вазой, наполненной леденцами.

Всякий раз, как Антон смотрел на конфеты в вазе, думал о той, что лежала рядом. А друг тетя Таня или Настя подшутили и подменили конфеты? И та, что застряла в горле у деда лежала в вазе и ждала, пока её съедят. От таких мыслей у Антона пересыхало во рту и тошнило. Так он отучился грызть леденцы. Однажды конфета и пакет исчезли. Все было как обычно: стояла ваза, в ней лежала горка леденцов, шкаф закрыт, шумел телевизор, Настя крутилась у зеркала, тетя Таня на кухне, а дядя Миша лежал на диване. Не хватало лишь одной маленькой, красной детали, обернутой в полиэтиленовый пакет.

Прошел год, но до сих пор у Антона пересыхало во рту, язык пристывал к небу, а в желудке мутило, стоило ему взглянуть на вазу с леденцами за стеклянной дверцей шкафа. За год он не съел ни одного.

Он помотал головой, прогоняя дурные воспоминания, задержал дыхание и широкими шагами добрался до кровати деда. Стараясь не думать о дурном и не смотреть, наступил на постель, протянул руку к окну и повернул засов. Вечерний воздух ворвался в комнату, разбавляя собой застарелый запах покойника. Антон слез на пол, опустился на колени и забрался под свою кровать. Выудил аквариум. Хомяк сидел в углу и доедал морковку.

– Хвича... как хорошо, что ты жив, – достал, поднес к щеке и потерся о вонючую шерстку. Это пятый его хомяк, всех предшествующих он называл одинаково, добавляя только порядковый номер, а потому полное имя хомяка было – Хвича пятый.

В животе заурчало. Он положил руку на пуп и скрючился от боли. К языку подступала кислая отрыжка. Обычная изжога, так часто бывает от голода. Он оперся на спинку кровати, повернул голову к окну и впервые с того момента, как вошел в комнату, взглянул на заправленную постель деда.

Дед обычно спрашивал старческим, беззубым ртом: «Ты хоть поел, Антоша?» и не дожидаясь ответа, который его не особо волновал, засовывал руку под подушку, доставал пакетик с красными леденцами, выуживал один и протягивал Антону. Иногда, когда солнце ярко светило в окно, леденец переливался словно рубин, а морщины на сухой, бледной руке особенно сильно проступали и походили на трещины на песке в сухой пустыне. Антон никогда не принимал конфету.

Отчасти из-за того, что к ней прикасалась старческая рука, а Антон до жути, до дрожжей в коленях боялся прикосновений стариков, он считал, что они способны передать старость, болезни и скорую смерть. А вторая причина была в том, что он боялся испортить и без того больной желудок сладким. Нет, он ел конфеты и любил их, но не на голодный желудок. Вернее, ел до того, как дед умер. От приторного запаха корицы и ванили у него начинало сосать под ложечкой, а во рту, у дальних зубов скапливалась кислая слюна. Серые глаза на изрытом морщинами лице глядели на него просто, не выражая никаких эмоций. Антону порой казалось, что дед не видит его или смотрит сквозь, но причина была конечно в другом – деду было просто наплевать, а конфету он предлагал только для того, чтобы у Антона еще больше болел живот, а кислота начинала переваривать желудок. Антон отказывался, дед поджимал губы, тупил взгляд, убирал конфету в мешок и говорил что-нибудь, что задевало Антона, причиняло боль. Что-нибудь о его отце или матери. Например: «я драл твоего отца веником, как котенка, когда он был щенком» или «правильно, что мать положили в дурку, там ей самое место. Хотя я бы сделал это гораздо раньше».

Мысли Антона продолжали витать вокруг мертвого деда, его кровати, а руки тем временем чистили аквариум хомяка. Хвича бегал по полу, цокал коготками по ламинату, а Антон время-от-времени посматривал на дверь, проверяя не открылась ли она, не показалась ли в проеме морда старой

кошки.

Как же кардинально поменялась жизнь со смерти отца. Ведь тогда мама была здоровой и счастливой, любящей и заботливой. У него была своя комната и щенок с черным ухом и маленьким хвостом... Или это было не с ним, а с другим ребенком в каком-то фильме для детей?

«Тебе надо есть, Антоша, организм растет. А не будешь есть останешься таким же маленьким», – сказала бы мама и обязательно наложила полную тарелку супа. Ах, как Антон не любил супы. Отказывался, запирался в комнате, обижался. «Вот дурак!» – бранил он себя и хорошенько прикладывался кулаком к щеке, где был больной зуб. Уж сейчас бы он не просто съел тарелку супа, но и попросил добавки! Да не одной.

Между делом он снова взглянул на постель деда. Станным образом работал мозг, заставлял смотреть на то, на что смотреть не хочется и думать о том, что противно и что пугает. Перед глазами снова появился беззубый старикан. Только в этот раз вместо глаз у него были черные квадратные пуговицы с четырьмя дырками и проделанной в них ниткой. Он чуть привстал, дотянулся до тумбы и достал полный мешок с красными леденцами. Антон даже через пакет и стойкий аромат мочи почувствовал сладковатый запах ванили.

В животе снова заурчало, слюна стала вязкой, а на корне языка появился приторный привкус. Он поймал хомяка, посадил в аквариум, засунул под кровать и вышел из комнаты.

Приклеил оторвавшийся кончик волоска к косяку.

Настя все еще сидела на диване, но на Антона не обращала внимание, по телевизору шла передача про здоровый образ жизни, теперь там рассказывали, что воду недостаточно заряжать солнечной энергией, а надо еще добавлять щепотку соли и каплю растительного масла и тогда успех гарантирован.

Тетя Таня была на кухне, разбирала грязные вещи и заправляла стиральную машинку. Антон прошел мимо неё, открыл холодильник достал масло и хлеб.

– Снимай футболку, – сказала она.

Антон безропотно повиновался. Стянул футболку с головой утки и подал тете Тани. Она просунула палец в дырку, недовольно покачала головой, а потом кинула футболку в машинку и запустила стирку.

– Я постираю, но зашивать будешь сам.

Антон кивнул и сел за стол. После первого же укуса понял, что придется терпеть зубную боль. Он набрал полный рот горячего чая и пополоскал больное место. Боль перешла в зуд, такой, когда кусает комар. Большой, ненасытный, любящий причинять боль. Антон проглотил бутерброд не жуя.

Тетя Таня включила стиральную машинку. Антон обратил внимание, что его футболка стирается вместе с носками и подстилкой кошки. А та словно почувствовала, что стирают ее вещи, села напротив дверцы машинки и смотрела как крутится барабан.

– Пошли, Муська, уберем твой лоток, – сказала тетя Таня, наклонилась, подняла кошку и унесла из кухни.

Антон еще немного посидел за столом, глядя в окно. Его привлекла птица черного цвета, похожая на ворону или грача. Только настолько худая, что видны ребра, и выпирает хребет, похожий на горб. Птица сидела на сухой ветке тополя и глядела на Антона. Если бы он не знал, что птицы не умеют разговаривать на человеческом языке, то решил, что она хочет сказать что-то важное, ведь не зря прилетела из неведомых краев и села напротив окна, в которое смотрел Антон. Она приоткрыла клюв и срыгнула черный предмет округлой формы. Поймала его кончиком клюва, чуть наклонила голову, так, чтобы Антон мог рассмотреть все четыре дырки в пуговице и кусочек черной нитки.

Табурет пошатнулся, но не упал, после резкого подъема Антона. Оглядываясь на странную птицу, вышел из кухни. В голове крутились мысли о доме пуговичного человека, о леденцах, о стае крыс и собаки с обглоданным боком. Если все то привиделось, померещилось, то пуговица в клюве птицы была настоящей. Он надеялся, что это совпадение. Ведь бывает такое, что вороны таскают в гнезда всякие безделушки. Вот только те безделушки должны блестеть, да и эта птица не совсем ворона.

А может это посланник пуговичного человека? Может он таким образом дает понять, что знает где искать вора его любимого квадратного глаза?

Тетя Таня чистила кошачий лоток в ванной комнате, а кошка в этот момент сидела на ботинках Антона и справляла нужду.

– Брысь, – прошипел Антон, поглядывая в ванную, опасаясь, как бы тетя Таня не заметила, что делает кошка. У него похолодело в груди от страха, ведь стоит тети Тани поднять голову, оторваться от лотка и тогда Антону несдобровать. Она много раз говорила, чтобы он убирал свою обувь в шкафчик. – Брысь!

На цыпочках, согнувшись, подошел к двери и прогнал кошку, но было уже поздно, тетя Таня увидела. Оставила неубранный лоток и вышла в коридор.

– Я тебе сколько раз говорила, чтобы ты обувь убирал в шкаф!

Она подняла его ботинки, повернула так, что с них стекла моча.

– А если бы попало на туфли дяди Миши или Настины? – она махнула головой в сторону их обуви и нервно рявкнула, так, что с губ сорвалось несколько капель слюны, – Вот твое место!

Резко открыла дверцу шкафа, так, что он пошатнулся и чуть было не упал. Забросила в него мокрые ботинки Антона и с силой захлопнула.

– Еще раз увижу, что твои вонючие башмаки стоят на видном месте, будешь ходить босиком!

Она отвесила Антону подзатыльник, но на этом не угомо-

нилась, ей показалось мало просто ударить, нужно было еще добить словом:

– И только попробуй ночью реветь и кричать во сне! Вновь отправлю на лечение!

Это была самая сильная из угроз. При упоминании больницы, у Антона тряслись колени, перехватывало дыхание, а сердце сначала останавливалось, а затем колотило с такой скоростью, словно собиралось покинуть грудную клетку и бежать далеко и долго, туда, где не говорят про больницы и не отправляют детей на лечение.

– Ну что хлопаешь своими глазками? – не унималась она, – думаешь я шучу? Думаешь не отправлю тебя в больницу! А вот увидишь, завтра же позвоню доктору Чехову и договорюсь о твоей изоляции от нормальных людей! Мало тебя лечили! Мозги как были куриные, так и остались!

Она приказала идти в свою комнату.

Антон почувствовал недомогание, голова закружилась, а в глазах поплыло. Дверь задвоилась, в ушах шумело, а из груди словно вынули сердце. Он терял сознание, ноги подкашивались. Но если он упадет, то только раззадорит тетю Таню и насмешит Настю, а мысль о больнице окрепнет в их мыслях. Он резко мотнул головой, прогоняя слабость и вошел в свою комнату.

– Дуралей! – кричала тетя Таня, но Антон слышал приглушенное эхо, словно её слова пробивались через толщу воды или плотный сугроб. На фоне шумел телевизор и смея-

лась Настя. Противный хохот растягивался словно мелодия на старой пластинке. Антон захлопнул дверь, прыгнул в кровать и плотно зажал уши подушкой.

Слез было так много, что если отжать наволочку, то наберется литровая пластиковая бутылка из-под тархуна. Антон сжимал в руке рогатку, прислонял ее к груди. Если спросить у него сейчас, как рогатка очутилась в руке, то он не сможет ответить, не сможет вспомнить как достал её из-под матраца. Он не старался унять слезы, он хотел выплакать их все, чтобы больше никогда не плакать перед Настей или её матерью, чтобы они не видели и не радовались его боли. Дрожали губы, из носа выделялась слизь, смешивалась со слезами, попадала в рот, впитывалась в наволочку и подушку. Пальцы так крепко сжимали рукоять рогатки, что онемели и похолодели. Жгло в груди, а в горле стоял плотный ком обиды и бессилия. Если бы он только мог уйти, если бы ему было куда идти, если бы он мог все бросить ... Так много «если» и так мало сил чтобы преодолеть все преграды. Слезы все не кончались, а бушующие мысли только увеличивали их количество.

Он боялся за будущее, боялся до конца жизни пробыть в одиночной камере, привязанный к кровати и накаченный транквилизаторами. Еще боялся и переживал за хомяка, ведь, если Антона сдадут в больницу, то хомяка скормят кошке.

Он решил, что утром, пока все спят, возьмет аквариум и

отнесет в зоомагазин. Сдаст друга, но сохранит ему жизнь. Окажись Сашка рядом, обязательно бы сказал: «друзей не предают». От мысли, что придется избавиться от хомяка становилось еще хуже, хотя казалось, что хуже уже не может быть. Он закусил угол подушки, чтобы сдерживать стоны и всхлипы. Никто не должен узнать, как много боли и страдания уместно в его маленькое тело. Голос брата в голове все повторял и повторял: «друзей не предают».

Он еще долго лежал скрюченный, словно кот перед грозой, мысли крутились одни и те же, но чаще проступали подталкивающие к уходу из дома. Он готов был даже жить в арке между домами, в коробке из холодильника, вместе с дядей Вале́й, лишь бы не видеть и не слышать нелюбящую приемную семью. Сашка давно подначивал уйти и говорил правильные слова о том, что сдерживает Антона только страх неизвестности.

Антон не заметил, как уснул, а когда проснулся за окном все еще были сумерки. Кровать деда пустовала. В аквариуме под кроватью возился хомяк, а в розетке на стене стоял гул. Антон взглянул на щель под дверью. Темно. Вышел из комнаты босиком и на цыпочках прошел в туалет.

Лоток кошки убран, но не до конца. Тетя Таня оставляла немного старого наполнителя, пахнувшего мочой, чтобы кошка могла по запаху найти свой туалет. Антон повернулся к входной двери, глянул на шкафчик где лежали его кроссовки. «Ага, как же знает она где ее туалет», подумал он и

спустил воду в унитазе. Над ванной, на прищепках висела стиральная одежда. От нее пахло ромашками и веяло свежестью горных трав. Прямо как написано на упаковке стирального порошка. Футболка Антона ближе к стене, скомканная, зажатая, словно ребенок в плотном автобусе, набитом толстыми взрослыми. Он встал на край ванной, дотянулся до футболки, сдернул ее, расправил и повесил поверх кофты Насти. Стянул её розовые носки и бросил на пол, рядом с лотком кошки. Спустился и протер носками по кошачьему туалету. Усмехнулся, вновь залез на край ванны и повесил скомканные и пахнущие кошачьей мочой носки ближе к стене.

Вышел из туалета и так же на цыпочках, стараясь не наступать на квадраты на линолеуме, побрел досыпать. Всем известно, что стоит наступить на квадрат, как поглотит лава из адского жерла вулкана.

В зале темно, но Антон уловил краем глаза фигуру на диване. Он настороженно остановился, всмотрелся. Это был дядя Миша. Он держал в руке бутылку, а во рту незажженную сигарету. Антон решил, что дядя Миша спит, и чтобы его не разбудить медленнее и тише покрался к своей комнате. «Странно, что не заметил его, когда шел в туалет», – подумал он, – «наверное, сидит там уже давно».

– Антон, подойди. – Трезвым, не заспанным голосом позвал дядя Миша.

Ничего не оставалось как подчиниться. Он встал напро-

тив дяди Миши, гадая что тот от него хочет. Обычно, дядя Миша хотел поговорить с Антоном в двух случаях: когда был пьян или, когда его просила это сделать тетя Таня. Бутылка оставалась полной, алкоголем не пахло, а значит он был трезв.

– Сядь рядом, – попросил он.

Антон осторожно сел на край, подальше от дяди Миши.

– Ты ведь знаешь кем я работаю?

Антон кивнул, хоть и знал, что в темноте не было видно этого движения.

– И ты помнишь, как я договаривался с доктором Чеховым, о твоём лечении?

Антон шумно сглотнул и затаил дыхание. Вновь кивнул, но уже не так уверенно, как в первый раз.

– Я не буду ходить вокруг да около, скажу прямо. – Он чуть помолчал, накаляя обстановку. – Если не перестанешь выводить тетю Таню, то мне придется договориться с доктором Чеховым о приеме.

Перед глазами у Антона появились белые круги, голова закружилась. Если бы был включен свет, то он видел, как двоится телевизор и шкаф, как кружится ваза с леденцами. Дыхание перехватило, в ушах застыло эхо, а во лбу появилось давление. В одной точке, словно на лоб нажимали сильным, сухим пальцем.

– Иди, спи, – сказал дядя Миша и по-отечески потрепал Антона по голове.

Он поднялся с дивана и побрел. Ног не чувствовал, но шел. Куда не знал, вернее не думал, его вела память. Открыл дверь на автомате, даже закрыл. Лег в кровать, сжался клубочком и глядел на стену, окутанную темнотой. Так он пролежал долго. Не моргал, смотрел на стену, пока в темноте не начали прорисовываться непонятные фигуры, словно рисунки на скалах, оставленные древними людьми. Под кроватью шумел хомяк, но кроме этих звуков появились другие: скрипы, шаги, взмахи простынки, как когда-то делала мама прежде чем постелить. Антон не обращал внимания на все то, что происходило вокруг, подсознательно он знал, что засыпает, пусть при том и лежит с открытыми глазами. Мозг отключался и посылал видения из прошлого. Среди них попадались образы больницы для психически нездоровых, палаты с больными людьми, три месяца изоляции и выгладывании в небо через решетчатое окно. Эти видения посылал страх надвигающегося возвращения в больницу, только на этот раз уже не на три месяца. Толстый маленький дядька, лежащий на соседней койке говорил, что после второго раза уже не выходят на свободу. Но кроме неприятных, были добрые и хорошие видения, вперемешку с воспоминаниями из прошлого. Их посылали думы о Сашке и его словах о бегстве из дома. Он закрыл уставшие глаза и, под несмолкаемые слова брата: «друзей не предают», погрузился в прошлое, первую встречу с братом...

Жена зрителя кладбища

Ботинки скользили на влажной глине. К подошве приклеилось так много листвы и желтых сосновых иголок, что их можно было сдать в качестве домашнего задания по естествознанию. Промыть, приклеить в альбом и получить заслуженную пятерку. И никого не будет волновать, что материал раздобыт не в лесу, а на городском кладбище. Мария Петровна примет альбом из мертвых листьев и вежливо улыбнется Антону, а может даже приведет в пример остальному классу.

Антон угрюмо бродил среди могил, словно бездомный пес, рыщущий пропитание, оставленное родственниками умерших на надгробных плитах. Вот уже третий час он не мог отыскать место, где похоронили отца. Он даже не представлял, что кладбище может быть таким большим и бескрайним, сродни какой-нибудь деревни или даже немногочисленному городу где-нибудь в забытом всеми месте.

Он читал фамилии, смотрел фотографии и вычитал год жизни из года смерти. Попадались долгожители, но были дети. Когда натыкался на могилу ровесника, по телу пробегал легкий озноб, в груди словно что-то обрывалось и ледяным комком падало в ноги. В голову лезли страшные картины, он представлял себя бездыханно лежащим в деревянном ящи-

ке, заколоченном ржавыми гвоздями. Один из них непременно погнулся, когда забивали. Но никто не стал вытаскивать испорченный гвоздь, просто вбили рядом другой. Ведь в конце концов не табурет сколачивают для выставки.

Он лишь однажды был на похоронах, когда умер дед со стороны отца. На всю жизнь запомнил печальные лица родственников, потухший взгляд отца, хвойный запах, рыжий песок вперемешку с глиной, деревянный крест, сколоченный наспех, белую подушечку под сухой головой и цветную фотографию, с улыбающимся молодым дедом. Антон с другими детьми разбрелись по кладбищу, они придумали игру: «найди самого молодого мертвеца». Тогда он впервые ощутил озноб и ледяной ком в груди, разглядывая фотографию умершего ровесника. У девочки был голубой бант под цвет глаз, довольная улыбка, а в руках кукла. Именно тогда Антон понял, что смерть не выбирает стариков или безнадежно больных, а охотится на всех. Будь ты самым здоровым и молодым, бесконечно любимым и богатым, если понравишься старухе с косо́й, она наложит на тебя костлявые руки.

Он поднял взгляд. Сквозь ветки деревьев проступало голубое небо и белые облака. Кричали вороны и шелестела листва. Ночью прошел дождь, превратил тропинки в скользкую кашу и оставил стойкий запах влаги и размокших сосновых иголок. Не смотря на подходящие условия: влага и лес, под ухом не жужжали надоедливые комары, а мошки не лезли в глаза.

Антону хотелось есть и пить, он не взял с собой ничего съестного, собирался впопыхах, ведь не думал, что придется несколько часов бродить среди мертвецов, выискивая нужную могилу. Он все еще надеялся управиться до заката, чтобы не пришлось выбирать: идти домой или оставаться ночевать здесь. И даже так сразу не скажешь какой из вариантов хуже.

Дорогие, высеченные из мрамора надгробия давно позади, Антон бродил среди погнутых крестов, ржавых оград и поросших травой могил, похожих на болотные кочки, за которыми прячется кикимора или водяной. Отец где-то здесь, среди бедных людей с жадными родственниками. Все чаще попадались фотографии, пожелтевшие от времени и влаги либо вздутые и черные, словно после пожара. Он устал, ноги ныли, плечи отяжелели, словно на них носили ведра с водой, в горле пересохло, а в животе сосало. Он все чаще поглядывал на яблоки и яйца, лежащие у надгробий. Но чем глубже пробирался, тем реже встречались скоропортящиеся продукты, их сменяли растаявшие конфеты и черствые куски хлеба. Людей видел всего два раза и оба раза издалека. Хотел подойти, спросить не видели ли, не натыкались ли на могилу его отца, но понимал, что вряд ли кто-то способен запомнить все фамилии, прочитанные на надгробиях. Даже он не помнил какую фамилию прочитал последней. Вроде это была Марунова или Тарасов... А может вовсе Салатова. За прошедшие три часа прочитано столько фамилий, что хва-

тило бы на толстый телефонный справочник.

Антон подумывал вернуться ко входу, к избе охранника, спросить у него про отца. Возможно он ведет журнал, в который записывает покойников, а может у него есть даже карта кладбища, с начерченными крестиками и фамилиями. Было бы здорово! Да, так он и сделает, но для начала дойдет до той сломанной сосны с висящим на ветвях пыльным венком, а затем пойдет обратно, другим путем, мимо других могил.

Справа хрустнула ветка. Антон резко повернулся, сердце заколотилось быстрее, в позвоночнике кольнуло, как от акупунктурных иголок. Он поежился, словно снова ощутил на спине прикосновение холодных пальцев врача и, на удивление, теплых иголок. Так давно это было, лет шесть прошло, но лицо улыбчивого доктора с глазами разного цвета все еще не стерлось из памяти.

Среди деревьев стоял худой парень, ростом чуть выше Антона, может на полголовы или даже четверть. До него было около пятидесяти шагов или, если считать в могилах, то восемь надгробий и крестов. Он стоял спиной и не замечал Антона. Можно было пройти мимо, но Антон почувствовал, что непременно должен подойти. Это чувство появилось на кончиках пальцев и разрядом пронеслось по телу, ударило в голову и направило ноги совсем в другую сторону от намеченного маршрута, от сосны с висящим венком. Он пробирался по раскисшей земле, поскальзывался, падал на колени, хватался за оградки или ветви деревьев, подымался, но

через шаг снова падал. Эти пятьдесят шагов дались сложней всей трехчасовой прогулки. Возможно сказалась усталость или же в этом месте особая земля, такая которая отталкивает, роняет, не позволяет сбиваться с первоначального курса.

Антон остановился у треснувшего ствола березы в двух шагах от парня. Он собирался с мужеством, чтобы заговорить. Хотя можно было не начинать разговор первым, а вынудить парня повернуться, обратить внимание на Антона. Для этого достаточно хрустнуть веткой или пнуть по ограде.

У него короткая стрижка, с выбритыми висками. О такой мечтал Антон, но никак не решался озвучить желание, садясь в кресло бесплатного, школьного парикмахера. Черная футболка с наклеенной на плече символикой клуба за который болел его отец и продолжал болеть Антон. На ногах белые кроссовки. Так не практично, но вместе с тем смело. Ведь сколько сил и времени придется вложить, чтобы отмыть глину и въевшийся песок, вдобавок ко всему получить хорошую взбучку от матери или тети. Антон рассматривал парня, а тот стоял не подвижно, словно статуя или памятник. «А вдруг на самом деле это памятник?» Антон на мгновение растерялся от такой мысли, но удостоверившись, что парень не стоит на надгробной плите, а грязь на кроссовках – это не цемент или бетон, склеивающий памятник с мраморной плитой, а глина с налипшими листьями и иголками, сказал:

– Привет. Ты что тут стоишь?

Он повернулся сразу, как только Антон произнес первое слово, а может даже раньше – как только открыл рот, чтобы произнести первое слово. Возможно парень слышал шмякающие шаги и тяжелое, сбивчивое дыхание, а потому был готов к тому, чтобы резко повернуться при приближении Антона. А может у него просто хорошая реакция, такая, как у боксеров или автогонщиков и он повернулся тогда, когда услышал первый звук первого слова. Как бы там ни было, он приветливо улыбался, щуря глаза.

– Я разговариваю с отцом, – ответил он.

Взгляд Антона забегал по сторонам, он даже обернулся, но никого больше не увидел. Кругом только деревья да молчаливые могилы.

– А где он?

Вместо ответа, парень жестом пригласил Антона подойти. Всего три секунды он колебался, считая про себя: «один, два, три», а потом оттолкнулся от березы и подошел.

– Вот он, – показал парень на могилу.

Антон прочитал имя, высеченное на плите, и произвольно отступил. Прочитал еще раз, вчитываясь в каждую букву, проговаривая фамилию, имя и отчество по несколько раз. Еще и еще, до тех пор, пока наконец до него не дошло: это могила его отца, Коляжного Андрея Николаевича.

– Тебе не хорошо? – спросил парень.

Антон отступил еще на шаг, обратно к березе. Чуть было не упал, неуклюже наступив на старый, размокший кирпич.

После почти четырех часов скитаний, какой-то незнакомый парень находит могилу его отца и заявляет, что это вовсе не отец Антона. Он почувствовал сильное волнение, почти такое же как в тот вечер, когда родители закрылись на кухне и кричали. Он затыкал уши руками, прятал голову под подушку, но все равно слышал крики из кухни. А когда утром проснулся, отца не было, а мать сидела на полу, у плиты с опухшим лицом и размазанной тушью.

– Это мой отец, – голос подрагивал и звучал тихо. В горле пересохло и свербело, он закашлялся и попытался смочить голо слюной, но во рту было как в пустыне в самый засушливый сезон.

– Так значит ты Антон? – он все еще улыбался, а Антон беззвучно хлопал губами и все шире и шире открывал глаза, словно рыба в руках рыбака.

– А я Сашка, твой брат, – он сделал шаг и протянул руку, приглашая поздороваться по-мужски, по-взрослому.

Антон смотрел то на широкую улыбку, то на протянутую руку, соображая, как правильно реагировать. Он видел его впервые, кроме того мать никогда не говорила про брата. Да если бы у Антона был брат, то они должны были встречаться по утрам за завтраком, вместе ходить в школу, играть в футбол, а возвращаясь домой залазить в ржавую телефонную будку и вспоминать раннее детство. И уж наверняка Антон бы помнил совместные ночные вылазки на кухню за шоколадом и купание на одном матрасе в лесном озере, ночев-

ки в палатках, сидение у костра и страшные рассказы брата. В общем все то, чем обычно занимаются братья. Но Антон ничего этого не помнил, мало того он начинал подозревать, что вся эта история обман. Наверняка этот Сашка родственник Насти. Она подслала его к Антону, чтобы свести с ума невероятной историей про брата. А может это кто-то из дворовых парней решил над ним подшутить? Если так, то это самая злая, самая изощренная шутка. Эта шутка из разряда запретных, касающихся не только Антона, но его отца. Тот, кто решил так пошутить подлый, ничтожный человек. Прямо как Настя.

– Ты знаешь Настю? – зло выпалил Антон. Горло уже не горело, словно песок под палящим солнцем, слюна вновь вырабатывалась, голос вернулся.

– Нет, а должен?

Антон не умел определять по выражению лица, когда ему врут, а когда говорят правду, если конечно у вруна не покраснели уши и щеки, а глаза начинали бегать, словно солнечный заяц по стене. Но это обычно происходило с неопытными врунами, если же попадался матерый, закоренелый, то не один мускул, ни одно движение не выдавало его. Сашка не покраснел, чуть свел брови и отрицательно покачал головой. Если окажется, что он врет, то он из разряда профессионалов.

– Так ты не пожмешь мне руку? – задорно спросил он.

Антон еще раз заглянул в его глаза и решительно сжал

ладонь.

– Откуда ты знаешь мое имя?

– Отец часто про тебя говорил, – Сашка махнул в сторону могилы.

– А мне про тебя ничего не говорил.

– Да, я знаю, – сказал он с сожалением, – он не хотел, чтобы обо мне узнала твоя мать. Ведь я мог разрушить твою семью.

Антон вновь вспомнил тот вечер, когда родители закрылись на кухне, а он прятал голову под подушкой. Это был последний вечер, когда он слышал голос отца. Тогда он и предположить не мог, что именно Сашка стал причиной криков на кухне и опухшего от слез лица матери.

– Сколько тебе лет? – спросил Антон.

– Двенадцать, на год больше чем тебе.

– А мне одиннадцать, – сказал Антон и почесал затылок, чувствуя, как жжет уши. Он мысленно бранил себя: «Дурак! Зачем это? Он ведь только что сказал тоже самое».

– А я знаю, – улыбнулся Сашка.

– Ты жил с отцом? Теперь живешь с матерью?

– Он жил с нами, после того, как ушел от вас. Мама умерла за год, до отца.

– Так ты остался один? – спросил Антон и тут же ощутил неприятное покалывание в затылке. Такие вопросы нельзя задавать, обычно от таких вопросов становится мерзко на душе. Он бы не хотел, чтобы ему задавали подобные вопросы,

ведь тот, кому приходится отвечать, ощущает на душе мерзость, помноженную на сто.

– Да, в точку! До сегодняшнего дня я был один, – он все улыбался, – но теперь у меня есть ты.

Антон перевел взгляд от довольной физиономии Сашки на фотографию улыбающегося отца. Нет, Сашка не родственник и не друг Насти, он не имеет никакого отношения к ребятам со двора или школы. Антон смотрел на отца и видел улыбку Сашки, его глаза, его прищур. Ему вспомнились слова, которые отец произнес в один из последних дней, прежде чем навсегда исчезнуть. «Знай, сын, в мире нет никого ближе родни. Однажды настанет момент, когда всё будет против тебя и тогда на помощь придет родня». Так вот что имел в виду отец, вот про кого он говорил. Но почему он не сказал прямо, что у Антона есть брат? Почему он утаил это от него? Ведь достаточно было взять клятву не рассказывать матери! Если бы Антон узнал о брате раньше, то жизнь была другой.

У Антона засвербело в горле, глаза резало. Подступали слезы, а он старался их сдерживать. Он не думал о Сашке или о смерти его матери, он не жалел брата, в тот момент его не волновали чужие проблемы, он был занят своими. Он жалел себя, ругал отца, за то, что бросил его, за то, что не рассказал про брата и ненавидел мать, за то, что не удержала отца.

– От чего он умер? – спросил он тихим, вот-вот сорвавшимся от слез голосом.

– Автокатастрофа. – Сашка вздохнул и в деталях расска-

зал все, с момента как отец сел за руль и до момента как тот самый руль пробил ему грудную клетку. Отец свернул на объездную, его подрезал черный джип, отец обругал водителя, закурил сигарету и отпил минералку из стеклянной бутылки, а потом проехал на красный сигнал светофора, не заметив приближающегося грузовика, едущего в детский магазин на разгрузку ящиков, набитых куклами и плюшевыми медведями. Сашка рассказывал в подробностях, словно сидел в машине на соседнем кресле и видел последние минуты жизни отца собственными глазами.

«А ведь он не курил», – думал Антон, – «Я не видел отца с сигаретой, от него никогда не пахло табаком».

Руки Антона лежали на зеленой оградке, пальцы цепко сжимали тонкие прутики, словно желали свернуть. Он силится сдержать слезы, а верный способ это сделать – отвлечься на физическую боль. Указательный палец нащупал острую каплю засохшей краски и теперь Антон давил подушечкой пальца на каплю, царапал по ней. Было больно, но недостаточно, чтобы не думать об отце. Слезы наворачивались, обжигали щеки и щекотали нос. Фотография отца расплылась, задвоилась и покрылась блестящими пятнами, палец кровоточил, но уже не болел, щемило в центре груди и сжимало горло. В ушах звенело, вернее жужжало, словно в голову забралась огромная навозная муха и не могла найти выход. А может даже не одна муха, а целый рой. Назойливое жужжание не мешало слышать Сашку, он уже закончил рас-

сказывать про автокатастрофу и теперь спрашивал почему Антон раньше не приходил на могилу отца.

– Я не знал... – это все, что смог выдать Антон. В горле стоял плотный ком, он давил, мешался, и продолжал увеличиваться от нарастающих горьких дум. А сказать он хотел, что не знал о смерти отца, а узнал только несколько часов назад, когда тетя Таня в порыве гнева сравнила Антона с отцом и порадовалась, что того уже нет в живых. Три года он жил в неведении, жил в мечтах, что когда-нибудь отец вернется, заберет Антона из квартиры тети Тани, вытащит маму из больницы, обнимет, улыбнется Антону, потреплет его по голове и скажет, что теперь все будет как прежде, теперь все будет хорошо.

Сашка положил ладонь на плечо Антона и проговорил тихо и серьезно, так как говорят взрослые в серьезных фильмах:

– Ничего не бойся, теперь у тебя есть я.

Антон вдруг почувствовал, что больше не нужно сдерживать эмоции, не нужно казаться сильным. Он отпустил оградку, обнял Сашку и бессильно закричал, освобождая горло от назойливого кома, а голову от надоедливой мухи.

– Когда ты последний раз плакал? – спросил он, одна рука все еще лежала на плече у Антона, а второй он шарил в кармане своих брюк.

– Сегодня, – сквозь слезы ответил Антон.

В памяти всплыло утро, завтрак на кухне, холодная ман-

ная каша с комками, тетя Таня в фиолетовом халате, покрытом катышками и Настя с леденцом на палочке. Тетя Таня наблюдала как Антон доставал тарелку из шкафа, накладывал кашу и выходил с кухни. Она спросила, куда это он собрался? Антон ответил, что пошел кормить деда. Тетя Таня приказала вернуться, сложить кашу обратно в кастрюлю и ждать пока проснется и поест дядя Миша, а только после, можно будет накормить деда. Если конечно что-то останется. Он не послушал, не вернулся на кухню, но и в комнату к деду не пошел. Стоял в коридоре с холодной миской в руке и понурым взглядом глядел на выступающий бугор склеившейся каши. Тетя Таня повторила требование, Антон не сдвинулся и даже не повернулся на ее голос. Тогда она со скрипом отодвинула табурет и зашагала по коридору. Он слышал легкие шаги и неровное дыхание, как скрипят половицы и трещит линолеум. Он поднял плечи, чуть согнулся и прищурил глаза. Пахло кошачьим туалетом и пеной для бритья, свежесваренным кофе и духами Насти. Тетя Таня подошла так близко, что Антон видел подол халата и ноги в розовых тапочках. Она дала подзатыльник, наклонилась к уху Антона и прокричала, что он тупой, как его отец и добавила, что была несказанно рада его смерти. А затем ударила по рукам, Антон обронил тарелку, каша растеклась по полу, а тетя Таня шипя и скрипя зубами проговорила, что это была порция Антона и деда.

– Почему ты терпишь это? – спросил Сашка.

– А как иначе? – Антон обрызгал слюнями и слезами Сашкину футболку, но только теперь обратил внимание на это.

– Почему бы тебе не послать куда подальше тетю Таню, а Настю хорошенько отлупить?

Антону эта мысль показалась забавной, он усмехнулся и сказал:

– Когда-нибудь так и сделаю.

– Когда-нибудь – это целая вечность и когда оно настанет, тебя уже не будет в живых.

– Наверное, – выдавил Антон.

– Тебе следует научиться обращаться с такими людьми.

– Но они же сильнее меня.

– Нет, братишка, сильнее тебя никого нет, – он присел на корточки, обхватил руки Антона, смотрел в лицо и говорил: – я научу тебя, если конечно ты хочешь изменить свою жизнь.

Антон кивнул, слезы больше не лились и не потому, что закончились, а потому, что Антону больше не хотелось плакать. Он смотрел на брата и клялся сам себе, что больше никогда не заплачет, теперь у него есть брат. Теперь Антон не слабак и не плакса, теперь он сильный и решительный. Вот бы еще мама вернулась из больницы, забрала Антона и приняла Сашку. Тогда бы они зажили почти как прежде, когда был жив отец.

Он вытер глаза ладонью, почесал нос и улыбнулся.

– Пойдем со мной, – он взял Антона за руку и повел по

скользкой тропинке, – твоя тетка напомнила мне одну женщину, она была женой смотрителя за кладбищем.

– Чем напомнила? – поинтересовался Антон.

– Она тоже была ведьмой.

Сашка тащил Антона между могил и рассказывал про жену смотрителя кладбища. Она умерла десять дней назад, а смотритель с того времени только и знает, что пить, разговаривать со стенами и выть вечерами на луну и первую звезду.

При жизни она была ещё той стервой, кричала на всех без разбору, гнала метлой бездомных собак и кошек. Закрывала ворота ровно в семь вечера и не пускала никого. Её не волновало, что, хромя, еле живая бабушка тряслась в автобусе целый день, чтобы побывать на могиле сына, но не успела до закрытия. Не волновало, что люди ехали с другого города, чтобы полчаса постоять над могилой родственника, а потом вынуждены ехать назад, чтобы успеть утром на работу. Она не пускала детей без взрослых, потому-то Сашке приходилось перелезать через забор. Не пускала женщин в юбках, словно тут храм или церковь. Вечерами обходила все кладбище с ружьем на плече. Если ей попадались люди, то она, угрожая ружьем, выгоняла с территории, если же попадалась собака, то стреляла на поражение и её не волновало, что дробь попадала не только в собаку, но и в надгробия и кресты.

Смотрителем был её муж, но работала она. Однажды Сашка видел, как она тыкала дулом ружья в лысину мужа и при-

казывала вернуться в избу, закрыться и не выходить до утра. Тот безропотно, повесив голову, уходил в дом, задерживал занавески и гасил свет, а жена исчезала среди могил, в сгустившейся темноте. Сашка думал, она роет свежие могилы и пьет застывшую кровь мертвецов. Еще он был уверен, что она бьет мужа прикладом и держит на цепи, словно пса. А кормит протухшим мясом, пахнущим сырой землей и личинками мух, а может и вовсе не кормит, и тогда зрителю приходится побираться по могилам, собирать то, что оставили родственники умерших.

– Она ведьма, не иначе, – твердил Сашка, – и ни черта она не умерла.

– А такое бывает?

– Конечно, те, кто пьют чужую кровь – бессмертны.

Он назвал её ведьмой семь раз. С того момента, как Сашка взял его руку, и вел неизвестно куда Антон считал каждое сравнение жены зрителя с ведьмой. Семь раз, это, не считая тех двух случаев, когда Сашка называл ведьмой еще и Настю, не забывая при этом добавить, что она еще пока не такая сильная, но через пару лет станет невыносимой. Антон смотрел по сторонам, читал фамилии на крестах и камнях, смотрел на фотографии, но не мог припомнить ни одного знакомого лица. Либо его память вычеркнула все прочитанные ранее фамилии, посчитав эту информацию лишней, либо Сашка вел его по другой дороге.

Пока Антон пытался сориентироваться, Сашка продол-

жал рассказ.

Три дня назад он запоздал на кладбище у могилы отца. Он знал, что уже больше семи вечера, но раз бояться некого, раз жена смотрителя мертва, был спокоен и не спешил покинуть территорию.

Он сидел на трухлявой скамейке, ссутулившись и подумывал о том, чтобы принести банку краски и перекрасить оградку в белый цвет. Любимый цвет отца. Он занимался подсчетами объема банки, как краем глаза заметил движение.

В темноте, среди крестов и деревьев, слонялась фигура. Первая мысль – крупная собака. Но вскоре, а именно тогда, когда фигура, шарахаясь от дерева к дереву и натываясь на оградку, подошла ближе, обрела человеческие черты. Сашка сполз со скамейки, спрятался под столиком. Отчего-то он был убежден, что это не просто заплутавший родственник одного из умерших и не бабушка, уснувшая на могиле деда. Внутренний голос или интуиция кричали, заставляли спрятаться или убежать. Он услышал шмякающие звуки. Даже не шмякающие, а скорее плюхающиеся, похожие на удар голы ступни о мокрую глину. Звенели тонкие пруты, а подступы голых ног становились громче и четче. Промежутки между ударами три секунды, достаточно долго, если просто передвигать ноги, так медленно ходят пьяные или калеки. Из-за столешницы обзор был ограничен, Сашка не видел даже ближайших крестов, что уж говорить о приближающейся-

ся фигуре. Но он все равно смотрел в ту сторону, напряженно ждал и надеялся, что его не заметили, что пройдут мимо. «Плюх, плюх», звучало в ушах. От этих звуков ему становилось дурно, вдобавок появился запах, отдаленно напоминающий горький шоколад, совсем не типичный для кладбища. Плюх, плюх... фигура подошла к столу, Сашка видел голые ступни, измазанные глиной, а на уровне щиколотки начинался рваный подол черного балахона. Сашка замер, не смел даже вздохнуть. Фигура остановилась, секунду постояла, а затем, с шумом всосала воздух. Так громко, что у Сашки заложило уши. Тяжелая рука легла на столешницу, длинные, костлявые пальцы свисали с края. Заостренные, кривые когти походили на птичьи. Он прижался к ножке стола, обнял ее так, как обнимают мачту терпящие бедствие моряки. Можно подумать, что существо с такими когтями не сможет отодрать столешницу от ножки! Да такими когтями можно стол выдрать с корнем и вытащить Сашкино сердце из груди.

Когти поползли вверх, скрылись за краем стола. Раздался протяжный скрежет, такой как от соприкосновения ножа о точильный камень. У Сашки похолодели и взмокли ладони, ножка стола завибрировала и начала заваливаться. Он напряг руки и изо всех сил вдавливал стол в землю, пытаясь сдержать его падение. Скрежет продолжался и как казалось Сашке стал настырней. Ножка ходила ходуном, еще немного и стол вылезет из земли, словно выкорчёванное дерево. Руки дрожали от напряжения, спина устала, а зубы скрипели,

как стволы старых сосен. Сашка сравнивал себя с мышью, попавшей в лапы кота. Еще не мертвой, но испуганной до такой степени, что сердце чуть ли не лопається от страха. Кот играет, ему не интересно просто убить, он знает, что мышь обречена. А мышь надеется на спасение, хоть и знает, что никому из ее семейства не удавалось уйти от кота.

Сашка не знал ни одной молитвы, а если бы и знал, то ему это вряд ли помогло, ведь он не был крещен, да и в церквях никогда не был. Но оказавшись рядом с неизвестным существом, он просил высших сил, обратить внимание на его ничтожную персону и помочь с монстром. Ножка стола выдралась из земли, и теперь только Сашкины силы не давали столу упасть.

«Уйди, тварь! Уйди, тварь!» – крутилось у него в голове. Силы покидали, руки одеревенели, а ноги размякли, стол медленно, но верно кренился к земле.

И тут произошло чудо. Или случайность. Но Сашка решил, это именно чудо, спасение, посланное высшими силами. Как иначе можно назвать внезапное появление кота с облезлым хвостом. Он стоял у могилы отца и шипел на фигуру в балахоне. Скрежет прервался, давления на стол больше не было, Сашка осторожно вонзил ножку в дыру в земле, чуть расслабил руки, дав возможность мышцам отдохнуть.

Голые ноги на мгновение утонули в глине по щиколотку, словно на них надавили чем-то тяжелым, а затем вылетели, разбрызгивая глину. Несколько капель попали на лицо Саш-

ки, но большая часть на ноги. Фигура взметнула в воздух. Сашка не видел, но слышал, как ломаются ветки деревьев над головой. Она приземлилась бесшумно на могилу отца, скрючилась. Кот издал короткое мяуканье и исчез под балахоном. На стол и на землю попадали сломанные ветки и иголки. А следом за ними под ноги Сашки упал обглоданный до костей труп кота.

Оцепенение, приковавшее его к ножке стола, спало, словно оковы с рук заключенного. Сашка вылез и пополз на коленях к ближайшей могиле, подальше от монстра, дожевывающего кота. Он припал к земле, спрятался за поросший травой холмик и украдкой выглядывал, посматривая на скрюченную фигуру. Она чавкала, словно свинья, жадно глотала и шумно втягивала воздух, так будто боялась задохнуться. А когда трапеза окончилась, выпрямилась и в один прыжок очутилась у стола. В этот раз прыгнула не высоко, не достала до веток, будто боялась растрясти поздний ужин. Вцепилась когтями в столешницу и выдрала из земли. Стол подлетел, сделал несколько кувырков и брякнулся о надгробную плиту отцовского соседа.

Сашка вновь подумал о игре в кошки-мышки, но на сей раз кот насытился и не хотел играть с жертвой, а желал поскорей убить.

Сашка решил, существо придет в бешенство, узнав, что под столом никого нет, будет крушить кресты и надгробия, будет кричать и носиться по округе, непременно найдет

Сашку, разорвет на части и сожрет, оставив только скелет. Но оно повело себя иначе. Зашипело, напоминая съеденного кота, развернулось и ушло, натываясь на деревья и оградки, словно пьянчуга.

Следовало полежать еще какое-то время, убедиться, что существо ушло и больше не вернется, подняться на ноги и бежать с кладбища подальше. Но Сашка не из робких. Кроме смелости в нем есть любопытство, которое терзает разум и всегда выигрывает у здравого смысла. Раз уж довелось повстречаться с неизвестным, то нужно узнать о нем побольше. Так он твердил себе, следуя за фигурой в балахоне.

Он шел полуприсядем, но даже так не отставал от фигуры, шмякающей голыми ступнями по глине. Шли долго, у Сашки устали ноги и пересохло горло. Давно стемнело, на небе сверкали звезды и сияла полная луна. Слишком большая и близкая, протяни руку и коснешься. Сашка поглядел на часы, без пяти минут двенадцать, а значит он бродили по кладбищу больше полутора часов. Куда она идет, уж не заблудилась ли? А может она знает, что Сашка следит и намеренно водит кругами, запутывает, заманивает, а когда Сашка потеряет бдительность и силы, наброситься и сожрет, как кота с облезлым хвостом. От рассуждений и дум он действительно потерял бдительность и не обратил внимание, как фигура остановилась. Подошел так близко, что сделай еще пару шагов и воткнешься в спину. Он отступил, спрятался за кривой, поросшей мхом березой.

Фигура вышла на пустырь, напоминающий форму утино-го яйца. Голая, черная земля, без единой травинки, а вокруг могилы и деревья. Фигура встала в центре яйца и теперь, под светом луны, Сашка смог разглядеть ее получше. Черный балахон до щиколоток ног, голова и лицо спрятаны под капюшоном, руки длинные, свисают ниже колен, если конечно у этого существа есть колени. Кисти тощие, костлявые, а длинна когтей почти в полпальца. Еще бы косу в руки и точь-в-точь смерть. Сашка заметил алую кровь, стекающую с когтей, наверняка еще и мясо застряло между зубов. Он попытался представить какое на вкус котиное мясо. Должно быть кислое и жесткое, как кожаный ремень, попробованный однажды, после прочитанной книги о моряках, умирающих с голоду в дальних путешествиях. Он поморщился, ощутив на языке кислятину.

Он глянул на циферблат. Без одной минуты двенадцать. Существо стояло неподвижно и безмолвно, даже не слышно тяжелого дыхания, сопровождающего Сашку все то время, что он следовал за фигурой. Но не только существо молчало, теперь Сашка осознал, что не слышно скрипов веток и задувания ветра, не слышно шуршание травы и отдаленных криков птиц. Он слышал только свое дыхание и постукивание секундной стрелки на часах.

Оставалось пять секунд до двенадцати, как кладбище ожило. Зашуршала трава и заскрипели деревья. Сашка озирался, словно загнанный зверь, ему казалось, из темноты за

ним наблюдает множество глаз. А может и раньше наблюдали, да он не замечал. Он ощутил холодок на спине и легкое головокружение. Вот он и попался, вернее загнал себя в лапы кота. Сашка прижался к дереву лицом, губами утонул в мху, ощутил на языке привкус мокрой коры. Еще один хруст, совсем рядом. Впервые в жизни Сашка почувствовал страх, необъяснимый, животный, вдавливающий его губы все глубже в мох. Краем глаза он уловил движение. Кто-то прошел в паре шагов от него, не заметив, не обратив внимание. Еще одна фигура в балахоне! Со всех сторон в центр выжженного овала, напоминающего яйцо, стекались одинаковые фигуры в одинаковых балахонах.

Сашка насчитал одиннадцать. Они встали в круг, воздали руки ввысь и зашипели на непонятном языке или наречии. А затем они замолчали, выстроились в линию, лицом в противоположенную от Сашки сторону.

Там, за черными капюшонами, блестело дуло ружья и лысая голова смотрителя за кладбищем. Он стоял на границе выжженной земли. Сашка вытянул голову, чтобы лучше видеть его лицо. Взгляд опущен, а ружье висит на плече. Он поднял ногу, с намерением переступить невидимую черту, заступить в овал, но осекся и вернул ногу на место.

– Она мертва, – сказал смотритель. В его голосе была досада и отчаяние, но ни капли страха.

– Мы знаем, – ответил ему стальной голос, словно высеченный из куска древнего железа, сохранившего отпечатки

доисторических животных. От голоса в ушах зазвенело, а из глаз будто посыпались звезды.

– Она исправно служила вам, – продолжал смотритель.

– Мы знаем, – отвечал стальной голос.

– Неужели она не заслужила второй шанс?

– Говори, что ты хочешь, – сказал другой голос, не такой звонкий, но такой же древний, от которого смердит детскими страхами: призраком в шкафу, мертвецом под ванной и лохматым чудовищем под кроватью, ждущим когда можно схватить свисающую ногу и утянуть в царство кошмаров.

– Верните ее! – потребовал он.

– Это возможно. Но от тебя кое-что потребуется. – Без колебаний ответил третий голос и в воздухе повис запах горького шоколада. У Сашки перехватило дыхание, это то существо, которое он преследовал. Это его монстр!

– Говори, я сделаю все! – залепетал смотритель и упал на колени.

– Нам нужны две вещи: подушка под головой мертвеца, пропитанная ее запахом и фотография, на которой она счастлива.

– Подушка? – переспросил смотритель.

Фигура не ответила на его вопрос, продолжила вещать:

– Это все надо принести через четыре дня, когда красная луна окрасит небо.

– Я все сделаю, – сказал смотритель, поднялся с колен и побрел прочь.

– Я все сделаю, – повторял он, пробираясь через колючие ветки кустарников, натыкаясь на оградки, падая и подымаясь вновь. – Я все сделаю, – звучало у Сашки в ушах.

Он оставил фигуры, решил не досматривать чем закончится собрание, прикрывшись шумом удаляющегося зрителя, отдалился от дерева, за которым прятался, обогнул голый участок земли и побрел. Он шел за зрителем.

Сашка быстро нагнал его, следовал по пятам, слушая заезженную пластинку: «Я все сделаю». Дошли до избушки, зритель вошел, включил лампу, но вскоре вышел с лопатой в руке. Ружье по-прежнему висело на плече.

Он шел, не оглядываясь и не сбавляя шагу. Не блуждал, точно знал куда идти. Сашка пытался запоминать дорогу, читал фамилии на надгробиях, делал засечки на деревьях, но вскоре понял, что занимается бесполезным занятием. Фамилии быстро забывались, а от насечек толку мало, в ночной темноте видно не дальше двух надгробий. Сашка держался близко к зрителю, боялся потерять его и заблудиться. Зритель походил на зомби, рыщущего среди могил и твердивший без умолку одну фразу: «Я все сделаю».

Сашка вдруг подумал, что на кладбище могли оставаться посетители. Он представил изумление какой-нибудь бабушки, если вдруг окажется, что путь зрителя проходит мимо неё. Может даже взвизгнет и потеряет сознание. Сашка улыбнулся и хихикнул, но тут же прикрыл рот ладонью, опасаясь, что его могли услышать.

На часах было два ночи, когда смотритель воткнул лопату в холмик свежей могилы. Сашка догадывался кто лежит под крестом, он буквально чувствовал злую энергию, излучавшую тело покойницы.

Смотритель рыл быстро, без остановок на отдых и перекур, он походил на солдата, чья жизнь зависит от того как быстро он сделает окоп. Сашка сидел на скамейке, сколоченной совсем недавно, и наблюдал, как смотритель уходил под землю. С каждым ударом лопаты, с каждым скинутым за спину комом песка, смотритель погружался глубже и глубже. От скамейки пахло свежесрубленной березой и клопами. Сашка морщился, ему не нравилась вонь от клопов, но слезть со скамейки он не торопился. Лучше уж терпеть вонь, но сидеть, чем лежать на сырой земле.

Вскоре разрезающий землю звук сменился тупым ударом метала о дерево, Сашка подошел ближе. Он не волновался, что смотритель его заметит, ведь тот занят важным делом и даже думать не мог, что за ним кто-то наблюдает. Сашка взобрался на гору из песка и заглянул в черную дыру. На гробе стоял смотритель и лопатой стучал по крышке гроба, стараясь проделать дырку на уровне головы покойной. Лопата звенела, отскакивала от свежих досок, словно пули от стены. Но смотритель не отступал, стучал снова и снова, пока, наконец, звон не сменился хрустом.

– Анжела, – залепетал он сладострастно, – любовь моя, потерпи еще немного.

Лысая голова скрылась, смотритель нагнулся. Сашка не видел его, но слышал надрывистое дыхание, шмыгающий нос и стон. Смотритель плакал. Сидел на коленях рядом с лицом жены и плакал. Возможно он даже поцеловал её в лоб, просунув мокрое от слез и соплей лицо в выковырянную дырку. Да, скорее всего так оно и было, Сашкины догадки подтверждало пятисекундное молчание, прервавшееся очередной порцией стонов и шмыганья носа.

– Прости за это, Анжела, – выдавил смотритель. Слова дались тяжело. С такой интонацией говорят перед тем, как сунуть слепых котенков в ведро с водой.

Раздался хруст, как от Сашкиной спины, когда он резко поворачивает корпус, а затем шуршание. Лысая голова снова появилась. Сашка отступил, вернулся к скамейке, но не сел, а спрятался за ней.

Смотритель выбрался из могилы, воткнул лопату в песок и побрел в темноту. Сашка следовал за ним. Обратная дорога к избушке показалась значительно короче, возможно шли другим путем. Наверное, так оно и было, Сашка не пытался вспоминать фамилии мертвецов, прочитанные на первом пути.

Сашка прильнул к окну избушки и наблюдал, как смотритель роется в шкафу, в альбомах, выискивает нужную фотографию. Их было много, но та, на которой жена улыбается, всего одна. Смотритель положил подушку на стол, а сверху фотографию и лег спать.

– Чем все закончилось? – спросил Антон.

– Пока ничем, четвертый день сегодня. Сегодня смотритель понесет фотографию и подушку ведьмам.

– И что произойдет, когда ведьмы получат эти предметы?

– Я полагаю они оживят его жену.

– Кошмар, – залепетал Антон.

– Я так же думаю, а потому мы с тобой помешаем этому случиться.

– Как? – удивился Антон.

– Очень просто. Залезем в избу и украдем подушку и фотографию.

– Но как мы это сделаем? Ведь смотритель в избе. Он нас поймает и что тогда?

– Если поймает, то непременно закопает в одной из вырытых могил. Забросает землей, а сверху положат гроб с мертвецом. Водрузят плиту с чьим-нибудь именем, но не нашим и никто никогда нас не найдет.

– Я не пойду, – запротестовал Антон.

– Как это не пойдешь? – удивился Сашка. – Ты ведь сам сказал, что веришь мне и доверяешь.

– Да, но ты сказал, что научишь как обращаться с людьми.

– Верно, и это первый урок. Злые люди никогда не должны жить среди добрых. Мертвецы не должны возвращаться к живым.

Они вышли на асфальтированную дорогу. В этой части кладбища, у главных ворот, у сторожки смотрителя, лежа-

ли самые богатые и именитые люди города. Тут политики и бандиты, певцы и писатели, журналисты и бизнесмены. Со- здавалось впечатление, что родственники умерших состязались, кто поставит самый большой и самый дорогой памятник. Здесь были каменные люди в креслах, рядом с мраморными собаками и львами, но всех перещеголял цыганский барон верхом на огромном коне. Изба зрителя казалась ничтожно маленькой и нищей в окружении огромных, дорогих памятников. Синяя дверь прикрыта, у порога стояла пара грязных сапог.

– Он дома, – сказал Сашка и заставил Антона пригнуться. Они спрятались за спину бывшего мера города, убитого в какой-то бандитской разборке пятнадцать лет назад. У его ног лежал букет красных роз, бутылка водки и пачка сигарет.

Свет в избе не горел, но у порога мерцала грязная лампа, а возле нее крутился мотылек.

– Наверное спит, – предположил Антон, но Сашка так не думал, он покачал головой и указал на ворота, они все еще были открыты. Сашка глянул на часы и задумчиво произнес:

– Если бы была жива его жена, то закрыла ворота еще два часа назад.

Антон только теперь обратил внимание на Сашкино запястье и на циферблат механических часов с подрагивающей секундной стрелкой. Такие часы он видел раньше, только не мог вспомнить где. Может быть в каком-нибудь фильме у одного из героев или у директора школы. Он погрузился в

воспоминания, припоминая какие часы носил Аркадий Сергеевич.

– Наверное ты прав, и он спит. Напился и уснул, – прошептал Сашка, – подойдем ближе.

Антон взглянул на Сашку выпученными от страха глазами и пробормотал:

– Ближе?

Он считал, что они и так подошли слишком близко, до избушки их отделял мужчина с тростью, женщина в окружении маленьких псов и большой красный крест. А что если их заметят? Что если зритель очнется от пьяного сна с мыслью, что срочно нужно закрыть ворота? Выйдет на улицу в заношенных до дыр трусах в горошек, с папиросой в зубах и увидит Антона с Сашкой.

– Не бойся, он спит так крепко, что не услышит, как гремят копыта того коня, если ему вдруг вздумается ожить.

– Откуда ты знаешь? – с недоверием поинтересовался Антон.

– Знаю и все тут! – заявил Сашка и дернул брата за руку.

Они двигались полуприсядем, огибали могилы, старались не наступать на сухие сосновые ветки и шишки. Почти добрались до домика, как за воротами раздался противный, громкий писк клаксона проезжающего автомобиля. Они спрятались за крест. Коленки Антона ходили ходуном, дыхание участилось, а страх бил кулаком в сердце, предлагая сбежать вместе с ним, покинуть слабое, трусливое тело.

– Надеюсь он не проснулся, – сказал Сашка и дернул Антона за руку.

Добрались до стены и прижались к ней спинами. Сашка вновь глянул на часы, а Антон вспомнил директора школы и его часы, совершенно не похожие на эти. Те были желтые с прозрачными камнями, кто-то из класса уверял, что это бриллианты, что директор школы ночами грабит ювелирные салоны.

– Мы шли семь минут, – объявил Сашка.

Антону же показался этот путь бесконечно долгим, ноги устали, а сердце стучало как та игрушка из рекламы. Заяц, бьющий в барабан. Если зарядить новую батарейку, то энергии хватит на целую неделю, говорил закадровый голос.

– Подними меня, – скомандовал Сашка, встал под окном и вытянул руки вверх. Дотянулся до карниза, но подтянуться не смог, не на что было поставить ноги.

Антон обхватил талию брата, пыхтя и скрипя зубами, приподнял его на высоту чуть выше своих колен.

– Еще немного, – попросил Сашка.

– Больше... не... могу... – от натуги глаза покраснели, щеки надулись, вот-вот лопнут.

Антон разжал руки и скрючился, тяжело дыша.

– Ну ты что, каши не ел сегодня? – с досадой спросил Сашка, этим вопросом оживляя неприятные воспоминания Антона о сегодняшнем утре. – Ладно, давай я тебя подниму, ты легче меня.

Сашка обнял Антона и резким движением, с воплем: «Вух!», поднял его так высоко, что карниз окна уперся в грудь.

– Ниже, ниже, – взволновано шипел Антон, старался выкрутиться из объятий, изогнуться так, чтобы его не было видно в окно.

– Ну что там? – спрашивал Сашка. Его не заботило то, что вздумай смотритель кладбища проснуться и взглянуть в окно, то непременно увидит Антона.

– Я не вижу, там темно. Отпусти, – взмолился Антон.

– Присмотрись, и скажи, где фотография и подушка. Пока не скажешь, не отпущу, – пропыхтел Сашка.

Антон прислонился лбом к окну, приложил ладони к вискам и всмотрелся в темную комнату. У дальней стены стояла кровать на высоких ножках, на ней лежал лысый мужчина. Одна рука свисала к полу, где валялась пустая бутылка. Он не шевелился, как и предположил изначально – смотритель спал. Посреди комнаты стол, а на нем белая подушечка.

– Вижу! – выпалил Антон и в тот же момент опустился на землю.

– Ты хоть и не тяжелый, но долго я тебя не удержу. Видел то, за чем мы пришли?

– Да, на столе подушка.

– А фотография.

Антон молчал и изумленно смотрел на Сашку, словно только сейчас, впервые услышал про фотографию.

– Не видел... – выдавил он виновато.

– Так, сейчас девять часов двадцать минут. Есть план?

Антон уже отмел директора, но все еще думал о школе, теперь он перебирал запястья всех учителей. Он совершенно уверен, что где-то видел точно такие же часы.

– Раз нет плана, то действуем как в американских боевиках, – выпалил Сашка и направился к двери.

Она была не заперта, Сашка обрадовался, а Антону показалось это подозрительным, словно мышеловка. Вроде сыр лежит на видном месте и стоит только протянуть к нему мордочку, как тут же сработает скрытный механизм и захлопнется на шее. Антон переживал, что стоит им войти в избу, как дверь тут же закроется, смотритель поднимется с кровати, схватит ружье и...

– О чем задумался, братец, – прервал фантазию Сашка, – давай за мной!

Они вошли, под ногами тут же скрипнула половица, как в коридоре утром, когда Антон стоял с миской каши и ждал пока подойдет тетя Таня и даст затрещину. Но смотритель не проснулся, казалось он спал так крепко, что не проснется ближайшую неделю.

Запах стоял странный, смесь торфа с сигаретным дымом. Если спросить Антона что напоминает ему этот запах, то он без запинки ответил – коридор в библиотеке, куда он часто заходил после школы, чтобы посмотреть на картинки на стенах. Там были нарисованы животные и море. Больше всего

на свете Антон хотел побывать на море.

На пороге, близко к стене, так, чтобы не мешаться, стояла еще одна пара сапог, но эти были чистые.

– Наверное на выход, – усмехнулся Сашка, – в театр или цирк.

А Антон подумал о другом. Он представил, как кричит жена на зрителя, когда тот забывал убирать сапоги с порога.

До кровати было пять шагов, а может и меньше. Антон взглядом смерил расстояние и решил, что пяти шагов, пожалуй, не будет, от силы четыре. А до стола и того меньше, сделать полтора шага и можно будет дотянуться до подушечки с фотографией. Антон чуть сдвинулся, он даже не поднял ноги, а скользнул, словно стоял на льду. На пол он не смотрел, его взгляд сфокусирован на столе и его содержимом, а мысли направлены на то, чтобы не разбудить зрителя случайным скрипом пола. Он тянулся к подушечке, как раздался металлический грохот и плеск воды. Сердце почти остановилось, замедлилось на долю секунды, но этого хватило, чтобы Антон успел попрощаться с жизнью. Дыхание перехватило, он не мог ни вдохнуть, ни выдохнуть. Повернулся к Сашке и увидел на полу перевернутую миску и лужу воды. Вода быстро впитывалась в цветной палас и просачивалась в щели между досок. Сашка скривил лицо, подтянул неуклюжую ногу и выдавил:

– Упс.

Антон качнулся в сторону двери, но Сашка остановил его намерение сбежать:

– Он даже не шевельнулся. Спит как медведь в берлоге.

Но Антон заметил движение на кровати, под одеялом. Это нога зрителя! Он проснулся, но продолжал притворяться спящим, медленно освобождает ногу из-под одеяла, чтобы рвануть к двери, схватить его и Сашку за горло и поднять к потолку!

Антон ощутил давление на виски, руки с ногами онемели, а перед глазами появился туман. Всё, ему пришел конец! Рука Антона поднялась и медленно двигалась к Сашке. Он следил за ней застывшим взглядом, не понимал, почему рука двигается сама по себе, ведь он не отдавал ей команд. Вялые пальцы коснулись спины Сашки.

– Смотри, – Сашка показывал на кровать.

Антон перевел оцепеневший взгляд и увидел маленький рыжий комок, сидящий у головы зрителя.

– Что это? – выдавил Антон глухим, утробным голосом.

– Ты что, братец, котенков никогда не видел? – задорно спросил Сашка.

Только теперь Антон разглядел у рыжего комка острые, торчащие уши и виляющий маленький хвост, больше напоминающий извивающуюся древесную змею. Он видел таких по телевизору в программе о животных. Туман перед глазами рассеялся, однако остались неприятные мутные пятна, похожие на мушки. Они мешались, и даже с силой зажмурив

глаза, Антон видел их.

– Он еще спит? – спросил Антон дрожащим голосом.

– Все так же, как медведь.

– Давай заберем то, за чем пришли и поскорей уйдем, – взмолился Антон.

– погоди, давай погладим котенка.

Он присел на корточки и позвал котенка, выставил руку и потирал пальцы, словно держал что-то вкусное.

Котенок спрыгнул с кровати, ударился мордой о пол и резво побежал к Сашке. Хвост стоял трубой, а глаза горели любопытством.

– Смотри, какой он хороший, – сказал Сашка и взял котенка на руки. Тот мурлыкал и терся маленькой головкой о Сашкину щеку.

– Ты ведь говорил, что жена смотрителя не любит животных, – сказал Антон, поглаживая кота.

– Так и есть. Видать он завел его в тот же день, как померла жена. Может он всю жизнь хотел завести котенка, а жена не давала. Я думаю он добрый человек.

– С чего ты так решил? – спросил недоверчиво Антон. Он косился на ружье, стоящее у кровати. На полу разбросаны патроны, некоторые гильзы были пустые.

– Злые люди не заводят котенков. Котенки – это не собаки, которых посадил на цепь и корми раз в день. Котенок требует ласки и ухода. Злой скорее заведет собаку, чем кота. Понимаешь? – спрашивал Сашка, прижимая кота к щеке.

Антон кивнул и подумал, что у него никогда не было кота, даже собаки. Но он всегда мечтал именно о собаке. Но не для того, чтобы посадить ее на цепь. Отец обещал подарить ему собаку, но не успел. Котенок перебрался с Сашкиных рук на плечо Антона и теперь терся о его голову.

– А ты ему понравился, – улыбался Сашка. – А хочешь мы его заберем?

Антон серьезно взглянул на брата и сказал:

– Как это заберем? А как же смотритель без котенка. Нет, так нельзя.

Сашка утвердительно кивнул, а Антону показалось, что в глазах брата сверкнула гордость за слова и решение Антона.

– Ладно, бери подушку и фотографию. Пора уходить, а то скоро... – он не успел договорить. Заиграла мелодия. Громкая и противная. Так же звенит будильник на телефоне дяди Миши. Антон всегда закрывал уши подушкой, как слышал мелодию с телефона дяди Миши.

Смотритель издал громкий рык, пошевелился, потянулся рукой к тумбе, задел ружье. Оно с грохотом повалилось на пол, котенок спрыгнул с плеча Антона и побежал на улицу.

– Уходим, – скомандовал Сашка и потащил брата за ворот.

– Эй, вы кто? – заспанный голос смотрителя. Он поднялся с кровати.

Они бежали не оборачиваясь. Если их остановить и спросить, почему они бежали именно в ту сторону, то ни за что бы не ответили. Они просто бежали туда, куда их вели ноги, а

ноги вели их в глубину вечернего кладбища. Им стоило остановиться у входа в избу и немного подумать, тогда пришло верное и единственное решение – бежать надо с кладбища, через открытые ворота. Но страх принимает необдуманные решения. А потому братья бежали от выхода, загоняя себя туда, где смотритель ориентировался лучше хищного зверя.

– Стой, – выпалил Антон. Он склонился у какого-то надгробия, дышал тяжело, храпел и стонал. – Он за нами бежит?

– Не знаю, – ответил Сашка. Он тоже запыхался, но казалось, что сил хватит еще надолго.

– Я его не слышу, – сказал Антон, – давай отдохнем.

– Правильно, ты его не слышишь. Я тоже не слышу. Потому что слышу только твое дыхание, да бешенные удары своего сердца.

– Дай отдышаться, – умоляюще стонал Антон.

– Но только недолго. Я думаю смотритель не отпустит нас с его вещами.

Сашка поднял над головой подушку.

– А где фотография? – спросил Антон.

– Тут, – Сашка хлопнул по карману брюк.

– Что будем делать? – спрашивал Антон, он все еще тяжело дышал, но уже не стонал и не храпел.

– Надо это спрятать.

– Но куда?

– Туда, где смотритель не найдет до утра. Сегодня единственная ночь, когда ведьмы смогут оживить его жену.

– Может закопаем рядом с могилой? – Антон поковырял носком кроссовка в глине.

– Нет, найдет, – сказал он, а в следующее мгновение пригнулся, дернул Антона за штаны, приказывая последовать его примеру: – тихо... ты слышал это?

Антон прислушался, но ничего не услышал.

– Вот, снова! – прошипел Сашка, маленькая капля слюны попала Антону на руку.

Теперь Антон услышал. Это были звуки шелеста листвы и треска веток. Это походило на звуки, когда медведь пробирается через лес в поисках пропитания.

– Надо идти дальше, он идет по нашему следу, – сказал Сашка и не распрямляясь засеменял по скользкой, размоченной дождем тропинке. Антон последовал за ним.

– Только бы не выйти на пустырь с ведьмами. – Сказал Антон.

Сашка обернулся, в его взгляде было что-то похожее на недопонимание. Как будто он впервые услышал про ведьм, как будто еще несколько часов назад он не рассказывал, как скрывался под столом от существа в черном балахоне, сожравшего кота. От взгляда брата, у Антона даже закрались сомнения: а точно ли Сашка упоминал в своем рассказе ведьм, а не просто людей в черных балахонах. Живая фантазия Антона вполне могла дорисовать несуществующее. Может быть Сашка только сравнивал тех людей с тетей Таней, а Антон, считавший её злой, как ведьма, услышал вместо «те-

тя Таня» «ведьма».

«Нет», – подумал Антон, – «я не мог отключиться, когда Сашка рассказывал свою историю, не мог навывдумывать лишнего».

Еще Антон отметил, что во взгляде брата не было ни капли страха, казалось он точно знал, что зритель их не догонит и никто не попадет на пути. Кто и боялся в этой ситуации, так это он, Антон. Если бы утром сказали, что он будет убегать от мужика с ружьем и стараться не попасться на глаза ведьмам, то он, пожалуй, остался дома и слушал крики тети Тани и терпел издевательства Насти. Но ведь тогда бы он не встретил брата. Антон помотал головой. В ушах звенело, а во рту чувствовался медный привкус крови.

Подушечка у Сашки, а фотография у Антона за поясом. Сашка решил не рисковать, не держать все у себя и передал фотографию Антону. Если кого-нибудь из них поймают, то получают только один предмет, а без второго обряд не состоится. Но по плану Сашки, зрителю не должен достаться ни один из предметов. Если он все же нагонит, то Антон должен разорвать фотографию, а Сашка избавиться от подушки. Но как он это сделает, Антон не знал, да и Сашка не смог придумать. Отшутился, что в случае чего просто съест подушку. Подумаешь, и не такое приходилось есть.

На какое-то время звуки преследования пропали, а может их и не было, а то действительно ходил медведь среди могил, собирал оставленную еду. Но вскоре Антону стало казаться-

ся, что он слышит сбивчивое дыхание за спиной и дополнительную пару шагов. Он оборачивался, но взгляд наткнулся только на темноту и торчащие из нее голые ветки сосен, похожие на паучьи лапки.

– Похоже мы заблудились, – сказал Сашка, упершись руками в колени и сплевывая вязкую слюну на старый, ржавый венчик, оказавшийся под ногами.

– И что теперь делать? – в голосе Антона проступало волнение.

– Надо прятаться, – Сашка озирался по сторонам, в поисках надежного укрытия. Но сколько не смотри кругом только могилы, кресты и деревья.

– Может залезем на дерево? – предложил Антон.

Сашка оценивающе задрал голову.

– Не, – покачал головой, – он услышит, как мы лезем.

– Ну тогда... – не успел договорить Антон, его прервал взволнованный голос брата.

– Тихо! – он насторожился.

Антон инстинктивно пригнулся и сдвинулся к сосне.

– Он нас догнал! – спокойным голосом сказал Сашка, а затем закричал как резанный: – Беги Антоха!

Антон оттолкнулся от дерева и помчался, подымая комья глины, огибая могилы, падая, барахтаясь в грязи, подымаясь и снова падая. Он бежал и думал, как бы спастись, как бы выбраться с кладбища, как бы спрятаться, затаиться и не выглядывать до утра. А там, утром, появятся люди, и он по-

просит их помочь.

Остановился только тогда, когда перестал слышать какие-либо звуки, кроме своего тяжелого дыхания, своих плюхающих шагов и шелеста кустов. Он развернулся и всмотрелся в темноту, надеясь увидеть очертания брата.

– Саша, – позвал он тихо. Так тихо, что сам себя не слышал.

– Саша, – повторил, чуть громче.

Между деревьев мелькнула фигура, затем раздался легкий звон оградки, словно по ней ударили чем-то твердым, но в то же время тонким. Чем-то наподобие плотного прутика или костяной руки! Он увидел высокую темную фигуру, суетливодвигающуюся, натыкающуюся то на оградки, то на кресты, иногда врезающуюся в деревья. Движения пьяницы или сильно больного, умирающего человека. Вскоре он услышал плюхающие звуки шагов, прерывистые, не частые. Фигура двигалась, но звуки шагов раздавались с промежутком в три секунды. Плюх. Один, два, три. Плюх. Антон сделал шаг назад, еще один и еще. Фигура не ускорялась, но и не останавливалась, шла, не сворачивая на Антона. Плюх, плюх. Антон зажмурил глаза, думая, что ему пришел конец. Но в тот момент, когда он придумывал последнюю молитву для бога удачи, справа раздался голос брата.

– Эй, ведьма! Помнишь меня? Помнишь мой запах?

Сашка открыл глаза и увидел, как в нескольких шагах от него стоял Сашка и махал белой подушечкой, словно фла-

гом, отвлекая существо в балахоне. И это подействовало, ведьма громко втянула воздух, так словно закипал чайник со свистком и изменила направление. Теперь она шла за Сашкой. Плюх. Один, два, три. Плюх. Звонкий удар о оградку, гулкий удар о сосну. Плюх. Сашка непроизвольно сделал еще шаг назад, оступился и упал. Летел не долго, но достаточно чтобы успеть досчитать до трех, услышать очередной плюх голой ступни и подумать о том, что Сашка его спас, отвлекая ведьму на себя. Ударился головой о твердый песок и потерял сознание.

Его нашли под утро, лежащего в свежей могиле. Нашли тогда, когда чуть было не спустили гроб, обшитый красным бархатом. Помогли выбраться, напоили горячим чаем, накормили блинами и указали дорогу к сторожке смотрителя. Фотография была на месте, он нащупал её через грязную футболку.

Сашку встретил за забором. Он был чистым и веселым. Вертел в руке белую подушечку, чуть измазанную песком и подмигивал. Антон успел обрадоваться тому, что брат жив, а уже потом обратил внимание, что он стоял почти у сторожки смотрителя и демонстративно подбрасывал подушку. Он восхитился его спокойствию и бесстрашию. При желании его можно было увидеть в окно и выскочить с ружьем наперевес. Нет, решил Антон, не мог Сашка испугаться каких-то там ведьм, не мог он дрожа прятаться под столиком и трясущимися руками придерживать ножку. Все же Антон нафанта-

зировав лишнего, спроецировал Сашкин рассказ на себя и представил, как бы он себя повел, окажись в подобной ситуации. Антон мечтал когда-нибудь стать таким же бесстрашным как брат, а пока он озирался на сторожку и медленно, полуприсядем шел к брату, придерживая вспотевшей рукой футболку в том месте, где была спрятана фотография.

Уже когда шли в сторону центра города, бросили подушечку в гору подоженного мусора. Она сгорела быстро, один раз пшикнула и испарилась. Фотографию оставили в качестве трофея, и как напоминание о прошедшей ночи.

– Как же ты не напугался отвлечь на себя ведьму? – задал Антон вопрос мучавший его с момента как выбрался с могилы.

– Если бы я тебя бросил, то до конца жизни ненавидел себя, – сказал он, – друзей не предают.

Прощание с другом

Проснуться вперед остальных не удалось.

Суета началась с раннего утра, Антон не успел умыться, почистить зубы, а ему всучили звонкий таз и вонючую половую тряпку, бывшую совсем недавно штанами, купленными вместе с отцом на рынке. Коленки стерлись до дыр, а на заднице появилось огромное пятно от травы, не выводимое самыми сильными средствами. Ну и подумаешь, да даже если вырвать одну штанину, Антон продолжал бы их носить. Ему нравились штаны, глядя на них он вспоминал веселые глаза отца, добродушно наблюдавшие, как Антон переминался с ноги на ногу на картонке, постеленной заботливым продавцом.

Антон развернул тряпку и стряхнул, разбрасывая по комнате засохшие хлебные крошки и комки волос, похожие на морских ежей. Запахло застарелым, плесневелым куском хлеба и свежим цементом. Поморщился, словно только что съел кислую вишню, смял тряпку и с силой бросил в таз. Теперь уж одного желания мало. Стоит только сунуть ногу, как штаны развалятся в прах, а нога позеленеет и покроется плесенью, может даже отвалиться.

Уборка затевалась для коллег дяди Миши, приглашенных пропустить по стаканчику чая – как говорила тетя Таня. У

нее самой не было друзей, а из родственников остались только Антон, да его мать, запертая в лечебнице для психов. Уж так получалось, что все гости были для неё чужими. Но каждый раз, как приходили чужаки, тетя Таня называла их друзьями семьи и услужливо подавала хрустальные вазы с салатами.

Они должны прийти к обеду. Восемь человек, от которых останется куча мусора и грязи, а убирать придется Антону. Так бывало всегда – убирает Антон. Это правило переросло в традицию, тетя Таня и дядя Миша отправляли Настю спать, а Антона разгребать оставленный свинарник. В прошлый раз ему пришлось отдирать жвачку от паласа и собирать с дивана пепел с окурками. Но в прошлый раз было двое гостей, в этот же раз их будет в четыре раза больше. В четыре раза больше мусора, в четыре раза больше времени на уборку.

Эти мысли злили Антона, а когда злишься, невозможно целиком отдаться работе. Он халтурил, не мыл под кроватью и не заглядывал с тряпкой за батареи. Он исподлобья поглядывал на Настю, протирающую окна белоснежной тряпкой, от которой наверняка пахло цветами.

Время-от-времени тетя Таня проверяла работу. Укоризненно указывала на те места, которые Антон пропустил или до которых еще не добрался. Она называла его свиньей и сравнивала с вонючей тряпкой для пола. Подходила к окнам, хвалила Настю, ставила её работу в пример. Когда она уходила, Настя слезила с подоконника и плевала на только что

помытый пол.

– Убирай, мямля! – приказывала она.

Антон убирал и тогда она плевала снова. А стоило Антону возмутиться, как Настя повышала голос, так, чтобы ее было слышно с кухни, где тетя Таня готовила праздничный обед. Антон горько вздыхал, опускал взгляд и убирал свежий плевок, готовясь получить от тети Тани очередную порцию унижения. А уж она бежала, торопилась с ножом в одной руке и недорезанным помидором или огурцом в другой.

– Слушай сестру! И не выводи меня из себя! – строго говорила она, отвечивала подзатыльник, предварительно освободив руку, сунув огурец или помидор в рот.

– Она мне не сестра, – шептал Антон, так тихо, чтобы никто не слышал его возмущений и продолжал махать тряпкой.

После спальни тети Тани и дяди Миши Антон перешел в свою. Поставил таз на табурет, тряпку бросил на пол и закрыл дверь. Из приоткрытого окна тянуло пылью и выхлопными газами, слышен шум автострады. Антон вытащил из-под кровати аквариум с хомяком, поднес к лицу, вдохнул, поморщился.

– Ну ты, Хвича, вонючка. Только вчера убирал. – Достал хомяка. К шерсти приклеились изгрызенные кусочки газеты и засохшее черные испражнения. Потряс хомяка и опустил на пол.

– Побегай немного последний раз, – он тоскливо вздохнул и, умиляясь как хомяк переваливается с бока на бок, при-

нялся убирать в аквариуме. Последний раз.

Пару раз заходила тетя Таня, молча стояла в дверях и ухаживала.

Он порвал старую газету и уложил в дальние углы, вернул на место изгрызенную корягу и железную банку, с вырезанной дыркой. Поднялся на ноги, оглядел комнату. Хомяка не видно. Сел на колени и заглянул под свою кровать, немного переполз и заглянул под кровать деда. Там было несколько коробок с вещами, которые тетя Таня пожалела выбросить. Между ними сидел хомяк.

Пока Антон возвращал его в домик, пальцы нащупали плотный предмет, спрятанный в левой щеке.

– Нашел что-то под кроватью? – Антон вертел аквариум перед лицом, наблюдая за Хвичей. Ждал пока тот вытащит припрятанное. Как бы не слопал какую гадость.

Долго ждать не пришлось, Хвича сел в угол и лапками вытолкнул красный леденец. У Антон мигом похолодели ступни и пальцы на руках, а в голове кольнуло, будто бы кровь резко отхлынула от конечностей и ударила в голову. Антон поставил аквариум на пол и чуть отошел. Он не чувствовал запах леденца, комната пропиталась пыльной улицей и автомобилями, но знал, что тот пахнет ванилью и корицей. Мысль, что леденец мог попросту упасть, закатиться за кровать еще при жизни деда, почему-то пришла последней. Сперва он подумал о пуговичном человеке. Антон медленно наклонился, заглянул под кровать деда. Ему подумалось, что коробки

стоят слишком близко к краю кровати, что их можно было затолкать глубже. А еще ему показалось, что под кроватью кто-то был и этот кто-то смотрел на него через щели между коробок.

Антон подумал: «Если это пуговичный человек, то почему он пришел ко мне, ведь не я украл глаз». И тут же пришла вторая мысль: «А что если он уже был у Сашки?»

Открылась дверь. От неожиданности Антон подпрыгнул, а в груди больно сдавило, словно какая-то невидимая сила сжала сердце. Он обернулся, на пороге стояла тетя Таня в зеленом фартуке.

– Убрал в клетке?

Антон кивнул.

– А под кроватями помыл?

Антон покачал головой.

– Ну а чего ждем? Второго пришествия? Живо взял тряпку и залез под кровать.

Она смотрела на него как коршун на мышонка, брови сведены, а глаза прищурены. Расслабься, отвернись и она прыгнет, вцепится когтями и разорвет.

Антон не торопясь поднял тряпку и медленно опустил в таз.

– Живее давай!

Антон залез под кровать деда, растолкал коробки и убедился, что за ними не прячется пуговичный человек. Все еще находясь под кроватью, обернулся. Тетя Таня ушла и закры-

ла дверь. Антона вновь обуял страх, он решил, что его специально заманили в лапы пуговичного человека. Вот он сейчас обернется, а там будет изрытое морщинами лицо с пуговицами вместо глаз. Он схватит Антона за руку и утащит в подвал заброшенного дома у разрушенного пуговичного завода. Антон зажмурил глаза и ползком попятился. Как только левая нога коснулась ножки табурета, он поднялся, открыл глаза, взял таз и вышел в зал.

Дядя Миша лежал на диване, в руке полупустая бутылка, а по телевизору второсортный боевик, снятый как раз для таких тупиц. Свободная рука лежала на лбу, придавая дяди Миши вид какой-нибудь статуи мыслителя, времен античной Греции. У стороннего человека могло появиться ложное представление об умственных данных дяди Миши. Кто-нибудь, глядя на него в этот момент, мог с восхищением подумать: «лежит и размышляет». Но стоило ему открыть рот, как становилось понятно: руку положил на лоб чтобы почесать голову и забыл про неё. Именно про таких придумали высказывание: «голова нужна чтобы в нее есть».

Вода в тазу черней Настинной души, а на тряпку намотались длинные волосы и шерсть кошки. Подвинул стоявший рядом табурет к двери в Настину комнату. Таз поднял над табуретом и силой опустил. Раздался гулкий звон и всплеск воды. От удара вода будто бы сжалась в центре таза, поднялась цилиндром и плеснула на пол. Антон замер, с опаской огляделся, словно затравленный зверь, высматривающий охотни-

ка. Никто не увидел его выходки, Настя все еще мыла окно в своей комнате, а дядя Миша спокойно глядел в телевизор.

Упал на колени и энергично замахал тряпкой. Он хотел поскорей закончить, чтобы надолго не оставаться в компании дяди Миши. Болтун Мишка, – как его называл дед, – мог часами рассказывать о тренажерном зале, который он посещал в годы своей юности и о бандитах, с которыми ему довелось вместе качать одну штангу. От одной бутылки он оставался спокойным и молчаливым, но стоило выпить вторую, как просыпался болтун. После третьей бутылки к болтуну присоединялся воспитатель. Он доставал из шкафа зеленые корочки младшего воспитателя, полученные еще в школьные годы и, тряся ими, доказывал окружающим, что только он может сделать из Антона человека. Ну а если выпьет больше, то в дело вступал боевик, махающий кулаками, демонстрирующий мышцы и затевающий споры, которые можно решить только силой.

Беда в том, что Антон не знал какую по счету бутылку сосал дядя Миша, а потому он мыл пол подальше от дивана, стараясь не попадаться на глаза. Если он пробыл на диване всю ночь, после разговора с Антоном, то вполне мог уже нахлебаться до последней стадии своего алкогольного развития. Он мысленно провел черту, разделил комнату на ту часть, где можно безопасно убираться и ту, где стоял диван и телевизор. Выкладывался по полной: мыл под шкафами, под тумбами и письменным столиком. Выгреб пригоршню пыли,

даже нашел кошачье дерьмо, от которого несло последнюю неделю. А пока убирался косился на бутылку, зажатую в правой руке и медленно выскользывающую из пальцев.

Произошло это внезапно. Антон надеялся, что успеет закончить и уйти из зала до того, как бутылка со звоном упадет, и призовет тетю Таню с Настей, словно церковный колокол, собирающий прихожан. В уме он рассчитал, что бутылка должна упасть не раньше, чем через пять минут после его ухода, это при условии, что скорость выскользывания бутылки не изменится. И она не менялась до самого падения. Вот только Антон не учел в своих расчетах храп, начавшийся так не вовремя. Грудь болтуна Мишки вздымалась как парус в ненастье, дрожала, колыхалась, и передавала волнения в руку. Пальцы разжались, и бутылка полетела на пол.

Она упала на пепельницу, доверху набитую окурками, перевернула её и покатилась к батарее. Черный пепел рассыпался по полу, навеивая мысли о недавнем извержении вулкана, окурки походили на скрюченных людей, заваленных смертоносной лавой. Бутылка кувыркалась, выплескивала из горла пену, по запаху не отличающуюся от котинной мочи, наткалась на торчащие в полу шляпки гвоздей, подпрыгивала словно сани бобслеиста и с гулким звоном приземлялась.

На шум выбежала Настя. Она до того перепугалась, что зрачки в выпученных глазах носились словно бильярдные шары по столу. С открытым ртом она смотрела то на Антона, то на своего отца, поднимающегося с дивана, то на бутылку

неподвижно лежащую у батареи и исторгающую последние капли белой, вонючей пены. Она видела все, за исключением того, что стояло у нее перед носом. Подняла руки, сжала кулаки и, угрожающе выдавив бледными, дрожащими губами: «Ну, Антон, держись!», сделала шаг и наткнулась на табурет с тазом.

Перед тем, как черная волна залила пол, сметая на пути пепел и скрюченные окурки, Антон услышал беспомощный, растерянный писк Насти. Страх и ожидание неминуемой расправы будто бы ушли на второй план, он смотрел на падение Насти, ее неуклюжие попытки подняться, на вымоченное платье и ликовал, словно болельщик команды, забившей первый гол за последние пять лет. Нет, он не кричал торжествуя и не выплясывал, празднуя маленькую победу, руки все еще были опущены, а ноги бездвижно стояли в воде, и лишь легкая улыбка и блеск в глазах выдавали внутреннее ликование.

С кухни донесся крик, удар ножа о стол и тяжелые приближающиеся шаги. Вернее, так: полноценный шаг правой ноги – волочение левой – снова шаг правой – и вновь волочение левой. Её хромота особенно заметна, когда приходилось торопиться, когда нужно было успеть дойти до Антона, чтобы дать заслуженный подзатыльник. Тетя Таня встала в дверном проеме, удивленно разведя руки в стороны и чуть присев, напоминая деревенского плясуна. Дай в руки гармонь, натри щеки до красна и точь-в-точь плясун Ванька

– первый парень на деревне.

Улыбка тут же стерлась, а блеск в глазах угас. Сердце Антона готово было остановиться, лишь бы не участвовать в дальнейшем.

Настя стояла, опершись о стену и стонала, имитируя боль, ее отец сидел на диване и безумными глазами глядел на бутылку.

– Да что ты себе позволяешь! – закричала тетя Таня, схватила Антона за шею и придавила к полу, словно нашкодившего щенка.

Пол был влажный и теплый, от него пахло испортившимися штанами с дыркой на колени. Антон попытался подняться, но тетя Таня не позволила. Надавила сильнее, так, что щека Антона растеклась, словно тесто по столу, глаз заплыл, а рот приоткрылся.

– Ты будешь языком все это убирать! – орала она.

Антон видел Настю, стоящую у стены, уже не ноющую от боли. Она не улыбалась злорадно и не стреляла ненавистным взглядом. Большие, влажные глаза напомнили Антону мультфильм про маленькую девочку, впервые увидевшую деда Мороза. Но если та девочка смотрела с интересом и любопытством, то Настя скорее с завистью. Скулы выпирали, губы лихорадочно подергивались, а пальцы сжимались в кулаки. Вполне возможно, она представляла себя верхом на Антоне, прижимающей его лицо в грязный вонючий пол.

– Отпусти, – прошипел Антон и дернулся в сторону.

Получилось выбраться, он выскользнул из хватки, словно намащенный перстень с пальца.

– Ты еще огрызаешься! – удивленно сказала тетя Таня и наотмашь ударила его по голове.

В ушах зазвенело, а из глаз посыпались искры. Антон сделал неуклюжий шаг в сторону своей комнаты, но не устоял и упал на колени. Тряхнул головой, поднялся, держась за стену.

– Не, вы поглядите, у нашего щенка прорезались зубки! – возмущалась тетя Таня.

Настя дрожала, но не от страха, а от нетерпения. Она походила на разъяренную львицу, мечущуюся по клетке в поисках выхода, но не находящая его. Своего рода мука: видеть жертву и не знать, как до нее добраться. Она не смела тронуть Антона при своей матери.

Тем временем дядя Миша подобрал бутылку, допил и вступил в разговор.

– Я его научу, что значит быть человеком, – сказал он заплетающимся языком. – Я знаю, как воспитывать детей!

Он расстегивал ремень и, шатаясь, шел к Антону.

– Да сядь ты, пьянчуга! – выпалила тетя Таня и толчком усадила дядю Мишу на диван.

Она сдула прядь со лба, уперла руки в бока и сказала:

– Значит так, сейчас же брысь на улицу. – Она дышала громко и часто, так как это делают умирающие от излишнего холестерина сердечники. – А не то я за себя не ручаюсь. Руки

так и чешутся.

Антон побрел в свою комнату, придерживаясь о стену. А Настя оставалась на месте и непонимающе хлопала глазками, поглядывая на мать.

– Тебя это тоже касается, – чуть мягче сказала она.

– Но ведь я тут не при чем... – зашебетала Настя.

– Будешь следить за своим братцем. – С издевкой сказала она, делая акцент на последнем слоге последнего слова. Получилось похоже на крик голодной птицы. – Не дай бог ему натворить что-нибудь во дворе.

– Ну мам... Я не хочу на улицу, – закапризничала Настя.

– До вечера чтоб я вас не видела. Не хватало еще перед гостями опозориться.

Настя топнула ногой и скорым шагом ушла к себе в комнату, одеваться на прогулку.

Голова кружилась, глаза резало от боли, а в виске, куда пришелся удар тети Тани, пульсировало словно гейзер под землей, готовый в любой момент извергнуться. В добавок вновь заболел зуб. Антон обхватил голову, крепко зажал глаза и безмолвно прокричал. Рот открывался, шея напрягалась, уши краснели, но из горла, кроме еле слышного стона, ничего не вырывалось. За дверью все еще возмущалась тетя Таня:

– Каков подлец, огрызаться он еще будет.

Антон открыл глаза. На мгновение их заволокло пеленой, быстро испарившейся, оставившей после себя одиночные бе-

лые пятна, мелькающие перед глазами. Он резко обернулся на дверь, проверяя плотно ли она закрыта и опустился на колени.

Хомяк спал в железной банке, когда Антон бесцеремонно поднял домик и вытряхнул его на ладонь. У него была переноска, стеклянная баночка из варенья или джема, в крышке проделано несколько отверстий гвоздем, чтобы хомяк мог дышать. Антон сунул трепыхающееся, пытающееся вырваться и издающее смешные стоны возмущения мягкое тельце в банку и закрыл крышку. Угроза расправы над беззащитным животным нависла слишком низко. Как бы озлобленная тетя Таня не выплеснула гнев на хомяке и не утопила его в унитазе или скормила кошке. Если ночное решение сдать друга в зоомагазин можно было считать поспешным, то нынешнее было обдуманное и взвешенное. Если до него не доберется тетя Таня, так это сделает Настя. Вновь появился внутренний голос, говорящий словами Сашки: «друзей не предают». Но ведь он не предает, он спасает! Ведь даже если это предательство, то оно во благо.

Перед тем как выйти из квартиры, Антон бросил взгляд в зал. Тетя Таня ползала по полу, убирала воду и грязь, в углу валялась некогда белоснежная тряпка, которой Настя мыла окна. Уж наверняка она больше не пахла цветами, да и цвет изменился на серый.

Перепрыгивая по несколько ступенек, спустился на улицу.

Во дворе стоял шум от жигуля, двигатель тархтел прерывисто, напоминая кашель умирающего туберкулезника. Чирикали птицы и лаяли бездомные, вечно злые собаки. На лавочке у соседнего подъезда сидели три старушки, молча щелкали семечки. В воздухе витал крепкий запах моторного масла и бензина.

Наметанный взгляд бегал по двору, выискивал парней, встреча с которыми всегда заканчивалась для Антона пинками и насмешками. Футбольное поле и детский городок из полуразвалившихся домиков пустовали.

– Ну и чего встал? – из подъезда вышла Настя.

– Хочу и стою, – огрызнулся Антон.

– Хочет он... Сядь и жди, пока я вернусь, – она толкнула Антона и ушла.

Он проводил Настю взглядом до куста, за которым она уже не могла увидеть, как Антон уходил со двора, в сторону арки. Шел и оглядывался, проверяя не следят ли за ним и не вышел ли на футбольное поле кто-нибудь из дворовых мальчишек. Пакет с банкой держал подмышкой, собираясь сдернуть пакет, как только выйдет со двора.

Он почти добрался до арки, как услышал задорный смех, шепелявый голос одноклассника Ваньки и удары мяча об асфальт. Хлопки разносило эхо, смех двоился, а шепелявый голос походил на зловещий рык какого-нибудь монстра. Антон остановился, прижал пакет крепче, выпученные глаза уставились в проход между домами. Только там было эхо,

только там могли идти ребята, которые не упустили случая поиздеваться над Антоном. Прежде чем юркнуть за куст ежевики он увидел две большие тени на стене арки. Пробежал до своего подъезда и спрятался за дверью. Поднялся по лестнице до окна между этажей и припал к стеклу. Здесь они его не увидят, даже если всем троим вздумается встать у подъезда и задрать головы. Стекло отражало листву деревьев и солнечный луч, к тому же Антон держался на небольшом расстоянии от окна, чтоб в случае чего можно было спрятаться под ним.

Они прошли мимо, даже не взглянув в сторону подъезда. Ванька что-то рассказывал, а Макс смеялся и перебрасывал мяч с одной руки в другую. К футбольному полю они не пошли, а разбрелись по домам. Антон спрыгнул с подоконника и вышел на улицу. Теперь то ему никто не мог помешать сдать хомяка в зоомагазин.

Как обычно, выходя из подъезда, Антон поднял взгляд. На втором этаже серые пластиковые окна кухни и комнаты Насти, а выше деревянные окна его бывшей квартиры. Отец говорил: «Пластик мертвый материал. Взгляните! Да разве за такими окнами может быть счастливая жизнь?» Тогда Антон не понимал, о чем говорил отец.

– Эй, мужик, в футбол играешь? – раздался голос, от которого Антон вздрогнул.

Перед ним стояли трое незнакомых парней, примерно одного возраста с ним. У того, что впереди, в руке мяч. Жел-

тый, волейбольный.

– Чего? – растеряно переспросил Антон. Ему не верилось, что с ним могут начать разговор. Вот так, просто, без насмешек и издевательств. Должно быть они его с кем-то перепутали. Вряд ли они не слышали о «дурачке Антоше», как его звали здешние ребята, одноклассники и еще добрая половина школы.

– Нам нужен вратарь, – сказал другой, в желтой бейсболке с нарисованной английской буквой «S». У него не было передних зубов, он не выговаривал некоторые буквы. Его речь показалась смешной, и Антон невольно улыбнулся.

– Чего смешного? – снова сказал парень без зубов.

– Ты так забавно говоришь, – добродушно ответил Антон, не заботясь, что слова могут обидеть.

– Вот выбью тебе зубы, посмотрим, как заговоришь, – огрызнулся беззубый и сделал угрожающий выпад.

– Стой, мужик, – придержал его тот, что был с мячом, – нам ведь нужен вратарь.

– Да, Пашка, остынь, – подал голос третий. На нем желтая футболка с вышитым красными буквами словом: «Славик».

– Он и без зубов сможет ловить мяч! – выпалил Пашка и вновь дернулся вперед.

– Так ведь ты не можешь. – Сказал тот, что с мячом и засмеялся, следом засмеялся Славик. А Пашка опустил смущенно глаза и тихо, но все так же забавно сказал: – могу, но не хочу.

– Ну так что, ты играешь?

Антон глянул на зажатую подмышкой банку, почувствовал, как хомяк перебирает лапками по стеклу, улыбнулся и сказал:

– Нет, меня ждет друг.

Парни переглянулись вопрошающе и собрались было уйти, но появилась Настя.

– Вы кто еще такие? – накинулась она на парней. – Чего хотите от него?

– В футбол играть позвали, – чуть помедлив, сказал Пашка.

– И он согласился? – она смотрела на Антона, а Антон смущенно перебирал пальцами по пакету с банкой.

– Нет.

– Ну и хорошо, можно сказать вам повезло.

– Чего так? – спросил главный, тот, что был с мячом.

– Его никто не зовет играть. Он псих. Запросто может съесть мяч или ударить по голове палкой. Да если ему в голову взбредет, может убить. Он уже убивал. А его мать свихнулась и лежит в психушке. Он сам тоже там лежал, – выда-ла она.

Троица вновь переглянулась, но в этот раз удивленно и рассеянно. Подозрительно глянули на Антон, а Пашка протяжно выдал: «Круто...»

– Вот будет тебе круто, когда он откусит тебе нос. Тогда разговаривать будешь еще смешней, – злобно сказала На-

стя. – Ну, пошли отсюда!

Беззубый сплюнул и все трое пошли к футбольному полю. Оборачивались, шушукались и смеялись.

– Ты зачем это наговорила? – спросил Антон.

– Заразишь еще психической болезнью. Тот блондин – брат моей подруги по танцам. Как мне ей в глаза смотреть, когда её братцу вдруг взбрeдeт в голову принести домой отрезанную голову собаки?

– Я такого не делал и не сделаю! – выпалил Антон.

– Это пока. Папа говорит, что твоя болезнь прогрессирует. А это значит, будет только хуже.

– Врет все твой папа! Ничего не прогрессирует.

– Да ты успокойся, Антоша, а то вон слюнями забрызгал весь асфальт, – она махнула головой.

Антон опустил взгляд, асфальт был сухой.

– Пошли я тебя познакомлю с подругами. Они хотят с тобой подружиться.

– Никуда я не пойду, у меня дела, – сказал Антон, поправил выскальзывающийся пакет и направился в сторону арки.

– Какие еще дела? – крикнула Настя и ударом руки выбила пакет.

Он звонко ударился об асфальт и покатился. Банка вылетела из пакета, словно мотоцикл из гаража. Антон оцепенел на долю секунды, наблюдая как хомяк кувыркался и бился о стекло, а затем побежал за банкой. Но Настя оказалась проворней, схватила, подняла, потрясла и злорадно улыба-

ясь сказала:

– А что тут у нас, хомячок?

– Отдай, – попытался выхватить банку Антон, но Настя ловко вывернулась и отбежала на несколько шагов.

– Стоять! – крикнула она. Подняла банку так высоко, как только позволяла рука, да еще встала на цыпочки.

– Если сделаешь хоть шаг, то я шмякну твоего хомяка о землю. Банка разобьется и стекло располосуют его в клочья.

Антон остановился, боясь шевельнуться, смотрел на руку Насти словно собачонка на кость, которую нельзя достать.

– Теперь будет так: ты пойдешь со мной. И может быть тогда я отдам это мохнатое чудище.

Она потрясла банку, так опасно, что она чуть было не выскользнула из руки. Сердце Антона сжалось от страха.

Она взяла Антона за руку и повела, словно щенка на поводке.

Шли мимо старушек, щелкающих семечки, мимо умирающего жигуля и, не оставляющего попытки его оживить, толстого соседа по лестничной площадке. Пара собак увязалась за ними, лаяли и виляли хвостами. С футбольной площадки наблюдали парни, Пашка что-то говорил двум другим. Антон готов поспорить, что они гадали отрежет ли Антон головы этим несчастным собакам.

Подошли к последнему подъезду. Настя постучала по двери три раза.

– Это код, – пояснила она Антону.

Дверь открыла высокая, косоглазая девчонка с худым лицом, покрытым веснушками.

– Заходите, – она посмотрела через головы Антона и Насти, словно проверяла не увязались ли лишние люди. Но кроме собак никого не было, да и те остались в палисаднике.

В подъезде темно и пахло дымом от сигарет с ментолом. Такие сигареты называют женскими. Антон давно догадывался, что Настя курит, но еще ни разу не видел её с сигаретой в зубах. Однажды он застукал её за кражей начатой пачки из куртки дяди Миши, тогда Настя пригрозила, что убьет, стоит только обмолвиться об этом.

Чиркнула зажигалка, метнулись три искры, а потом зажегся огонек. Маленький, как от свечки на торте. Огонь осветил лица Настиных подруг. Кроме косоглазой тут была толстая с заплывшим подбородком, её Настя называла царевной. И только дома, когда знала, что подруга ее не слышит, добавляла к прозвищу «лягушка». Настоящих имен Антон не знал, только прозвища, придуманные Настей: царевна-лягушка и каланча. Лучшие и верные подруги, как она говорила.

Каланча выудила тонкую сигарету, поднесла к огню, затянулась и выпустила густой дым, видный даже в темноте. Зажигалка снова чиркнула и в этот раз закурила Настя.

– Расскажешь кому, убью, – сказала она и затянулась.

Антон разглядел рядом с ней на лестнице очертания банки, оставалось только придумать как забрать и уйти нетронутым.

Настя не кашляла и не сплевывала, выпустила клубы дыма из ноздрей, как курильщик со стажем.

– Кажется кто-то спускается, – шепотом сказала кто-то из подруг и они, как по команде, поднялись с лестницы. Красные точки тлеющих сигарет метнулись вверх.

– Никого там нет, дура! – голос Насти. – Кури меньше, от сигарет тупеют. Будешь вон, как мой братец.

Она хихикнула. А та, которой предназначались эти слова, недовольно цокнула языком.

Следующую порцию дыма Настя выпустила в лицо Антона. Он зажмурился, закачал головой и зачихал. Девчонки засмеялись.

– Затянись, – Настя передала ему сигарету. В этот же момент кто-то из её подруг чиркнул зажигалкой, Антон разглядел на фильтре сигареты отпечаток губной помады, а в банке на лестнице хомяка, стоящего на задних лапах и тянущегося к крышке.

– Я не курю, – сказал он и выставил вперед ладонь, как бы отстраняясь от предложения.

– Мы тоже не курим, так, балуемся, – сказала Настя, а её подруги почему-то засмеялись.

– Не хочу, – Антон отступил на шаг.

– Слушай сюда, мямля, – Настя надвинулась на него, крепко схватила за футболку у горла, – если сейчас не возьмешь у меня эту чертову сигарету, я засуну её тебе в рот целиком, зажжённую.

Эта угроза подействовала, Антон знал, что Настя не шутит, да если придется она целую пачку сигарет засунет ему в рот. Он решил подыграть, а как только Настя потеряет бдительность, схватить банку и выскочить на улицу. Он осторожно взял папиросу, покрутил в руке.

– А можно я сяду? – спросил он, поднося фильтр к губам, показывая, что настроен серьезно.

Каланча хихикнула, а Настя с усмешкой сказала:

– Да, пожалуйста. Можешь даже лечь.

Антон присел на лестницу, крепко сжал банку, оттолкнулся, резко соскочил, бросил сигарету на пол и побежал, успев толкнуть одну из подруг Насти. Загорелись лампы, реагирующие то ли на громкий звук, то ли на движение. Антон успел подумать: «почему-то до того пока не вздумал бежать лампы не горели».

Далеко убежать не успел, его схватила каланча, а царевна ударила кулаком в живот. У Антона перехватило дыхание, он скрючился, словно червяк на крючке и застонал.

– Эх ты, Антоша, а ведь если бы не вздумал спасти хомяка, то смог убежать, – улыбалась Настя. – Сдался он тебе.

Банка лежала в шаге от его ног.

– Вот я бы бросила, – сказала она, – да что хомяка, я бы хоть кого бросила если мне угрожали. Дурачок все-таки ты, правильно про тебя мама говорит.

– И я бы бросила, – поддакнула каланча, а царевна энергично закивала головой.

– Что будем с ним делать? – спрашивала царевна.

– Тащите его сюда, – скомандовала Настя, поднимая выброшенный Антоном окурок.

Они положили его на холодный пол. Толстая надавила на грудь коленом, а косая держала ноги. Антон закричал, но тут же получил кулаком в челюсть.

– Молчи! – заорала Настя, – еще один звук и будешь всю пачку жрать.

Антон примолк.

– Молодец, вот так и надо. А теперь будь добр, открой рот.

Антон сжал губы так сильно, как только смог. До белизны, до боли.

– Значит не хотим по-хорошему? – Настя глянула на царевну и махнула головой.

Сначала она ударила его по лбу, а затем надавила на щеки толстыми, сильными пальцами. Губы разжались сами собой, Антон потерял над ними контроль.

– Ну а теперь, жри! – выдавила Настя зло и сунула в рот окурок.

Толстая ладонь легла на губы и плотно зажала, так, что рот не открывался. Антон задрогал руками и ногами, словно на электрическом стуле. Но тех, кого сажат на стул привязывают ремнями, а Антона, вместо ремней, держали верные подруги Насти.

– Глотай! – завопила Настя, а за ней повторили остальные: – Глотай! Глотай!

Горечь быстро заполнила рот и горло, слюна стала вязкой и вонючей. Антон тут же вспомнил как однажды на спор съел прогоревшую спичку. Пепел скрипел на зубах, а вата, впитавшая смолу и никотин, напоминала гору самых горьких таблеток. Он накопил полный рот слюны и проглотил окурок.

Свет погас, в подъезде снова стало темно. Дрыгаться Антон перестал и тогда царевна сползла с груди, а каланча отпустила ноги. Он лежал на полу, смотрел в темноту и думал: «может ли быть такое, что никто из жильцов не слышал, как его заставляли есть сигарету?». У него текли слезы. Не от горечи в горле и вязкости во рту, а от того, что его уложили на пол девчонки, избили и унизили. Не так было бы обидно будь вместо них парни.

– Вставай! Я ж слышу, как ты дышишь, – голос Насти и слабый пенек по ноге. – Вставай и проваливай. Дружбы у нас не получилось.

Она бросила банку с хомяком ему на живот. Антон поймав и крепко прижал.

Дальше Настя обращалась к подругам:

– Смотрите, что я урвала у папаши.

– Это то, что я думаю? – удивленно, на выдохе прошептала каланча.

Звякнули бутылки, а затем раздались хлопки и свистящие звуки срывающихся жестяных крышек.

– А что у тебя с Колькой? – спросила царевна.

– Да ничего, – вяло проговорила Настя, – разбежались.

Каланча хихикнула, от чего тут же получила от царевны:

– Не смейся. Настя красивая и умная, найдет себе порядочного парня.

Антон поднялся и побрел к двери. А пока шел решал: умереть или попытаться избавиться от проглоченной сигареты? Умереть проще. Раз и нет боли, унижения, слез. Нет Насти и её подруг, тети Насти с дядей Мишей, одноклассников и ребят со двора. Но ведь тогда не будет и Сашки. А что бы он сказал, окажись рядом? Наверное, ругал Антона за такой выбор. Да, уж наверняка ругал и говорил: «А кто же накажет всех этих тварей, если ты умрешь?»

Он вышел на улицу и сунул два пальца в рот. Поглубже, так, чтоб дотронуться до корня языка. Даже не отошел от подъездной двери, склонился, натужно закашлял, издал несколько утробных рычащих звуков и выплеснул желтую жижу с черным пеплом и оранжевым фильтром.

Дверь открылась. Они его услышали.

– Ты чего это делаешь? Разве тебе разрешалось? Ну-ка девчонки держите его!

Они снова схватили, но на этот раз не стали скармливать сигареты, избили и поволокли в палисадник. Согнали собак, нашли свежее дерьмо и уложили животом на кучу.

– Вот мама разозлиться! – радовалась Настя. – Похоже сегодня твой последний день на этом свете, братец-дурачок!

Подруги смеялись, от них несло сигаретами и алкоголем.

Даже через запах собачьего дерьма, размазанного по футболке, Антон ощущал смрад этой троицы.

Он поднялся и прихрамывая поковылял подальше от них. Он не торопился, хуже быть уже не могло. За спиной смеялись девчонки, громче и противней всех Настя. Через истеричный смех, проскальзывали выкрики: «Дурачок! Вонючка!»

Добрался до своего подъезда, набрал на домофоне код и вошел. На ручке остался коричневый, размазанный след. Ступени не считал, голова занята другими мыслями. Смешалась злоба и отвращение, жалость и ненависть. Хотелось плакать и бить кулаками по стене. Зубы скрипели, как ржавые цепи, в горле плотный ком с грецкий орех, а в ноздрях запах дерьма. Если бы он видел себя со стороны, то ужаснулся выражению бледного, гладкого как мрамор лица. Брови подняты высоко, глаза широкие, блестящие, а губы растянуты в злорадной, безумной улыбке.

Он стоял у входной двери в квартиру с занесенным кулаком. Вонь от футболки будто усилилась, сконцентрировалась и потоком лилась в ноздри, словно говно по канализационным трубам. Все еще с занесенной рукой прислонился ухом к двери и услышал смех и множество веселых голосов. Гости пришли. Если бы он постоял еще немного на лестничной площадке, то услышал, как дядя Миша предлагает помериться силами какому-то Алешке.

Показываться на глаза тете Тани не стоит, особенно в та-

ком виде. Футболку не поменять, не помыться, а значит Антон пойдет в зоомагазин такой, вонючий и чумазый.

Он развернулся, спустился, вышел из подъезда и побрел со двора, через арку с живущим в коробке бомжом. Даже от него пахло не так скверно. Миновал телефонную будку, прошел лужу – в этот раз не по траве и даже не по тропинке, а нарочно по кромке, надеясь, что из мутной воды покажется рука в зеленой чешуе и утянет Антона за ногу – миновал одинокий куст сирени, ларек с фруктами и завернул за угол трехэтажного дома, с нечитаемой табличкой на углу.

Прохожие удивленно смотрели, оборачивались. Кто-то шушукался, а кто-то смеялся. Антон сжимал челюсть, прятал глаза, прижимал банку к груди, словно ища защиты у хомьяка, но не сворачивая шел к своей цели.

В зоомагазине не было покупателей, Антон облегченно выдохнул, подошел к продавцу и поставил банку на стойку.

– Денег мы не даем, принимаем безвозмездно, – сказал худой парень в очках и в красной футболке с нашитой эмблемой магазина – желтой рыбкой.

Антон утвердительно кивнул. Парень только теперь унюхал зловонию, занесенную Антоном в магазин. Даже тут, в душном подвале, пропитанном запахами животных, их испражнений, лекарствами и сухим рыбьим кормом, вонь от футболки Антона выделялась.

Он взял банку, вышел из прилавка в зал, подошел к большому аквариуму, на котором висела бумажка с надписью:

«хомяки не мертвые, они спят» и небрежно вытряхнул Хвичу пятого на желтые опилки.

– Тут мы держим тех, от которых отказались, – сказал парень, и вернулся за прилавок. Антону послышались нотки укоризны в его голосе, и решил сказать, что непременно вернется за Хвичей, как только жизнь наладится. Но промолчал.

Хвича быстро освоился, залез в домик, набитый хомяками и пропал из жизни Антона навсегда.

Антон положил ладонь на стекло. В голове звучал голос брата: «друзей не предают». Попрощался, вытер глаза ладонью, с удивлением отметил, что они сухие и вышел из магазина.

– Эй, братишка! – окликнул знакомый голос, как только Антон вышел на улицу, – воняешь как дохлая псина.

Антон улыбнулся. Сашка стоял в нескольких шагах, руки в брюках, а во рту зубочистка. Он был свеж и чист, волосы зачесаны, как у Ван Дамма в фильме «двойной удар».

– Куда путь держишь? – спросил он.

– Да так, никуда. Вот только что друга сдал, – махнул рукой на вывеску с нарисованной золотой рыбкой и горько вздохнул.

– Ну, не расстраивайся. Не сдал, а спас. – Сашка подошел, с намерением обнять, но вовремя передумал. – А с близости ты воняешь еще хуже.

– Ага, – согласился Антон.

– Пойдем. Я знаю тут недалеко одно прекрасное место.

Там сможешь футболку промыть и отдохнуть от людей.

Антон кивнул, и они пошли к озеру в старом лесу, за городом.

Кикимора

Антон спустился по крутому склону к песчаному берегу. Вода пенилась у края, прибывала к берегу окурки, пластиковые стаканчики и ветки. На мели можно было рассмотреть волнообразное песочное дно, местами поросшее серыми водорослями, колыхавшимися словно приставучие пиявки на бледном теле. Прозрачные мальки сновали между мусора, заплывали в стаканы, пробовали на вкус окурки, а стоило занести над ними руку, как они сбивались в стайку и уплывали от берега. Дул слабый ветер, качались верхушки камыша и шелестели листья ивы, те, что не были погружены в воду.

Пахло улитками. Антон знал, что это запах ила, а не улиток, но именно с ними ассоциировался тяжелый, вязкий смрад, от которого долго не можешь отделаться. Он впитывается в одежду, волосы, оседает на коже. Со временем нос привыкает, перестает замечать, но запах никуда не девается. Если не постирать одежду, не помыться, то люди будут воротить нос, плевать и называть вонючкой. Впрочем, смрад от ила был приятней вони от измазанной футболки.

В далеком детстве отец брал его на рыбалку, но вместо рыбы, Антон собирал по берегу улитки, складывал в зеленое ведерко, а потом строил для них замок из песка. В конечном итоге улитки оказывались под плотным слоем песка, а счаст-

ливый Антон бежал к отцу и рассказывал, как спас улиток, как построил для них дом.

Антон снял футболку и окунул в воду. Пусть уж лучше пахнет илом, чем собачьим дерьмом. Стайка рыб сначала отпрянула, но вскоре вернулась. Они осторожно пробовали футболку на вкус. Те, кто посообразительней клевали дерьмо, кусками отслаивающееся от футболки и всплывающее, словно пенопластовые кораблики.

– Держи её, а не то уплывет, – сказал Сашка. Он собрал горку плоских камней, размером не больше ладони, сидел на возвышенности и с прищуром смотрел на Антона.

– Да куда она денется, тут ведь нет течения, – ответил Антон с выражением, которым обычно объявляют важные новости по телевизору.

– Течения может и нет, а вот кикимора есть, – он замахнулся и швырнул камень в воду. Тот отскочил от поверхности всего один раз и утонул.

– Какая еще кикимора? – натянуто улыбнувшись спросил Антон.

– Не веришь? – Сашка ковырялся в куче, отбрасывая непонравившиеся камни.

– Кикимор не бывает, – выдержав небольшую паузу, словно обдумывая слова брата, сказал Антон.

– Как же не бывает, а кто тогда Настя, если не кикимора?

Антон усмехнулся.

– Знаешь, чем они занимаются?

Антон покрутил головой.

– Заманивают мальчиков в самые высокие и густые камыши, так чтобы не видно было с берега и топят в иле.

Он снова швырнул камень в воду. На этот раз он утонул после трех прыжков. Даже получилось сделать квакающий звук. Если не знать, что это камень, можно подумать на выпрыгивающую из воды рыбу.

– Не задумывался чем пахнет ил? – спросил Сашка.

– Улитками? – с сомнением ответил Антон.

– Ну да, ими тоже. Но вообще он пахнет перегнившей плотью, истерзанной в лохмотья одеждой, волосами и ногтями, а еще перемолотыми костями. Все это дело рук кикиморы.

– Фу! И зачем она это делает? – поинтересовался Антон.

– А зачем Настя измазала тебя дерьмом? Просто так! Потому что им доставляет удовольствие издеваться. Знаешь, как поступают в моем дворе с такими?

– Как?

– Склеивают волосы дегтем, а в каждый ботинок выливают по тюбику клея. Заставляют надеть без носка, на голую ногу. Если вздумается снять, то только с кожей.

– Так жестоко, – удивился Антон.

– Жестоко? – Сашка зло глянул на брата, в глазах блеснули искры, – сколько лет она издевается над тобой?

– Три, – робко сказал Антон и опустил голову.

– Вот где жестокость, а то, что делаем мы – это перевоспитание. Кстати, – Сашка вытянул шею, – где твоя футболка?

Антон ахнул, развернулся к воде. Футболка отплыла от берега на несколько шагов. Там вода темней, дно не проглядывалось. Антон даже не видел рыб и водорослей.

Недолго думая, снял обувь, носки, подтянул шорты и вошел в воду. Стайки рыб метнулись от ног, водоросли колыхнулись, словно желали сбежать вместе с рыбами, но вскоре качнулись в обратную сторону, коснулись ног. Антон поморщился, водоросли жесткие и колючие, словно лист розы.

– Холодная, – чуть ли не визжа сказал он. Мурашки покрыли кожу, а из носа потекло.

Шмыгнул и сделал маленький шашек, как раз до туда, где дно пропадало в темной воде. Под ногой лопнул пустой панцирь, и воткнулся в пятку. Антон зажмурил глаза, сжал плотно губы и простонал, сдерживая боль.

– Попробуй дотянуться, – крикнул Сашка, – не отходи далеко от берега.

Антон наклонился, потянул руку, но не смог ухватиться за футболку, не хватало совсем немного, каких-то полпальца, а может и того меньше.

– Не могу, – сказал он шепотом, – попробую чуть подойти.

Пальцами правой ноги перебирал песок, осторожно, словно первопроходец. Дно казалось плотным, устойчивым. «Ничего не произойдет, если сделаю еще один шаг, ну подумаешь чуть поглубже, в конце концов это ведь не Марианская впадина!», – шептал под нос, – «Всего один маленький шаг...». Он решил оставить левую ногу на мели, а пра-

вую постепенно опускать в темную воду. Если вдруг окажется, что там нет дна, то просто вернет ногу на мель. Поднял ступню, песок взметнулся клубами, словно дым от костра. Вода окрасилась в коричневый, ноги исчезли, а вместе с ними граница между мелью и глубиной. Антон растерялся, замер, всматриваясь в воду, пытаясь угадать куда ступить. Он подумывал вернуться на мель, подождать пока осядет песок, прежде чем ступить непонятно куда. Он бы так и поступил, если бы не футболка, отплывшая еще дальше. Антон понял, что она не остановится пока не покорит центр пруда.

Вместо того, чтобы оставить вес тела на левой ноге, он перенес его на правую и ушел под воду с головой. Вынырнул, глотнул воздух и поплыл к берегу, успев на прощанье попробовать дотянуться до футболки. Получалось не очень, вместо того, чтобы грести, он бил кулаками по воде, словно по барабану. Брызги поднялись такие, что Сашка с берега не видел голову брата. Слышны всплески, хлесткие удары и судорожное дыхание, но самого Антона не видно.

Сашка резко вскочил. Спуск к берегу напоминал мчащийся без тормозов грузовик, где-то в пустыне. Под ногами взрывался песок, градом падал на спину и голову, пыль вихрем кружилась, напоминая торнадо. Глаза выпучены и горели словно фары, пробивающие дорогу сквозь толщу пыли и песка. Он стягивал одежду и сбрасывал обувь. Собирался прыгнуть в воду, достать брата. Оставалось снять брюки, но замок на ремне никак не поддавался, пальцы не могли нащу-

пать кнопку и суетливо, бездумно дергали ремень.

Он переминался с ноги на ногу у кромки воды, смотрел на тонущего брата, бормотал бранные слова и дергал ремень. Сердце колотилось словно разгневанный, пьяный сосед, колющий в дверь среди ночи.

– А! Черт с тобой! – бросил попытки снять брюки и кинулся в воду.

Успел сделать два шага в холодной воде, прежде чем осознал, что помощь уже не требуется. Брат выбрался сам.

– Ну ты даешь, братец! Напугал так, что я чуть было сердцем не подавился.

Антон не мог ответить, он упал на колени и закашлялся, сплевывая воду. Сашка похлопал ему по спине, помог подняться и добраться до возвышенности. Усадил рядом со своей горой камней и пошел собирать, разбросанные вещи.

Теперь, когда голова прояснилась, спала пелена страха за собственную жизнь, Антон оценил свои действия со стороны. Словно часть сознания продолжала стоять на берегу и наблюдала за брызгами и стеклянными глазами тонущего Антона, того другого, который полез в воду за футболкой. Он отметил все погрешности, все огрехи, которые могли стоить жизни. Это и секундное раздумье прежде чем начать грести в сторону берега, это и глупые, позорные попытки дотянуться до футболки, будучи уже по горло в воде и самое главное – паника и страх, обуявшие рассудок и чуть было не погубившие его. Если бы в тот момент не отключилось чув-

ство самосохранение, скандирующее словно лозунг: «Куда ты идешь? Ты ведь не умеешь плавать! Плюнь на эту футболку, ну подумаешь тетя Таня надерет задницу, зато останешься жив!», то он увидел, что футболка уж слишком далеко и её так просто не достать.

– А футболку так и не достал, – с досадой проговорил Антон.

– Да черт с этой футболкой, главное сам жив!

– Я думал утону, – Антон лег на спину, закрыл глаза. Дыхание восстановилось, кашлять больше не тянуло.

Сашка сидел рядом, глядел в воду, пытался рассмотреть очертания белого пятна на воде.

– А ты хотел прыгнуть за мной? – спросил Антон.

– Да, собирался.

– Ты умеешь плавать?

– Нет.

– Нет? – удивился Антон, приподнялся, – а как бы ты мне помог?

– Ну знаешь, в тот момент, когда ты тонул, я не думал, что сам не умею плавать. Мне просто нужно было помочь.

Антон проговорил про себя: «друзей не предают», с уважением и трепетом глянул на брата, ощущая, как в висках пульсирует кровь, сердце замирает, а в животе разливается тепло. Непроизвольно улыбнулся и сказал:

– Мы могли оба утонуть. Я ведь тоже не умею плавать.

– Да... – протянул Сашка. – Могли, но не утонули. Не по-

лучила нас кикимора.

– Думаешь это она утянула футболку в глубину?

– Определенно. Течения тут нет, сама она не могла уплыть, а значит ей помогли. Тебя никто не трогал за ноги?

– Нет! – выпалил Антон, а потом менее уверенно: – вроде бы нет.

– Ты бы запомнил ее прикосновение на всю жизнь. У кикиморы ледяные руки, от которых стынет кровь, задница немеет, как будто ты сидел всю ночь на полу с подогнутыми ногами.

– Ты ее видел? – спросил Антон.

– Нет. А хочешь я расскажу, как она появилась?

Антон закивал, так часто, будто голова была на шарнирах.

– Сто лет назад, а может и больше, на месте пруда был парк. Вон там, – он махнул на воду, – стояла беседка. Видишь, торчат макушки деревьев?

Антон и раньше видел два маленьких кустика, прижавшиеся друг к другу в центре пруда, похожие на потерявшихся, испуганных детей. Но только теперь, осознал, что это вовсе не кустики, а макушки больших, древних деревьев.

– Парень назначил свидание девушки в беседке, но не пришел. Девушка ждала его пять дней, а пока ждала плакала. Наплакала целый пруд.

– И утонула? – спросил Антон.

– Утонула, превратилась в кикимору, но продолжает плакать. Уровень воды каждый год прибавляется ровно на пять

сантиметров.

– А почему она просто не ушла? Зачем оставалась в беседе, ведь было понятно, что парень не придет?

– Это тебе, Антоха, понятно, – улыбнулся Сашка, – а женщины так не могут. А вдруг бы он пришел, а её нет?

– А зачем она стала кикиморой?

– Чтобы топить мальчишек. Это месть за обман.

Антон поежился:

– Не справедливо. Обманул один, а расплачиваться должны все.

– Вот ты пойдешь зайди в камыши и скажи кикиморе, что она не права. – Сашка легонько толкнул брата в плечо.

Антон фыркнул, дернул плечом и сказал:

– Еще чего.

– Струсил? – подначивал его брат.

– Нет, чего мне трусить, – огрызнулся Антон.

– А спорим, твоя футболка уже в камышах? – Сашка протянул ладонь.

– Если ты пойдешь со мной проверять, то я готов спорить, – Антон махнул рукой с намерением закрепить уговор рукопожатием, но в этот момент Сашка отдернулся, плюнул на ладонь и резко, словно плеткой, ударил о ладонь брата.

– Фу, – завопил Антон, – это еще зачем?

– Чтоб уговор запомнился надолго.

Под ногами хрустели пустые панцири черных, вонючих улиток. Песок, подернутый высохшей на солнце тиной, трес-

кался и проваливался, поглощая обувки, словно пасть монстра из фильма ужасов. Они ступали осторожно, боясь наткнуться на змею или водяную крысу. Сашка говорил, что водяные крысы злопамятные, если разрушить ее гнездо или нечаянно наступить ей на хвост, то она непременно оттяпает полноги. А яд водных змей убивает моментально, не успеваешь даже крикнуть. Но кроме этого, в болотистой местности живут мухи, которые чувствуют кровь и летят на ее запах, находят ранку, заползают под кожу и откладывают яйца. А затем, когда яйца вылупляются, личинки мух расплозаются по телу и медленно поедают. Но самое страшное и опасное существо ждало их в глубине болотистого островка, плотно засаженного камышами. Если Сашка говорил правду, то кикимора знала о их приближении, наблюдала зелеными глазами и посасывала чешуйчатые губы, представляя, что глодает косточки смельчаков, посмевших явиться в ее владения.

Камыши были выше Сашки почти в полтора раза, а стволы толщиной в два пальца. Антон попробовал сломать один камыш, но не смог даже погнуть. Он пнул его, но тот сначала накренился, а затем резко выпрямился, напоминая о волоске, который он крепил между дверью и косяком. Антону пришлось отпрянуть, чтобы не получить полбу от камыша. Над головой летали стрекозы, но Антон не слышал их стрекота, в ушах звенел комариный писк. Целый рой комаров облепил Антона, острые хоботки нещадно впивались во все части тела. Сашка шел впереди и даже не отмахивался от на-

доедливых кровопийц, можно было подумать, что его вовсе не кусают. А может быть он подготовился и намазался какой-нибудь гадостью, отпугивающей комаров. Антон сделал широкий шаг, нагнал брата, подался вперед головой, чуть не прикоснулся к спине носом и глубоко вдохнул. Комариной отравой не пахло, но помимо запаха ила, Антон почувствовал еще какой-то еле различимый. Настолько тонкий, что на ум полезли запахи леденцов с корицей, а вместе с тем по спине прошелся морозный испуг, поднял волоски и пощекотал под коленкой. Он нервно оглянулся, боясь наткнуться на взгляд черных пуговиц, прятавшихся в камышах. Он вдруг осознал, что завел сам себя в ловушку, а заодно и брата. Уже сейчас он не понимал в какой стороне выход, вокруг одинаковые коричневые стебли и рой комаров. «Нужно было оставлять засечки» – пришла запоздалая мысль – «чем глубже идем, тем сложнее будет выбираться». Он еще раз втянул воздух. На этот раз вышло шумно. Сашка повернулся и заинтересовался, что тот делает.

– Ты не чувствуешь запах?

– Да какой же это запах? Это вонь! – усмехнулся Сашка. –

Дышу через раз, чтобы не задохнуться.

– Я не про ил. Вдохни глубоко и резко.

Сашка остановился и со свистом втянул воздух.

– Ну? – вопросительно уставился на него Антон.

– Вроде корица. – Задумчиво протянул он. – Помнишь, как пахло в доме пуговичного человека?

Теперь Антона объял настоящий страх, он оцепенел от ужаса. Конечно он помнил про пуговичного человека и каждый раз вздрагивал от неожиданных звуков, боясь, что к нему тянуться сухие длинные руки. Но пока брат не подтвердил догадки, он надеялся, что корица ему причудился.

– Но тут не может быть пуговичного человека, – тихо сказал Антон, сглотнул и снова нервно обернулся.

– Почему же. Ведь пуговица его до сих пор со мной. – Сашка говорил спокойно. В нем не чувствовался страх. Сунул руку в карман брюк, чуть пошарил и достал черную квадратную пуговицу.

– Зачем ты взял ее с собой? А вдруг он хочет вернуть её и преследует нас? – его голос дрожал и срывался, словно от плача. Но Антон не плакал, слезы не текли по щекам.

– Не успел убрать в тайник. Да ты не бойся, пахнет не пуговичным человеком.

– А чем же тогда?

– Это запах кикиморы. Говорят, так пахли ее духи.

– Духи со вкусом конфет? – с сомнением глянул на брата Антон.

– Не конфет, а корицы. Плохо же ты в школе учишься, братец. У тебя по истории какая оценка? – Сашка глядел на Антона вроде бы надменно, но в то же время во взгляде не было злости, а только добро и забота.

– Тройка, – не уверенно сказал Антон.

– Ну вот и понятно, – улыбнулся Сашка, оторвал от ствола

камыша сухой лист и сунул в рот.

– Но это твердая тройка! Почти что четверка, – сказал Антон, – в следующем году точно будет четверка.

– Это кто тебе сказал?

– Раиса Васильевна, учитель истории.

– А вот что я скажу. – Сашка остановился, обернулся, чуть наклонился, чтобы глаза были на одном уровне с глазами Антона. – Не будет четверки, если не знать, что сто лет назад у девушек популярностью пользовались духи с запахом корицы. Считалось, что именно корица приманивает мужчин, словно неприятности на непоседливую задницу.

Так же резко обернулся и пошел дальше, разводя в стороны толстые стебли камыша.

– Это правда? – Антон заикался. Это с ним происходило всякий раз, как он узнавал что-то новое, что-то невероятное. Правда последний раз это было так давно, что из памяти уже стерся тот случай, когда Антону поведали, что кошка может дружить только с кошкой, а собака только с собакой.

Так вот почему отец ушел к другой женщине! От нее пахло корицей! А что же, мама не знала, как надо пахнуть, чтобы от нее не ушел отец?

– А сам то ты как думаешь? Почему по-твоему кикимора утопила много мальчишек, но ни одной девчонки?

– Из-за того, что корица приманивает только мужчин! – выпалил Антон и от этого умозаклочения у него закружилась голова.

– Конечно! Ни одна девчонка не пойдет в камыши, даже если учует запах корицы.

Легче не стало, скорей наоборот. Этот запах лишь подтверждал существование кикиморы.

– Значит она существует, – тихо, как бы убеждая сам себя, сказал Антон.

– Конечно, что же я по-твоему вру? – Сашка вновь резко остановился, так, что Антон чуть было не влетел в него. – Думаешь я врун? – Он смотрел строго.

– Нет, – замялся Антон.

– А почему тогда ты сомневаешься в моих словах? Если я говорю, что кикимора существует, значит так оно и есть.

– Да.

– И прекрати отвечать, как мямля, как будто жуешь язык. Ты ведь мужик, говори четко и смотри в глаза.

– Хорошо, – ответил Антон, но глаз не поднял.

– Посмотри на меня.

Антон поднял глаза, на мгновение их взгляды пересеклись. Но вскоре Антон снова опустил глаза.

– Эх, братец. Учить тебя и учить. Ладно, пошли дальше.

Еще минут пять они пробирались через плотно насаженные стволы. Антон отбивался от комаров и внимательно исследовал почву прежде чем ступить. Он не хотел остаться без ноги или умереть от укуса змеи.

Первой вещью, попавшейся на пути, были красные шорты, намотанные на ствол сломанного камыша, словно ткань

на факеле.

– Это предупреждение, – сказал Сашка.

Антон тяжело сглотнул. А Сашка продолжил говорить:

– Если хочешь жить, это последний шанс развернуться.

Дальше ждет гибель.

Сашка усмехнулся:

– Мы ведь не струсим, братец?

– Нет, – выдавил Антон. Хотя сказать он хотел другое, вернее хотел до тех пор, пока Сашка не задал столь провокационный вопрос. Он бы предложил остановиться и не ходить дальше, черт с этой футболкой, плевать даже, что получит от тети Тани, ведь главное остаться живым.

– Хорошо, так я и думал, – сказал Сашка, сделал шаг, наклонился и поднял маленькую варежку, поросшую тиной и с прищуром сказал, – а она все ближе.

Дальше попадалось больше одежды и обуви, раскиданной по земле или свисающей с камышей. Были шорты и футболки, кроссовки и сандалии, даже встретила зимняя шапка из собаки, одиноко лежащая на зеленом кирпиче.

– Твой нож убьет её? – спросил Антон.

– Оружие тут не поможет. Думаешь за сто лет не нашлось смельчаков, пытающихся убить кикимору?

– Зачем тогда туда идем мы? Как мы с ней справимся?

– А нам это ненужно. Мы заберем твою футболку и убежим.

Почва становилась вязкой, все сложнее вытаскивать ногу

из топи. Следов не оставалось, ямки быстро заполнялись водой и заползали тиной.

– Если мы пропадем, нас не найдут, – с испугом в голосе проговорил Антон.

– Я никому не нужен, меня даже искать не будут. А тебя?

Антон услышал в вопросе нотки сарказма. Да, Сашка над ним посмеивался, он задал вопрос, на который прекрасно знал ответ. Никому Антон не нужен. Его, конечно, поищут несколько дней, а может только пару часов, а затем объявят официально пропавшим, спишут на психическое заболевание и забудут. Тогда у Насти появится вторая комната, в которой она сможет хранить косметику. Дядя Миша купит ей обещанное большое зеркало, поставит его в комнату Антона, а его вещи, вместе с кроватью вынесут на помойку. Может тогда и кровать деда выбросят.

– Стоп! – скомандовал Сашка. – Слышишь?

Антон прислушался. Комары все еще пищали, но даже они не смогли заглушить нежное женское пение. До слуха доносились мелодичные слова:

«Милый мальчик, проходи, будешь другом мне в ненастье,»

Антон затаил дыхание, вслушиваясь в слова. В голове вдруг появилось приятное покалывание, сначала в области лба, а вскоре и на затылке. Пение продолжалось:

«Я хочу тебя спасти от издевок и насмешек.»

Антон не заметил, как перестал слышать и различать ка-

кие-то другие звуки, кроме женского голоса. Исчезли писк комаров и шуршание макушек камыша. Приятный голос вливался в уши, словно мед в рот, теплый, приятный и сладкий:

«Раздевайся поскорей, сбрось оковы словно гири,»

Он уже не шел, вообще не двигался, стоял посреди островка, заросшего камышами и слушал мягкий голос, а по шее растекалась приятная волна, словно по коже водили пуховым пером.

«Я иду к тебе сквозь тени, сквозь года и сквозь миры,»

Он очутился посреди ромашкового поля, над головой голубое небо, а напротив стоял белый щенок с черным носом. Антон знал, что щенка зовут «Лейла», он сам так назвал.

«Будь же милый верным мне, будь послушным и безвольным.»

На лице появляется безмятежная улыбка, приятные фантазии заполонили мысли, вытесняли опасения и тревоги.

«Раздевайся поскорей, я иду, встречай меня!»

Последние слова сказаны громко, с злостью. Щенок неожиданно превратился в Настю. У нее в руке палка, она угрожающе размахивает ей перед лицом Антона, открывает рот и высовывает длинный, раздвоенный язык. Кричит, но вместо слов слышно только шипение.

Антон словно кипятком окатили. Он вышел из гипнотического состояния, часто заморгал, не понимая почему стоит в зарослях камыша, вместо ромашкового поля.

Запах корицы стал таким сильным и отчетливым, что затмевал даже смрад ила. Во рту было сладко, словно после съеденной конфеты.

Песня повторялась сначала, снова и снова, как заклинившая пленка в магнитофоне, как повторяющееся изо дня в день тархтение жигуля под окном, как похожие друг-на-друга дни Антона.

А между тем, кроме пения, Антон слышал еще один звук. И этот звук был основным, пение же маскировало его, старалось скрыть за нежным женским голосом. Но Антон услышал. Он уже не разбирал слов песни, он уже не слушал женщину, а вычленял, пробирался через завесу к основному звуку. Это походило на хруст ломающихся веток старых сосен, на множество лопающихся панцирей улиток и на бесконечный шелест листвы, когда тащишь по ней толстый и длинный поливочный шланг. Антон еще раз потряс головой и только теперь осознал, что стоит со спущенными шортами, обувь лежала рядом, а его босые ноги по щиколотку утонули в иле. С него окончательно спало оцепенение, навеянное песней. Он дернул ногами высвобождая их из плена, натянул шорты, схватил ботинки и подбежал к брату. Там, впереди, за Сашкиной головой трещали камыши от натиска чего-то большого и тяжелого, земля потрясывалась, а песня все лилась и лилась, как вонючая, застоявшаяся вода из позабытого ведра.

Сашка стоял чуть впереди, футболка небрежно валялась на земле, кроссовки рядом, но брюки все еще на нем. Паль-

цы беспорядочно, бездумно теребили заевшую бляху. А еще Антон увидел на камыше, рядом с плечом брата свою белую, мокрую футболку. Он сдернул её и ударил Сашку по руке.

– Ты.. ты чего? – Сашка смотрел на него безумными, непонимающими глазами, словно только что очнулся от сна.

– Бежим скорее! Там кикимора! – махнул головой, но и без этого жеста Сашка услышал её приближение. На мгновение обернулся, оценил примерное расстояние, подобрал свою одежду и, вместо того, чтобы бежать, принялся натягивать на себя содранную футболку.

Наконец песня смолкла. То существо, что стремительно приближалось догадалось, что ребята перебороли гипноз. Теперь отчетливо слышны звуки ломающегося тростника и камыша. А еще стрекот и щелчки, но не от стрекоз, а от языка ящерицы или змеи. Большой, водяной змеи, такой, которая не просто кусает ядовитыми зубами, а проглатывает за раз.

Антон уже отбежал на несколько шагов, но заметил, что Сашки позади нет. Развернулся и увидел, как толстый чешуйчатый хвост обвился вокруг талии Сашки и чуть приподнял над землей. Это была не просто водяная змея, а гигантская доисторическая тварь. Таких размеров, которые показывают в фильмах ужасов про анаконд убийц. Хвост, толщиной с тело Антона лоснился, как блин на сковороде. Антон оцепенел от ужаса. Он никогда в живую не видел змей таких размеров. И ведь это только хвост! Он поднял глаза,

за голову брата, скользнул взглядом по хвосту, уводящему в камыши. Там, в зарослях висела в воздухе женская фигура, покрытая чешуей. Туловище плавно переходило в змеиный хвост. Она покачивалась, словно водоросли от легкого течения. Раздвинула руками тростники и показала Антону во всей красе. Зеленые глаза, напоминающие болотную жижу, две дырки вместо носа, безгубый рот и трепыхающийся раздвоенный язык. Темные волосы, больше похожие на собранную в кучу тину, на руках между пальцами перепонки, как у лягушки, а все тело покрыто темно-зеленой чешуей, как у рыбы или змеи. Она надвигалась, а гладкий, серый язык приближался к лицу Сашки.

Антон запаниковал и подумал, что скоро умрет, что это создание проглотит его целиком, как делают змеи и будет переваривать живое, трепыхающееся тело несколько месяцев. Он попятился, не выпуская из виду зеленых глаз. Нога угодила в яму, Антон упал, но встать не смог, пополз, натываясь спиной на стебли камыша и ощущая задницей, как втыкаются сломанные панцири улиток. У него было одно желание: поскорее убраться, спрятаться от страшного монстра. Он собирался бежать домой, прыгнуть в кровать, закрыть голову подушкой и пролежать бездвижно несколько дней. Каким-то чудом, невероятным усилием он смог подняться и побежал, но вскоре вновь упал, лицом в землю. Ил забился в ноздри, попал в рот, запеленал глаза. Антон сплевывал мерзкие комки грязи, продираал глаза. За спиной слышны стоны брата и

шелест змеиноного тела в камышах. Кикимора не гналась за Антоном, ей хватило одной жертвы.

Антон поднялся на ноги. Последнее падение отрезвляюще подействовало на его мысли. Он задумался, почему Сашка не кричал, а лишь стонал, словно в рот засунули кляп? Возможно ли такое, что хвост кикиморы пропитан парализующим ядом? А может Сашка не кричал потому, что увидел убегающего Антона и подумал, что брат его бросил и не придет на помощь, хоть заорись до потери пульса. Второе больше походило на правду, Сашка разочаровался в нем. Горькая слюна застряла в горле комом, загудело в ушах, а глаза налились кровью. Неужели он действительно готов бросить брата, лишь бы спастись самому? Он затаил дыхание и закрыл глаза, собираясь с силами, чтобы признаться самому себе насколько он паршивый друг. Крепко сжал челюсть, так, что молочный большой зуб надломился и вывалился на язык. Сначала Хвича, а теперь Сашка. Два друга за день. А ведь они единственные, кто оставался у него в жизни. И что делает он? Сдаёт одного и отворачивается от второго!

Ну уж нет! Пальцы сами собой сжались в кулаки до белизны костяшек. Еще оставалась частичка эгоистичного сознания, которая шептала «зато останешься цел» и подталкивала бежать. Но Антон яростно и безжалостно давил её. Он развернулся, сплюнул под ноги гнилой зуб, наступил на него, вдавил в ил и пошел спасать брата.

Сашка все еще висел в воздухе, только теперь вверх нога-

ми. Брошенный, преданный взгляд бегал по камышам, ища Антона.

– Я тут! – крикнул Антон и побежал к брату.

Сашка заулыбался, глаза заблестели.

– Антоха, найди нож. Он выпал, где-то подомной! – прокричал брат.

Кикимора увидела его, зашипела и подняла Сашку еще выше, так, что теперь до него не достать. Антон быстро нашел нож, обхватил ржавую рукоятку и, прогоняя сомнения, побежал на кикимору, яростно крича, как учил его Сашка.

Один сильный удар вогнал нож по рукоять в толстый хвост. Кикимора взвизгнула, прямо как человек, как Настя, сломавшая ноготь или заметившая на носу красный прыщ. Ослабила хватку и метнулась в заросли. Сашка упал на спину, плюхнулся словно мешок картошки в грязь. Черные брызги ила окропили ноги Антона и стволы камыша.

Они бежали босиком, не обращая внимание на острые панцири улиток, безжалостно впивающихся в ступни. Толстые стволы камыша били по лицам, по плечам, по рукам. Синяки появлялись прямо на глазах. Кикимора не долго горевала о проткнутом хвосте, чуть поскулила в зарослях и решила вернуться, отомстить обидчикам, прихлопнуть хвостом, вогнать по шею в ил и отгрызть головы.

Выскочили из зарослей, Антон споткнулся о корягу, так не кстати торчащую из земли. Упал, растелился на пузе, лицом уткнулся в вонючий ил. Попытался подняться, но ноги

не могли найти опору, скользили, оставляя толстые разводы. Он походил на черепаху, застрявшую в грязи, безнадежно перебирающей лапами, но не способной сдвинуться с места. Сашка даже не попытался обогнуть или перепрыгнуть брата, он запнулся о его ноги и упал рядом, обрызгав и без того грязное лицо Антона. Цепляясь друг за друга им удалось перевернуться на спины.

От камышей отделяло несколько шагов, если бы Антон в тот момент мог соображать, не думая о преследующем монстре, то непременно оценил расстояние в три с половиной шага.

Они смотрели в заросли, а оттуда наблюдали за ними. Два зеленых огонька почти у верхушек камыша, почти там, где летали стрекозы, чей стрекот не слышно за комариным писком.

– Вот так! – завопил Сашка, – сюда ты уже не пройдешь!

Кикимора щелкнула языком, прошипела что-то на своем кикиморском языке, бессильно махнула хвостом, срежая верхушки стеблей и исчезла. Шум ломающегося камыша еще какое-то время стоял в ушах. А запах корицы постепенно улетучивался, оставляя зловонию ила.

– Ты видел, как толстый хвост? – первым подал голос Сашка.

– Да, – коротко ответил Антон.

– Никакая это не кикимора, – говорил Сашка, помогая брату подняться. – Змеюка! Женщина-змея! Я видел такую

по телевизору, ее держат в клетке в цирке.

Сашка, помимо своих кроссовок и футболки, держал в руке варежку, покрытую илом.

– Ну хоть трофей унес. В коллекции прибыло. – Он не улыбался, в глазах все еще просматривалось застывшее опасение, что кикимора может вернуться, зайти за линию отделивающую островок камыша и сожрать их.

– Выбрось его, вдруг это принадлежало мальчику, съеденному кикиморой.

– Так и есть. От этого трофей еще ценней.

– А вдруг призрак того мальчика будет преследовать нас? – спросил Антон.

– Но ведь пуговичный человек или жена зрителя кладбищем нас не преследует. Так почему этот мальчик будет? – он выдавил скудную улыбку, – смотрю ты все же вернул свою футболку.

Антон перевел взгляд с варежки на футболку, крепко зажатую в кулаке. Она в черно-зеленых пятнах и воняла илом. «Ну хоть не дерьмом», – подумал Антон и развернул футболку.

– И вот еще что, возьми-ка это. Обмажешь платье Насти.

Сашка поднял грязную банку, валяющуюся под ногами, набрал в нее жидкий черный ил и подал Антону.

– Что сделать? – ошарашено спросил Антон.

– Надо наказать, отомстить. Да так, чтобы запомнила, чтобы на всю жизнь, – он держал наполненную до краев банку

на вытянутой руке.

– Она меня убьет! – воскликнул Антон и замахал руками, а для пущей убедительности закрыл глаза.

– Антоха, ты только что сразился со страшной кикиморой, а боишься какую-то там девчонку? – усмехнулся Сашка.

– Тут другое, тебе угрожала опасность.

– Ну а там угрожает опасность тебе! Если не проучишь ее, то она до конца жизни будет издеваться над тобой.

Антон уже не противился, но и банку не спешил хватать.

– Моя философия простая: каждому по заслугам. Бери эту чертову банку, я так долго не могу держать. – Он подался вперед и вложил банку в руки Антона. Она была холодная и скользкая, словно груша без кожуры.

Зашло солнце и выглянула луна, похожая на белое яблоко. Они расстались у некогда красной телефонной будки. Но перед тем достали в расщелине между будкой и асфальтом железную прямоугольную коробку, бывшую когда-то пеналом. Теперь он больше походил на мятый ржавый кирпич, а раньше в него легко помещалось штук пятьдесят фломастеров, столько же ручек и еще можно было впихнуть тетрадку, предварительно свернув ее в трубочку. Антон держал коробку, а Сашка бережно, чтобы не сломать старый механизм, проворачивал замочек. Там лежала фотография с улыбающейся красивой женщиной. Антон не хотел впадать в воспоминания, а потому отвернулся, прогоняя из мыслей образ жены зрителя кладбища. Сашка сложил в коробку

глаз пуговичного человека и варезку, съеденного кикиморой мальчика. Так же бережно закрыл замок и велел Антону убрать коробку под телефонную будку.

Он сунул руки в брюки и, посвистывая, пошел в сторону луны, а Антон домой, через вонючую арку.

Двор опустел, поднялся ветер, небо внезапно заволкли тучи. Горел всего один фонарь, у его подъезда. Антон огляделся, поежился и ускорился. Ему померещилось будто из темноты двора за ним наблюдали неподвижные черные глаза. За спиной зашелестела листва, потревоженная порывом ветра, а фонарь у подъезда заморгал и беспокойно затрещал. Мысленно он все же переместился в далекую ночь, проведенную на кладбище. За спиной гулкие шаги зрителя, а впереди, маячил тусклый свет луны. Луна часто пряталась за тучи и стволы деревьев, а Антон думал только о том, чтобы она поскорей появилась вновь и больше не исчезала, ведь тогда он мог потерять брата, наткнуться на дерево или на надгробную плиту, скрывающуюся в ночной темноте. В те моменты, когда луна пряталась, темнота резко сгущалась, словно стая мух, облепившая дохлую крысу. У Антона появлялось ощущение, что за ним и за Сашкой наблюдают. И это не зритель, а кто-то намного опасней. Страх прикасался ледяными пальцами к затылку, пробирался под кожу и зудил, словно рана, покрытая свежей коростой. Подсознательно он знал, что кроме зрителя их преследуют существа в капюшонах. Они двигались быстро, прыгали по старым крестам

и сухим веткам.

Вот и теперь, оглядываясь, всматриваясь в темноту двора, Антона пронизывал страх. Только теперь ему казалось, что за ним наблюдает одно существо, чью фотографию они спрятали под телефонную будку. Если жена зрителя смогла преодолеть кладбищенскую ограду и найти двор Антона, то ей ничего не стоит выскочить, преградить путь и сжать шею костлявыми пальцами.

В тот момент, когда Антон добежал до подъезда, фонарь ярко вспыхнул и потух. Если бы год назад все жильцы проголосовали за установку железной двери с ключом, а не электронным домофоном, то сейчас, Антону пришлось рыскать по карманам, судорожно выискивая ключ, если бы конечно ему его выдали. Он набрал код, дернул ручку, юркнул в проем и побежал по лестнице. Опасность еще не миновала, чудища могли поджидать под лестницей или на подъездных площадках. Протянуть черные, безжизненные, крючковатые руки, пахнущие сырой землей и утащить. Под ногами хрустели осколки от лампочек, сердце бешено колотилось, а в ушах стоял монотонный гул, как от телевизора, включенного на несуществующий канал, показывающий рябь. Он барабанил по двери так громко и так часто, что у соседей на два этажа выше, залаяла собака.

Дверь открыла тетя Таня. Схватила Антона за плечо и затащила в коридор. Сначала вlepила подзатыльник, а уже потом сказала, что стучать так громко нельзя. Говорила в свой-

ственной ей манере: гневно и нетерпимо. Дождалась пока Антон снимет обувь, втолкала его в зал. Свет был выключен, но от работающего телевизора расплывалось голубое свечение, достаточное, чтобы видеть сидящего на диване дядю Мишу. Косые глаза глядели на Антона.

– Иди в свою комнату, и чтобы я не слышал тебя до утра, – сказал он заплетающимся языком.

На столе стояли пустые бутылки и грязные тарелки. Стоял тягучий, горький запах от сигаретного дыма.

– А о том, что ты убежал от сестры, поговорим завтра! – грозно сказала тетя Таня и вlepила еще один подзатыльник, немного слабее предыдущего.

Антон зашел в комнату, поставил на стол банку, обернутую пакетом, найденным там же, во владениях кикиморы. Эти двое были на столько пьяны, а ярость так сильно захлестнула головы, что они даже не обратили внимание на странный пакет в руках Антона.

Крышка открылась с хлопком, по комнате быстро распространился смрад ила, улиток и дохлой рыбы. Или как бы сказал Сашка гнилой плоти ребят, разорванной одежды, ногтей, волос и перемолотых костей. Он закупорил банку, открыл окно и вдохнул запах улицы. Луна окончательно скрылась за тучами, а вдалеке, где-то над недостроенной городской больницей искрились молнии.

Антон лег в одежде. Раздеваться рано, ему предстояло исполнить задуманное. Пока Настя спит в чистой постели и ро-

зовой любимой пижаме. Он дожидается пока замолкнет телевизор, захлопнется дверь в комнату тети Тани и дяди Миши, а пружина в их кровати протяжно скрипнет и тогда выйдет вершить правосудие.

Под кроватью не было привычной суеты хомяка, зато перед глазами появился его образ. Он лежал в куче других хомяков, в большом чистом аквариуме, улыбался и думал об Антоне. Ему стало до того тоскливо, что сполз с постели и вытянул из-под кровати пустой аквариум, пахнувший хомяком. Опустил в него руку, провел пальцем по изгрызенной коряге и по домику с вырезанной дыркой. На душе стало скверно, он убрал аквариум и достал из дальнего угла коробку с игрушками. Порылся и выудил плюшевого медведя, в чьей спине зашита маленькая лампочка-спасительница электриков. Дальше бы он заплакал, погрузился в воспоминания, начал опять себя жалеть и, уткнувшись в подушку, проревел всю ночь, но за дверью раздались шаги. Тетя Таня волочила больную ногу, шаркая по полу. Телевизор замолк, а вскоре захлопнулась дверь спальни тети Тани и дяди Миши и скрипнула кровать. Антон слышал эту последовательность звуков каждый вечер, перед сном. Пока это не произойдет он не мог уснуть, сжимал подушку, закрывал уши, думал о прошлом и мечтал о будущем. Он знал, что уже через пять минут они будут спать как хорьки.

Тихонько, бесшумно вошел в спальню Насти. У нее включен ночник, на потолке светятся желтые звезды, в комнате

тепло и пахнет полевыми ромашками. Она спала на спине, простыня скаталась в ноги. Антон навис над ней, загораживая свет ночника, уставился ей в лицо. Никогда еще он не смотрел на неё спящую, безобидную, не ворчащую. Открыл банку. Кошка подняла голову, услышав хлопок, потянулась, свернулась клубком, упершись головой в левую ногу Насти.

«Прочту обеих», – решил Антон и наклонил банку.

Первая, большая капля упала на кошку. Шмякнула, словно только что сваренная манная каша о тарелку. Кошка вскочила и молча убежала. Антон слышал, как она бегала по квартире, пытаясь освободиться от липкой, зловонной массы. А дальше ил равномерным слоем лег на Настины ноги, живот, грудь и только когда жижа прикоснулась к лицу, она проснулась.

Лежала бездвижно, выпученными глазами наблюдая за банкой в руке Антона. А когда последняя капля упала на лоб, Настя поднялась, села на кровати и беспомощно завопила, вытирая руками лицо. Но от ила не так-то просто избавиться, это конечно не мазут и не клей, но дрянь еще та. Она терла рукавами по лицу, но только размазывала грязь.

В комнату забежали её родители и застыли у порога. Полоумные взгляды вперились в кричащую Настю. Антон тихонечко стоял у окна, в шаге от Насти и торжествующе глядел на содеянное, словно художник на законченную картину, угробившую три года его жизни.

Первым очнулся её отец. Он медленно перевел взгляд на

Антон, затем на банку, лежащую под его ногами. Из нее все еще вытекала черная жижа. Толкнул плечом тетю Таню, выводя её из состояния транса и выдавил заплетающимся языком:

– Похоже он свихнулся окончательно.

Тетя Таня громко сглотнула, сделала нерешительный, короткий шаг и пролепетала тоненьким голоском, словно Дюймовочка только что осознавшая, за кого её выдали за муж.

– Что это? Чем ты облил мою доченьку?

Губы у нее дрожали, словно лепестки хризантемы на ветру, шея набухла и походила на толстый, жилистый пень. Антон видел, как у нее надулись вены на висках и шее. Огромные, синие, пульсирующие, словно живые мерзкие черви, копошащиеся в банке.

– Да это же ил, ты что не чувствуешь? – говорил дядя Миша. Его голос был спокоен, сдержан, хоть и пьян. Антон отметил, что он говорил ровней и понятней, нежели утром, когда грозился воспитать Антона ремнем. Неужели вид Насти отрезвил его? Или это сделал её дикий, противный визг? А может резкий запах ила, выпущенный из банки, словно джин из лампы. Зловонный джин. Антон хихикнул, да так, что это не укрылось от взгляда дяди Миши.

– Погляди-ка, он ещё и смеется. Подлец! – все так же спокойно сказал он, протягивая звук «е» на последнем слове, словно какой-нибудь певец на распевке.

– Ил? – тихо, все еще не придя в себя, проговорила тетя

Таня. Испуганный взгляд бегал по телу Насти, будто проверяя, все ли части тела на месте, не отрезал ли чего Антон.

Она макнула палец в жижу, растекшуюся по ночной рубашке и поднесла к носу.

– Ил! – утвердительно, но все еще растерянно сказала она.

Настя кричала, слезы текли по щекам. Тонкие, соленые ручейки пробивали дорогу в начавшей застывать темной маске. Тетя Таня села на кровать и обняла дочь. Так крепко, что у Насти хрустнул позвоночник, а из горла вырвался звук, напоминающий хрип или задыхающийся кашель.

– Доченька моя, миленькая, – залепетала она, качаясь из стороны в сторону и качая Настю, – не плачь, ты у меня красавица. Сейчас пойдем в ванну и вымоем тебя под душем. А ночную рубашку стираем три раза.

Она грозно взглянула на Антона, через Настино плечо.

– А братца твоего накажем. Да так, что он на всю оставшуюся жизнь запомнит. А потом сдадим в психушку, где он проведет остатки никчемной жизни.

Антон слышал её, но не слушал. Он думал лишь о том, что наконец отомстил кикиморе за все годы издевательств. Улыбка не спадала с лица, а блеск в глазах не тускнел. Даже когда его пороли ремнем и ставили в угол на колени на сухой горох, он не проронил ни звука, а улыбка нет-нет, да проскакивала через скупые слезы физической боли.

Когда отмыли и успокоили Настю, она потребовала забрать у Антона хомяка и скормить его кошке. Тетя Таня ис-

полнительно залезла под кровать, небрежно толкнула аквариум, да так, что он перевернулся и разбросал по полу разорванную газету. Настя держала на изготовке кошку и улыбалась, представляя, как Антон взвоят, когда хомяк лишится головы. Но кошке суждено было остаться без позднего ужина, а Насти засыпать без удовлетворенного чувства мести. И только Антон в эту ночь засыпал радостным.

На приеме

Тетя Таня исполнила обещание. Утром поехали в больницу.

Моросивший всю ночь дождь оставил на дороге черные, глубокие лужи, а в воздухе удушливый земляной запах. Изредка, лениво громыхла ослабевшая гроза, да падали редкие и мелкие капли. Дядя Миша иногда поворачивал рычаг, дворники размазывали по стеклу капли, оставляя грязевые разводы.

– Я тебе много раз говорила, пора менять эти щетки! Они старые и лысые, – сокрушалась тетя Таня. – Не ровен час в аварию попадем.

Она сидела на переднем сидении, напряженно смотрела в лобовое стекло, словно штурман, высматривающий безопасную дорогу, прокладывающий маршрут между ухабами, глубокими лужами и посылающий мысленные сигналы водителю. Сухая, жилистая рука цепко держалась за ручку над дверью, а вторая придерживала бумаги, лежавшие на коленях. На верхнем листе размашистым шрифтом написано: «История болезни Антона Коляжного». На тете Тани джинсы, цвета затянутого серыми облаками неба и черная кожаная куртка, с вышитой розой на груди. Она запросто могла сойти за байкера, если бы не обвислые бока и толстая задница, кото-

рую не выдержит ни один мотоцикл.

Антон сидел на заднем сидении один. Рядом лежал небольшой чемодан с вещами. В багажнике не нашлось для него места, там были ящики с землей и цветами. После больницы они поедут на дачу и высадят молодые, не окрепшие цветы в теплицу, но это будет без Антона, его оставят с другими сумасшедшими. На ручке чемодана нацарапаны узоры, а на боку толстый порез из которого торчали розовые носки. Через порез не видно, что на одном носке дырка, через которую у Антона постоянно вываливался большой палец, напоминая хомяка, выглядывающего из норы. Антон подумал: «И почему я сначала надеваю этот носок на правую ногу, и только когда высовывается большой палец, передеваю на левую? Ни разу не угадал.» Впихал палец в порез на чемодане и протолкнул носки поглубже, чтобы ненароком не вывалились.

Конечно Антон переживал за себя. Он понимал куда и зачем его везут. И он помнил слова маленького толстого дядьки, о том, что если попадаешь в больницу второй раз, то уже навсегда. Ему не нужно было напрягать память, чтобы увидеть образы двух братьев десяти лет, ходивших по больнице с опущенными головами, понурыми лицами и всегда держащими друг друга за руку. Они даже в туалет не ходили по одному. Врачи наряжали эту двоицу в голубые девчачьи платья, заплетали волосы в тонкие маленькие косички и ночами выпускали в коридоры пугать врачей из других отделений

или охранников, глазевших в камеры. Врачи считали, что у них получается спародировать сестер-близняшек из фильма «Сияние». За все то время, что Антон пробыл в больнице к этим двоим ни разу никто не приехал, впрочем, к Антону тоже, но он то через четыре месяца выписался, а они остались. Толстый дядька говорил, что они в больнице уже второй раз. Антону представилось, что он хорошо впишется в их компанию, станет третьим братом, возьмет одного из них за руку и проживет с ним бок-о-бок до конца жизни. Вот только платье надевать не хотелось.

Хоть он и волновался за себя, свое будущее проведенное в больнице среди дураков, но паники не было, не было и того щемящего чувства в животе, которое появляется в минуты отчаяния и понимания безнадежности положения. Возможно сказывалась усталость от бессонной, мучительной ночи. Он вымотался и готов был уснуть прямо в машине, обнявши чемодан, вместо подушки.

Иногда проскакивали тревожные мысли. Например, найдет ли Хвича новую семью и если найдет, то какой она будет. Она обязательно должна быть дружной, любящей, заботливой и без кошки. Когда удавалось придумать подходящую семью для Хвичи, в мысли проникал Сашка, и тогда Антон переживал за него. Сашка несомненно потеряет брата, будет искать, волноваться. А в один из вечеров подойдет к дому, встанет под окном в комнату Антона и бросит камень. Окно задрезжит и колыхнется, как водная гладь от ветра. Саш-

ка немного подождет, а затем кинет второй, третий и будет бросать до тех пор, пока не разобьет.

Антон очень хотел, чтобы именно так и было. Он положил голову на чемодан, ладони сложил лодочкой и просунул под щеку. Сашка обязательно его найдет, вытащит из больницы, и они сбегут далеко-далеко, может даже в другой город, где-нибудь на берегу моря. В это мгновение, Антон больше всего на свете хотел оказаться на берегу теплого моря. Чтобы голые ступни утопали в нежном песке, а накатывающие волны щекотали лодыжки. Чтобы шумели чайки, перекатывались крупинки песка от напора воды, а справа стоял Сашка, глядел вдаль и рассказывал удивительную историю про затонувшее золото пиратов.

Перед закрытыми глазами начали появляться красочные, живые кадры. Они сменяли друг друга, словно киноплёнка, оживляя неподвижные картинки. Вот Сашка бросает канат с крючком в окно палаты. Вот Антон ловит канат, цепляет за батарею и словно ниндзя из мультфильма про черепашек спускается со второго этажа. А дальше море... Но Антон видел его только по телевизору и не мог в полной мере насладиться его образами, а потому он раз за разом просматривал кинофильм про побег из больницы, пока не уснул.

Проснулся от хлопков по щеке. Тетя Таня нервно вздохнула и резко сказала:

– Просыпайся. Почти приехали.

Они стояли на светофоре, за которым поворот во двор

больницы. Машинам горел красный свет, а пешеходом мигал зеленый человечек. На дорогу вышла горбатая старушка с синим зонтиком в горошек.

– Ну, старая колоша, – сказала тетя Таня, – куда ты лезешь? Не успеешь!

Антон пододвинулся к боковому окну, протер запотелость и через прилипшие к окну капли посмотрел на старушку. Шла она медленно, даже детсадовец смог бы понять, что с такой скоростью никак не успеть перейти дорогу. У нее подрагивала рука, державшая зонтик. Редкие капли падали на брезентовое покрытие, разбивались и ручейками скатывались с краев. Во второй руке у нее была трость, перевязанная синей изолентой посередине, и толстая сумочка.

– Посигналь ей! Пусть идет обратно, – тетя Таня придвинулась к краю кресла, протянула руку к рулю и вдавила клаксон.

Её примеру последовало еще несколько водителей. Под канонадой из разнообразных, но одинаково мерзких сигналов, старушка продолжала идти. Она даже не изменилась в лице, словно не слышала гнева водителей.

– Вот, старая кобыла, – тетя Таня крутила рычаг открывания окна обеими руками.

– Не надо, Таня, – сказал дядя Миша, – вдруг кто услышит из врачей.

Тетя Таня оставила рычаг и повернулась. У нее горели уши.

– Ты что же, меня стесняешься? – она судорожно качала головой и это походило на метание маятника, не знающего как остановиться.

– Нет, – тихо сказал дядя Миша, – просто не удобно перед коллегами.

– Не удобно ему! Может мне вообще из машины выйти? – Её руки метнулись ввысь, почти дотронулись до крыши машины. Она ёрзала на сидении, словно ей что-то мешалось, словно в задницу вцепилась блоха. – Так ты скажи, я выйду.

– Уже почти приехали, – сказал дядя Миша как-то грустно и подавлено.

– Вот и молчи, крути баранку! Поехали, чего встал?

Пока тетя Таня закатывала истерику, кто-то из водителей, помог старушке перейти дорогу. Теперь она стояла на тротуаре, копошилась в сумочке, а зонтик висел за спиной, напоминая шляпку мухомора. Синего и старого.

Старенький Фольксваген Жук резко остановился, разбрызгивая лужу на парковке двора больницы для душевнобольных. Антон ударился лбом о спинку кресла, тетя Таня дернулась вперед, но ремень безопасности натянулся, словно струна и вернул её обратно. Если бы она не пристегнулась, то наверняка расшибла лицо, сломала нос и лишилась пары зубов.

Так дядя Миша показывал свой характер и недовольство поведением своей жены.

– Ты что дурной? – сказала она и хлопнула его по плечу.

На дощечке, приколоченной к стене, черной краской начерчена фамилия дяди Миши. Это его персональное место. Такие были почти у всех врачей. Рядом с дощечкой, на стене, красным фломастером дописано: «мразь». Антон улыбнулся. Третий раз он видел эту надпись и третий раз слышал, как дядя Миша в полголоса бранился.

Тетя Таня сказала:

– Ну а чего ты ругаешься? Наверное, тем, кто это писал, виднее. Они-то точно знают, что ты из себя представляешь.

Дядя Миша злобно глянул на нее, но ничего не ответил, зато хлопнул дверью, выходя из машины. Антон подумал, окажись сейчас у дяди Миши в руке зонт, а рядом бездомная собака, то он выместил на ней злобу и недовольство тетей Таней. Но зонта и собаки не оказалось, дядя Миша молча пошел к крыльцу.

Антон сам тащил чемодан. Волок по сырому асфальту, оставляя серую дорожку и две неглубокие полоски от металлических ножек. Он не думал, что у него так много вещей и считал, что достаточно было взять футболку, шорты да кеды, чтобы ходить по длинным коридорам больницы. Он даже не подумал о зимней одежде, скомканной и скиданной в чемодан жесткой рукой тети Тани.

На стене у крыльца нарисован доктор Айболит и зайчик с перевязанной головой. Картинка казалась бы вполне подходящей для детского отделения больницы умалишенных, если не знать, что Айболит лечил исключительно зверей. А по-

сколькx художники не могли не знать о специализации Айболита, сомнений не было – эта картинка насмешка над больными. Антон еще в прошлое посещение отметил, что у зайчика оторвано одно ухо, а у Айболита из кармана халата торчал серый ремешок, уж очень похожий на второе ухо бедного зайца.

Глядя на табличку, с названием клиники, Антон подумал: «зачем разделять детское отделение от взрослого, если в итоге всех держат в одной больнице?»

С дядей Мишей поздоровался охранник и разрешил не надевать бахилы. Взглянул на Антона и с сочувствием покачал головой. Антон показал ему язык.

Они подошли к ближайшему кабинету, всего в десяти шагах от каморки охранника. На двери написано: «Старший врач отделения – Чехов Петр Борисович». Дядя Миша поправил галстук, выпрямил спину, поднял подбородок и вошел не стуча. Антон с тетей Таней остались в коридоре, сидеть на коричневой кушетке, напомнившей Антону историю, приключившуюся много месяцев назад.

Дядя Миша в белом халате встречал их у порога. Охранник делал вид, что читал газету, сам же украдкой наблюдал за Антоном поверх газеты. Тетя Таня в то утро нервничала, от нее пахло валерьянкой, а на голове, в волосах торчал гусиный пух из подушки. Дядя Миша проводил их до кабинета старшего врача и велел ждать. Кроме них тут была женщина с синими мешками под глазами, взъерошенными волосами

и измазанными помадой губами. Она сидела на кушетке, махала ногами и держала за руку бабушку в очках.

Антон с тетей Таней ждали стоя – кушетка всего одна и только на двоих. Не прошло и минуты, как бабушка решила заговорить.

– Вот не знаю уже куда её вести. Во взрослом отделении отказываются принимать, говорят, что несовершеннолетняя.

Тетя Таня нахмурила брови и взглянула на бабушку исподлобья.

– Можно подумать, такое понятие как «совершеннолетний» применим для таких. – Бабушка вяло хихикнула, так словно оправдывая свои слова.

Тетя Таня молчала, а Антон с интересом смотрел на странную женщину, напомнившей ему джокера из супергеройского фильма.

– Вы вот тоже привели сына, – решила бабушка, а затем запричитала, словно молитву, – эх, я бы ни за что её не сдала, если бы не соседка. Ей вздумалось обвинить мою дочурку в убийстве кошки. Да каком убийстве! – она подняла палец и помахала им в пустоту, – ритуальном!

Тетя Таня прищурилась, открыла рот и вздохнула, хотя больше это походило на зевоту. Достала из кармана куртки носовой платок и вытерла нос. Антон решил, что она это сделала только для того, чтобы хоть чем-то занять руки, без конца елозившие по карманам.

– Надо же такое придумать! – разгорячилась бабушка и

теперь говорила с возмущением, – чтобы моя дочурка оторвала голову кошке голыми руками!

Тетя Таня вздрогнула и покосилась на руки Антона, словно оценивая их силу.

– Да она самый безобидный человек на земле! – выпалила бабушка на одном дыхании и топнула ногой по полу.

Одновременно с топотом приоткрылась дверь старшего врача и из нее выглянул дядя Миша. Махнул рукой, приглашая войти без очереди. Уже заходя в кабинет, Антон почувствовал прикосновение к ладони. Он обернулся и встретился взглядом с отекавшими глазами женщины. Потрескавшиеся губы кровоточили, а десна и язык были черными, словно плесень на хлебе. Она улыбалась так широко, что казалось ей в рот легко бы поместилась ладонь.

Зайдя в кабинет обнаружил зажатый в ладони черный овальный предмет. Тогда он не придавал значение, просто бросил на пол, но теперь, по прошествии времени и после пережитого кошмара в доме пуговичного человека, он мог предположить, что то была пуговица. Возможно он ошибался и то была просто конфета или камень, а может деталь от какой-нибудь сломанной игрушки. Да это могло быть все что угодно, даже зуб той сумасшедшей женщины. Но перебирая все возможные варианты, Антон не мог отделаться от мысли, что там была пуговица. Черная, овальная, такая же лежала на тумбе возле зеркала перед которым пуговичный человек пришивает глаза...

Дверь открылась, тетя Таня соскочила с кушетки со словами: «ну наконец» чем и вернула мысли Антона из прошлого.

Первым делом, как вошли в кабинет, Антон осмотрел пол, вспоминая куда укатилась пуговица, когда вывалилась из его ладони. У стены стоял шкаф, а под ним узкая черная щель. Даже если встать на колени, положить голову на пол не получится разглядеть что под шкафом. Тут нужен фонарик, такой как у Сашки, мощный, распугивающий мрак. Антон мысленно выругался и поднял взгляд.

За столом сидел толстый мужчина, с пучками светлых волос по бокам головы. Глаза маленькие, заплывшие жиром и походившие на свинячьи, уши красные, словно их только что трепали. Он нисколько не изменился за то время, что Антон его не видел – от него так же несло гвоздикой, а улыбка вызвала отвращение.

– Присаживайтесь на диван, – сказал он.

Антон бросил чемодан у двери и плюхнулся на мягкий, потрепанный диван.

– Не красиво себя ведешь, – прошипела на него тетя Таня, а толстый врач рассмеялся, хрюкнул и утешающе сказал: – Ничего, ничего, им можно.

После непродолжительного молчания, в ходе которого тетя Таня уместала свою задницу рядом с Антоном, доктор продолжил говорить:

– Ну-с и как у нас дела? – он смотрел на Антона.

Ответил дядя Миша, хотя рот открыла тетя Таня, желая

поскорей рассказать зачем они снова привезли Антона.

– У него ремиссия. Кроме того, проявляется агрессия к...

– Да? – перебил толстый врач и нахмурил брови. Взял ручку, поднял ее на уровень глаз и глядел на Антона через ручку. – И как же она проявляется?

– Вчера, например, – он напал на сестру. – Влезла в разговор тетя Таня.

Врач поднялся с кресла и подошел к Антону.

– Зачем же ты, Антон, это сделал?

– Затем, что она кикимора! – закричал Антон, да так громко, что врач невольно отступил и запрокинул голову, словно боясь, что на него могут попасть слюни Антона. Тетя Таня отреагировала молниеносно – вlepила такой подзатыльник, что у Антона из глаз пошли искры, а в шеи что-то хрустнуло.

– Вот, видите, – сказал дядя Миша и протянул ладонь к Антону, так, словно указывал на того, кто виноват во всех его бедах и бездумных решениях, в том числе решении жениться на тете Тани. Рука напряжена, пальцы плотно прижаты и потрясываются.

– Зачем же так кричать, Антон. У нас так не принято, ты ведь знаешь правила. – Доктор вернулся на рабочее место, залез в ящики под столом, немного пошарил и вытащил красный ежедневник. Сунул ручку в рот, полистал ежедневник, поднял взгляд на дядю Мишу, – а таблетки принимаете?

– Так нет, – растерянно произнес он, – месяц пропили по-

сле лечения, как договаривались и прекратили.

– А ведь я говорила, – укоризненно сказала тетя Таня, зло посматривая на мужа.

– Вы должны понять, у меня сейчас нет свободных коек. – Он слюнявил палец и перелистывал листы. – Вот, всё занято.

– Посмотрите еще раз, может все же найдется? Хоть самая захудалая. Нам подойдет даже матрац в каморке, – заискивающе сказала тетя Таня.

Врач пальцем зажал лист и посмотрел на тетю Таню всего несколько секунд, но Антон успел взмокнуть и испугаться за свою жизнь. Ни в машине, ни дома он так не боялся, как в этот момент. Именно таким задумчивым взглядом – что был у врача – смотрят, когда обдумывают важное решение. Антон почувствовал, что в этот момент решалась его судьба. Не тогда, когда его, вместе с чемоданом, затолкали в машину и не тогда, когда он выливал на Настю ил, а теперь. Его судьба, его жизнь в руках этого толстого, маленького врача.

– Ну хорошо, – улыбнулся он. – В пятой палате лежит парень. Он совсем плох, со дня на день должен отдать концы. Ты ведь у нас не из брезгливых? – усмехнулся он, переведя взгляд с тети Тани на Антона.

– А если оклемается? – встревожено спросил дядя Миша.

– То я назову это чудом и побегу в церковь неистово молиться, – он засмеялся, хрюкнул и замолк.

Тетя Таня и дядя Миша переглянулись, кивнули друг-другу, и дядя Миша осторожно спросил у врача:

– Можно как-то ускорить процесс освобождения койки?
Даже не задумываясь он ответил:

– Это как же? – чуть склонил голову.

– Ну, – замялся дядя Миша, – как обычно поступаем, когда нужно место.

– Ты это на что же меня подбиваешь? – спросил он.

Дядя Миша тупо уставился на него, а заем перевел непонимающий и бессильный взгляд на тетю Таню.

– Ну вот что, – Он засунул блокнот в стол, поднялся с кресла и подошел к ним. – Я думаю вы потерпите. Там ждать не больше двух дней. – Он похлопал дядю Мишу по плечу и пошел к двери, – За это время не только койка освободиться, еще мы выбросим одежду покойного из шкафчика и заменим простыни. А пока попейте таблетки, что я выписывал в прошлый раз, они его успокоят, снимут напряжение, сделают безвольным.

Он открыл дверь, встал на пороге и, улыбаясь, указал на выход.

Уже на улице, еще не дойдя до машины, тетя Таня высказала свои возмущения:

– Ну что помог твой друг? – интонация была насмешливая.

– Я не думал, что он такой прогнивший. Всегда же освобождал койки, когда кому-то надо, – рассеяно сказал он.

– Так там не простым людям, не таким как ты. Дурак, правильно про тебя написали. – Она кивнула на стену.

– Ну ладно тебе, поживет пару дней с нами. Чего так не терпится избавиться? – он разблокировал двери машины.

– А ты забыл, что он вчера с Настей сделал? С твоей дочкой, а? А если бы это не грязь была, а нож? – опершись на дверь машины, нервно высказывала она.

– Это был ил, – поправил её Антон.

Тетя Таня злобно глянула на него, потом на дядю Мишу:

– Вот! – взмахнула руками, словно раскидывала пшеницу по полю, – как разговаривает со старшими!

Она поддала подзатыльник и приказала сесть в машину.

Антон стерпел удар, забросил чемодан на заднее сидение, забрался и захлопнул дверь.

– Ну и куда теперь? – спросил дядя Миша.

– Завезем этого домой, а потом на дачу. Не хочу, чтоб он под ногами путался. – Скомандовала она.

Ехали молча. Антон смотрел в окно на пешеходов и на бездомных собак, сидящих на всех перекрестках.

Его высадили около старой телефонной будке, во двор заезжать не стали, чтобы лишний раз не крутиться – как выразился дядя Миша.

Антон подождал пока машина скрылась за поворотом и поволок чемодан к арке. Не успел он до нее дойти, как услышал знакомый голос:

– Эй, братишка, что у тебя там?

– Сашка! – обрадовался Антон, бросил чемодан и застыл с глупой, бесхитростной улыбкой.

Он стоял у телефонной будки, на нем вельветовая кепка, черные брюки и белая футболка. За ухом папироса, а в пальцах серебристая зажигалка.

– Да так, вещи мои, – Антон пнул чемодан.

– В психушку сдают? – Сашка подошел ближе, он смотрел на чемодан.

– Ага, – Антон горько вздохнул, продолжая улыбаться.

– А чего лыбишься, как будто тебя в цирковую труппу приняли, и ты уезжаешь на гастроли в Париж?

Сашка поднял чемодан, потряс и отбросил к стене.

– Не много у тебя пожитков, – заключил он. – Что думаешь делать?

– Не знаю, – сказал Антон и пошел подбирать вещи, выпавшие из чемодана.

– Оставь их, – одернул его Сашка, – это все мелочь. Как думаешь, когда вернутся твои родственники?

– Они на дачу поехали, а значит не раньше, чем через четыре часа.

– Пойди домой, собери самое необходимое и выходи сюда. Я буду ждать тут. Достану пока трофеи.

– А зачем? – поинтересовался Антон.

– Будем сбегать, – сказал Сашка и закурил сигарету.

Антон выпучил глаза, улыбка стала шире. Он побежал в арку, но вернулся:

– А с этим что делать? – спросил он, указывая на чемодан.

– Отдай бомжу. Тебе это больше не нужно.

Побег

Антон запыхался, шумно дышал, в висках стучала кровь, в груди жгло, а в горле першило. А ведь пробежал всего ничего, какие-то сто двадцать два шага. Или как утверждал Сашка – девяносто один метр. Антону в голову не приходило измерять расстояние в метрах, он считал, что только шаги могут быть неизменным показателем. Сто двадцать два до подъезда, пять шагов в коридоре и шесть в его комнате. Сашка говорил, три шага равны двум метрам. Антон старался об этом не задумываться, ведь если пытался посчитать сколько метров пройдено, то путался и сбивался и тогда приходилось возвращаться, чтобы отсчитать шаги.

В правый башмак попал камешек, через дыру в подошве. Должно быть еще тогда, когда волок чемодан по мелкому гравию к крыльцу больницы. Только теперь он дал о себе знать, покалыванием и беспрестанным перекатыванием от мизинца к большому пальцу. Антон не стал останавливаться, расшнуровывать ботинок. Уж лучше немного потерпеть и вытряхнуть камень в квартире. А чтобы меньше наступать на ногу с колючим камнем, он решил перепрыгивать по несколько ступеней. Протянул руку, ухватился за периллу так далеко, как смог дотянуться и дернул, одновременно оттолкнувшись ногами.

До этого дня у него получалось перепрыгнуть только пять ступеней, шестая никак не хотела покоряться, то соскальзывала одна нога, то обе, то носки запинались о край и тогда Антон падал и больно бился не только коленями, но и руками о решетку перилл. Теперь же, шестая ступень не только покорилась, но и осталось место между пятками и краем. Там бы легко поместился стакан. Почему-то Антону на ум пришел именно стакан. Наполненный до краев отстоянной на солнце водой. Он легонько отодвинул пятку, опрокидывая вымышленный стакан, представляя, как он звонко раскалывается, а вода расплескивается и темнеет, словно кровь.

Антон становился сильней и выше. Росли ноги, росли ступни. Он чувствовал, как упирались большие пальцы в носки башмаков. Еще немного и нужно будет менять обувь, иначе пальцы проткнут тонкую, старую материю башмаков, доставшихся по наследству от Насти. И тогда тетя Таня не сможет их продать в какую-нибудь малообеспеченную семью, у которой финансовые дела обстояли еще хуже, чем у них.

Он уже стоял на площадке у входной двери и боролся с искушением постучать, дожидаться пока Настя откроет дверь и оттолкнуть, так, чтобы ударилась затылком о стену, как на ум пришли вопросы: «если я подрос, значит шаг стал шире? Значит нужно перемерять все расстояния?» От этих внезапных мыслей, а может от нехватки воздуха, тяжелого дыхания и ускоренного сердцебиения, закружилась голова. Он

согнулся, уперся руками в колени, вдыхал носом и сдержанно выдыхал через рот. Значит всё же Сашка прав и нужно считать расстояние не в шагах, а в метрах.

Антон подгибал пальцы на ногах, но они все равно врезались в носки башмаков и вздымались, словно бугры перекопанной земли. Тетя Таня разозлится, узнав, что нога Антона выросла и не помещается в обувь, будет кричать и злобно махать руками. А когда волна ярости спадет, достанет старую обувьку Насти и бросит под ноги Антону. И дай бог, чтобы это были кеды или кроссовки, а не туфли на каблуках. Хотя какое это теперь имело значение, ведь он сбежит и больше никогда не увидит тетю Таню.

Он еще раз шумно выдохнул и постучал.

Настя открыла дверь почти сразу, после первого же стука, чем удивила Антона. Он привык к долгим ожиданиям и не надеялся попасть в квартиру раньше, чем досчитает хотя бы до восьми. Именно столько секунд уходит на то, чтобы поднять задницу с дивана, сунуть ноги в протертые тапки и подойти к двери. Дальнейшее ожидание могло растянуться на долгие минуты, все зависело от настроения того, кто стоял за дверью и молчаливо смотрел в глазок.

В этот раз дверь открылась на третьей секунде. Антон не сразу вошел. Смотрел в дверной проем на удаляющуюся спину Насти и по привычке продолжал считать в пол голоса. На счет десять толкнул дверь и вошел. Скинул обувь, неряшливо разбросал по прихожей и быстрым шагом прошел в свою

комнату.

Настя готовила. Воздух пронизывали запахи лука, вареной курицы и перца. В животе заурчало, кольнуло под ребрами, желудок свело от боли. Антон положил ладонь на живот, поморщился и застонал. Словно обтянули желудок проволокой и сунули в морозильник. От голода организм начинал переваривать себя, громко урча и чавкая. Единственное спасение от болей – закинуть что-нибудь съестное. Антон готов был съесть даже стряпню Насти, к которой бы ни за что не прикоснулся в другое время. На мгновение мелькнула мысль о зубной боли, которую он испытает, когда будет жевать вареную курицу или что там готовила Настя. Голодные боли до такой степени вскружили голову, что он совершенно позабыл, что гнилого зуба больше нет, болеть нечему.

Он опустил на колени и, стараясь не замечать боль в животе, подполз к кровати. Выкатил аквариум и подтянул коробку со сломанными игрушками. Игрушки его не интересовали, он перерос тот возраст, когда при мысли о побеге в первую очередь задумываются о игрушках, которые нужно взять с собой. Он искал дорогие вещи: рогатку, старательно закопанную от чужих взглядов на самое дно коробки и лампочку отца. Там же был пакетик с гайками, свинченными с забора у заброшенной, недостроенной больницы.

Откинул пластмассового солдатика, с покусанной кошкой рукой, отбросил машинку без передних колес, отставил в сторону медведя с отрезанным ухом, и в куче деталей от кон-

структора откопал рогатку. Она была идеальной формы, выточенная из осины, обвязанная черной изолентой, чтобы руки не скользили, а на резинке, по центру продет прямоугольный кусок кожи, срезанный с куртки, найденной в коробках с абрикосами, под аркой дома. Тогда Антону попало от дяди Вали, заметившего эту куртку, но зато получилась отменная рогатка. Он мог попасть в банку из-под пепси с расстояния в тридцать шагов. И гайка нисколько не потеряет в скорости, проделав дырку в банке. Сашка предлагал поставить две банки рядом и пробить одним выстрелом, но вторую банку найти оказалось не просто. Оставили эту затею на другой раз.

Рогатку сунул за пояс, пакетик с гайками положил в карман. Поднял безухого медведя, перевернул, раздвинул шов на спине и достал лампочку. Убрал её во внутренний карман шорт.

Огляделся, прощаясь с комнатой, в которой прожил последние пять лет. Говорят, в такие моменты у людей возникает чувство тоски и горести. Закрадывается маленький, но зубастый зверек, называемый сомнением. Если дать ему волю, подкармливать думами о будущем и правильности выбора, то зверек быстро растёт, глубоко вгрызется в мысли, выжирает решения, только что казавшееся верными. В конечном итоге он парализует волю, и тогда мысли о смене места жительства не просто отпугивают, но повергают в ужас. Человек безвольно бросает полный чемодан и, не отдавая отчет-

та своим действиям, раскладывает по полочкам опустевших шкафов собранную одежду.

У Антона привязанности к месту не было, он не страдал и не раздумывал о будущем. Ему было все равно где жить, лишь бы не тут. Он не намеревался сюда возвращаться, а если ему суждено умереть молодым, то не тут, не в кругу нелюбимых родственников. Если бы в его мыслях начало появляться сомнение, то долго оно не прожило, его прихлопнул другой зверь, больше и кровожадней. Этот зверь не терпит конкуренцию, выжирает всех соперников. Имя ему – ненависть.

Вышел из комнаты и еще не дойдя до прихожей, из зала услышал, как скребется кошка. Она зарывала что-то на полу у входной двери. Антон медленно, настороженно вышел в коридор. Кошка ходила кругами у его ботинка и интенсивно копала воображаемый песок. Через дырявую подошву просачивалась моча и тонкой струйкой текла по покатоному полу в сторону ванной комнаты.

– Ах, ты, сволочь... – прошептал Антон, поднял кошку за шкурку, отнес в ванну и ткнул мордой в лоток. Он давно хотел так сделать, давно хотел научить наглую морду ходить в туалет, а не в ботинки, но боялся тети Тани. Если бы она увидела, как Антон воспитывает животное, то скорее всего, следом за кошкой, полетел лицом в лоток. Теперь же бояться некого, даже если Настя увидит и расскажет тети Тани, то Антон к тому моменту будет далеко. Он помыл руки, вышел

в коридор и запер дверь в ванну, оставив кошку наедине с лотком.

Поднял мокрый ботинок, поднес к лицу, поморщился. В носу защипало, а глаза заслезились. У шкафчика, который поставили персонально для вонючей обуви Антона, стояли лакированные красные туфли на шпильках. Их купили день назад Насти. Антон занес свой старый ботинок над туфлями и перевернул, выплескивая котиную мочу.

– Сколько раз тебе говорила, ставить свою обувь в шкаф? – передразнивая тетю Таню проговорил Антон.

Далее он швырнул ботинок об стенку и открыл дверцу второго большого шкафчика. На стене осталось пятно. Скорее всего его уже не вывести, оно подсохнет, пожелтеет и останется на память об Антоне. В шкафчике хранилась обувь тети Тани, дяди Миши и Насти. У каждого своя полка. Антон сунул руку в глубину средней полки и выудил кроссовки дяди Миши. Они конечно же были велики Антону, но зато новые и красивые. А то что велики – не беда, теперь его нога будет расти быстро и очень скоро он сможет перепрыгнуть сразу семь ступеней, а в этих кроссовках и все восемь. Глаза блестели, а уголки губ подрагивали. Пусть он сдерживал радость на лице, но в душе улыбался так широко, что ненароком мог порвать губы, если бы у души они были.

Прежде чем сунуть ноги в кроссовки, хорошенько протер ступни. Между пяткой и задником помещалось три пальца. «Всего-то» – подумал Антон и вышел в подъезд. Перед тем

как хлопнуть на прощанье дверью, так, чтобы штукатурка с потолка посыпалась, он услышал голос Насти. Она напевала. Некоторые слова произносила тихо, так, что они терялись в звуках улицы из открытого окна подъезда. Но даже не разобрав всех слов, он смог вспомнить где слышал мотив. Там, у пруда, в зарослях камыша.

Он не заметил, как вошел в квартиру, прикрыл дверь и, словно замороженный песней факира змей, поплыл на кухню.

Она стояла у плиты, спиной к Антону, молчала. Часто мешала и пробовала на вкус. Нос защипало от съестных запахов, а в животе громко заурчало. «Сейчас бы съел всю кастрюлю», – подумал он. Только теперь он задался вопросом: «а зачем я сюда пришел?» и тут же нашел ответ: «конечно для того, чтобы позлить Настю, чтобы она увидела какая обувь на ногах, чтобы рассказала дяде Мише, а тот покраснел и надулся от злости и бессилия».

Настя обернулась, словно услышала мысли Антона. Ложка застыла у края кастрюли. Из нее валил густой дым, словно там варился гудрон или асфальт. Через съедобные ароматы, будоражащие желудок, заставляющие его изрыгать кислый привкус, Антон разобрал тонкий запах гнилых водорослей. Все-таки правду говорят про ил, от его вони не легко отделаться. Губы сами по себе растянулись в улыбке от мысли, что он пометил Настю, почти как кошка метила его ботинки.

– Что надо? – спросила слегка раздраженно. Ответа не

требовала и не ждала. Скорее это была просьба уйти из кухни, оставить её одну.

– Ты только что пела? – спросил он.

– Чего? – уставилась не понимающе, – я по-твоему, что дурочка с какой-нибудь передачи типа «пой, детка, пой»?

Антон подумал: «показалось. Да и откуда ей знать слова той песни, её то там не было». Подошел к столу, раз уж Настя не обратила внимание на обувь, то хотя бы заберет всю еду, что найдет – не зря же он вернулся. Будет что перекусить в бегах. Черт знает, когда теперь удастся поесть.

В пакете лежало полбулки хлеба, рядом яблоко, с застывшими на красных боках блестящими капельками воды. Оно походило на то, которое съела красавица, прежде чем погрузиться в сон. Рядом с яблоком шоколадная конфета, вроде «красная шапочка» или «мишки в лесу». Антон не особо разбирался в названиях, ему нравились любые шоколадные конфеты. Когда удавалось раздобыть такую, времени на чтение оберток не было, нужно быстрее разворачивать и съесть, пока не отобрали.

Он смотрел на конфету с синей оберткой и чувствовал, как во рту скапливается слюня, словно смотрел на лимон. «С вафельной прослойкой», – подумал он.

Должно быть яблоко и конфета – обед Насти. Она могла себе позволить сначала съесть похудательное яблоко, а затем закусить сладким, восполняющим утраченные калории. А суп – если это можно назвать супом – варила для других.

Сама есть его не собиралась.

Интересно, а когда она будет откусывать от конфеты, то какой запах ударит в нос: шоколада или ила? Он надеялся, что она еще долго не сможет наслаждаться запахом и вкусом еды, а во рту, в горле и носу будет стоять омерзительный дух перегнившей плоти мальчишек, убитых кикиморой.

Антон потянулся к хлебу, украдкой поглядывая на затылок Насти. Когда пальцы коснулись шуршащего пакета, замер, представил кипящую от ярости тетю Таню, узнавшую, что Антон забрал продукты. Внизу спины похолодело, в ушах загудело, а перед глазами поплыли мушки. Чуть было не убрал руку с пакета, но быстро совладал с секундной слабостью, выбросил образ тети Тани, помотал головой, прогоняя испуг, поднял хлеб и громко объявил:

– Я забираю хлеб!

Делал вид, будто его не интересовала реакция Насти, но сам поглядывал в ее сторону, пытался унять трепыхающееся сердце, привести рваное дыхание в норму, стараясь не обращать внимание на запах супа, сводящий желудок с ума.

– Мне плевать. – Она обернулась, подняла ложку ко лбу. На лице ухмылка, глаза блестели. С ложки текла зеленая капля. Она оскалилась и спросила, – хочешь попробовать мой фирменный суп?

– Нет, – растерянно ответил Антон и замотал головой, борясь с жгучим голодом. Не хватало еще Насти решить, что ему что-то от нее нужно. Лучше уж умереть с голоду, чем

признаться, что хочет её суп.

– Гороховая похлебка со шпинатом, – сказала она и слизнула стекающую каплю.

Чтобы побороть желание подойти к плите, оттолкнуть Настю, вырвать из ее рук ложку и слопать все, что было в кастрюле, ему пришлось представить, что там не суп, а горячий, бурлящий, черный ил, приправленный сломанными панцирями улиток. Вот он засовывает в рот ложку, а между зубов застрекает частичка футболки съеденного мальчика, а на языке комочек волос, в горло попадает оторванный ноготь с ноги, впивается в желудок и загнивает. Фантазии подействовали.

У Антона заурчало в животе, на языке появился горький привкус. Ему показалось, что вот-вот вырвет прямо на стол или на Настю, уж как повезет. Наверное, желчью и кислотой с слюнями, больше нечем.

Она бросила взгляд на стол, ухмылка сменилась недовольным выражением.

– А где моё яблоко и конфета? – зрачки расширились, щеки покраснели.

Антон убрал руки за спину. Он хоть и сказал только про хлеб, но забрал всё, что лежало на столе и возвращать не собирался.

Она хищно взглянула на руки Антон, прищурилась.

– Отдавай, – повелительно сказала и двинулась на него.

Антон не шелохнулся, сжал скулы и воинственно поднял

подбородок. Напряг глаза, стараясь изобразить на лице презрение и бесстрашие. И судя по удивлению, проскользнувшему в глазах Насти, у него получилось. Она словно оробела, остановилась, не зная, что предпринять. Дернула было рукой с ложкой, с желанием ударить Антона по наглой физиономии, но сдержалась. Казалось, что впервые у нее промелькнула мысль, что Антон может ответить, а получать по лицу она не хотела. А ведь он мог не просто ударить, а мог достать припрятанную банку с илом и влить ее содержимое в рот Насти. Она отступила, на лице отразился испуг.

– Верни, – сказала она, но уже без гонора. Скорее прося, нежели требуя.

– Нет, – отрезал он, почувствовав превосходство. Это случилось с ним впервые. Улыбнулся, сделал резкий выпад, заставив Настю отпрыгнуть к плите, и локтем сдвинуть кастрюлю с конфорки.

Она ахнула, поспешно развернулась и поймала кастрюлю, не дав ей соскользнуть на пол. Но в спешке прикоснулась к конфорке, прожгла рукав кофты, а вместе с ней пострадала рука. Кожа покраснела и на глазах налился большой волдырь. Завопила от боли. Слезы залили глаза и смочили щеки.

– Ты за это заплатишься! – кричала она, рыдая, – Папа упечет тебя в больницу! Сдохнешь там!

Антон не намеревался выслушивать оскорбления, да и сорвавшийся от крика голос Насти не ласкал слух. Вышел с кухни.

– Куда пошел, псих! Скоро приедут родители, будешь ждать их в своей комнате. Ты наказан!

Антон усмехнулся, склонился к кроссовкам, поправляя шнурки и произнес фразу, которую мечтал сказать уже давно:

– Не волнуйся, я уйду, и ты меня никогда больше не увидишь.

В груди словно опустело, словно большая машина вывезла мусор и грязь, скопившиеся за последние пять лет. Ему даже показалось, что он резко похудел, стал легким как снежинка. Выпрямился и подпрыгнул, задев кончиками пальцев потолок.

– Погоди-ка! – Настя словно очнулась после недолгого замешательства.

Она нагнала Антона, поймала его руку в тот момент, когда он собирался толкнуть дверь.

– Это что кроссовки отца?

Она глядела так, словно увидела огромную змею. Удивленно и с интересом разглядывая узор на чешуе, но при этом держась на расстоянии, опасаясь укуса.

– Нет, теперь они мои, – Антон дернулся, высвобождаясь от её хватки.

– Но ты не можешь уйти! Смотри, что ты натворил, – она подняла обожженную руку на уровень глаз.

– А мне плевать, – сказал он равнодушно, – приложи лед или знаешь, что... – он взял её за предплечье и придвинул

руку к груди, – вот так, приложи к своему ледяному сердцу. Должно полегчать.

Она не заострила внимание на его колкости, опустила руку и спросила:

– Ты сбегашь из дома? – в её голосе слышалось волнение и даже испуг. Пожалуй, впервые за все время искренние чувства, а не та наигранность и показушность.

– Это не мой дом.

Антон толкнул дверь и занес ногу над порогом, но не успел выйти. Настя быстро сообразила, что дай она убежать Антону, как останется без объекта для насмешек. Некого будет дразнить, не на кого будет жаловаться и издеваться с подругами. Она решила его остановить, а единственное что придумала – наброситься со спины. Пусть это выглядит подло, трусливо, но зато эффективно.

Она прыгнула ему на спину и что есть сил толкнула. Антон почувствовал сильную боль в спине, отдающую в грудь и плечи. Он зажмурил глаза, скривил губы и, выставив вперед руки, вылетел из квартиры. Ударился головой об угол и потерял сознание.

Крысоловка

Очнулся от влажного прикосновения ко лбу. Через слегка приоткрытые веки увидел лицо тети Тани. Она возвышалась словно маяк над морем и водила по его лицу чем-то липким, пахнущим сырым мясом. Суровый взгляд уловил шевеление век Антона.

– Очнулся. Ну, значит ничего страшного, – сказала она совершенно спокойным тоном, которым обычно по телевизору рассказывают о прогнозе погоды за рубежом. Вроде не у нас, но сказать все равно надо, так положено.

За тетей Таней, почти у двери, стояла Настя. Антон видел её расплывчатую фигуру. У него кружилась голова, в глазах стоял туман.

– Он не будет дураком? – спросила она.

– Да куда ж еще дурнее, – ответила тетя Таня и усмехнулась. – Полежит немного, оклемается. Ну а чтоб не буянил больше, дадим таблетку, которую доктор прописал.

Брезгливо, двумя пальцами, Тетя Таня сняла с головы Антона влажную тряпку, которой он недавно мыл пол.

– Намочи ещё и принеси-ка мою сумочку, там, у порога, – распорядилась она, и Настя тут же кинулась выполнять поручения.

Тетя Таня поднялась с кровати, пружины в матрасе вы-

прямилась с облегчением. Она прошла к окну, оказалась за головой Антона, вне поля видимости. Слышно было её тяжелое, прокуренное дыхание, крики птиц за окном и топот Насти в коридоре.

– Я ей не говорила. И не хочу, чтобы она знала раньше времени. Привыкла она к тебе. Ну знаешь, примерно, как ты к своему хомяку.

Антон не видел, но знал, что она смотрит в окно. Может быть в стекле даже отражается кровать и макушка его головы. Но вряд ли она смотрит на его отражение, скорее взгляд бегаёт по автостраде, а может по завешанным окнам трехэтажного памятника архитектуры.

– До сих пор не понимаю куда ты его дел. Да это и не важно, все равно ему не выжить без тебя. А Насти заведем собаку. Сосед на даче отдает щенка. Ушастого, игривого.

Антону, показалось, что она улыбнулась. Не злорадно, как обычно, а чуточку тоскливо.

– Быстро забудет про тебя. Ну а если будет спрашивать, то скажем, что перевезли в другой город. Такое бывает, больных перемещают между больницами.

Антон смотрел на потолок. Из трещины в штукатурке выглядывал паук. Черный, с волосатыми лапками. Туман в глазах прошел, головокружение еще оставалось, а на щеках появились соленые капли. Они щекотались, медленно сползая к подушке. У него болела спина и лоб. Прикоснулся пальцами выше переносицы и тут же отдернул руку. Жгло, как буд-

то притронулся к углям.

– Ну а если ты когда-нибудь выйдешь, то нас уже тут не будет. Переедим. На вашу квартиру нашелся покупатель, больше нет нужны в арендаторах. Пусть много не дают, но хоть что-то.

Антон давно не слышал, чтобы тетя Таня так много говорила. Последний раз перед тем, как впервые положить его на лечение.

Зашла Настя, принесла сумку. Печально взглянула на Антона, словно знала, что его ждет дальше. А может слышала разговор, все ж стены в квартире не из железа. Подняла перевязанную руку и приложила к губам, зажмурила глаза, показывая, как ей больно.

Тетя Таня вернулась к кровати, пружины со стоном приняли её толстую задницу. Кривые пальцы, с обломанными ногтями и маникюром сделанным полгода назад, вынули маленькую розовую таблетку из упаковки и всунули ее меж сухих губ Антона. От ее пальцев пахло землей. Она запрокинула ему подбородок, помогая проглотить. Антон сглотнул. Таблетка застряла, а вместе с тем по горлу разошлась горечь от начавшей растворяться розовой оболочки. Горечь усиливалась, горло немело, словно от укола дантиста.

– Ну вот и все, – объявила тетя Таня, – теперь должен проваляться два дня, как раз до назначенного часа.

Положила на лоб липкую холодную тряпку, пахнущую сырым мясом и свежим бетоном и вышла из комнаты.

Как остался один, долго не думая, сунул два пальца в рот, достал до корня языка и как только начался рвотный позыв, уткнулся лицом в подушку и укрылся одеялом, заглушая звуки. Таблетка вышла, но не вся, верхний слой успел раствориться, всосаться в кровь. Антон решил, что эта мелочь никак не скажется на его самочувствие, ведь основа таблетки всегда в центре, а оболочка нужна только для придания вкуса.

За окном было светло, а значит он провалялся без чувств не долго. Может час или меньше. Наверняка, как только Антон упал на подъездный пол, раскинув руки, как мертвый, Настя вызвонила тетю Таню и та примчалась, бросив не досаженные цветы у теплицы. Еще бы, не дай бог доченька убила брата, пусть и не родного. А если бы убила, как поступила тетя Таня? Затащила его обмякшее тело в ванную, расчленила, а потом по кусочкам выносила ночами к речке. Его бы даже искать не стали. Разве что Сашка.

А ведь он все еще стоял у телефонной будки и ждал его.

Голова была тяжелой, словно арбуз, шея затекла. Он спустил ноги с кровати и попытался встать. Комната поплыла перед глазами, затошнило, в желудке что-то дернулось и поползло ввысь. Он немного постоял с закрытыми глазами, держась за голову. Помутнение прошло, тошнота тоже. Поднялся на подоконник, открыл окно и несколько раз шепотом позвал брата. Сашки на улице не видно. Позвал еще, на этот раз громче. В ответ посигналил какой-то лихач с автострады.

Слез на пол и заметил чемодан с торчащим из дырки носком. Он стоял у шкафа. К нему приклеилась грязь и коричневые листья клена. Антон проверил карманы шорт, лампочка и мешочек с гайками были на месте, а вот рогатки за пазухой не оказалось. Он бегло осмотрел пол, кровать, заглянул под нее, в надежде, что рогатка выпала, когда его обмякшее тело волокли по полу. В комнате ее не было. Гоня мысль о том, что рогатку забрала тетя Таня, он вышел из комнаты.

На диване сидела Настя, смотрела ток-шоу про потерявшихся на острове. Она почувствовала на себе взгляд, а может увидела отражение Антона на экране. Повернулась, натянуто улыбнулась и поднялась с дивана.

– Как самочувствие? – спросила она.

Антон прищурился, оглянулся. Никаких звуков, кроме шума океана на экране не слышно. Должно быть в квартире больше никого не было. Должно быть тетя Таня уехала досаживать цветы. Конечно, ведь дурачок оказался жив и даже лоб не расшиб, переживать не за что, пила и топор для разделки туши полежат на балконе до следующего раза.

– Ты меня слышишь? – она щелкнула пальцами, привлекая внимание, – как самочувствие?

Вопрос Насти, её заинтересованность здоровьем и казалась не поддельная забота, заставили Антона напрячься и заподозрить подвох.

– Да не волнуйся. Мама уехала и сказала, чтобы я следила за тобой. Иди сюда, присаживайся на диван.

Антон сел, продолжая взглядом обследовать пол коридора и прихожей. Рогатки не видно. Настя плюхнулась рядом.

– Мы ведь с тобой никогда не общались как брат с сестрой, – говорила она, – наверное грустно тебе, наверное, одиноко. А хочешь я стану твоей подружкой?

Она поправила его челку, как-то небрежно, как-то прездительно. Антону туту же захотелось помыть голову, расчесаться и надушиться одеколоном дяди Миши, чтобы выветрить запах Настиных рук, пропитанных илом. Он скрипнул зубами, пересиливая желание ударить ее по больной, забинтованной руке.

– Расскажи, почему ты вздумал сбежать?

Антон смотрел на красный огонек под экраном телевизора, концентрируя внимание на нем, сдерживая позыв повернуться к Насте лицом, плюнуть и зло прокричать, что это не её дело.

– Ну не бойся меня. Я ведь помочь хочу.

Она говорила ласково, как продавец новой дорогой машины, пытающийся продать её простому зеваке, зашедшему в магазин, чтобы погреться. Антон не отводил взгляд от красной точки. Только теперь он заметил, что она горит не постоянно, а периодами (каждые пять секунд) мигает. Слабо, так, чтобы не отвлекать от просмотра телевизора.

Антону все же удалось отвлечь внимание на точку так, что речь Насте превратилась в шум, слилась в общий поток со словами людей на экране. А может дело не в точке, а в по-

сторонних мыслях о продавце машины. Как бы там ни было, следующий вопрос Насти вывел его из состояния оцепенения, словно умелый рыбак выдернул жирную рыбу из пруда.

– А хочешь, помогу сбежать?

Он перевел на нее взгляд и несколько раз моргнул, помогая глазам сфокусироваться на лице Насти. Уголки губ чуть дрогнули, она наклонила голову и поправила волосы, проведя ладонью от лба до шеи. Убедившись, что Антон её слушает, что теперь смотрит на неё, затараторила так, словно ей платили за каждое сказанное слово.

– Мама не знает. Я ей не расскажу. Она сказала, что ты проспишь два дня. Она не будет к тебе заглядывать, возможно даже забудет о твоём существовании.

Остановилась, глубоко вздохнула и уже не торопясь спросила:

– Ты собирался бежать один или у тебя есть друг?

– Один, – выдавил он.

– А да... – она осеклась, не завершив мысль. Но выпученные глаза и приоткрытый рот беззвучно продолжили: «у тебя ведь нет друзей, ты ведь дурачок, с которым никто не хочет связываться.»

Антон разозлился, вцепился в край дивана с такой силой, что захрустел дерматин. Губы Насти дрогнули, а испуганный взгляд суетливо забегал по комнате, ища спасения. Она закрыла рот, снова открыла, словно рыба из того мультика. Антон так и не смог вспомнить название. Неразборчиво за-

мычала, вскочила с дивана и широким шагом пошла в прихожую. Только там совладала с испугом, словно близость к входной двери успокаивающе подействовала на неё. Можно подумать она бы успела выскочить, прежде, чем Антон схватит её за косу и дернит, сбивая с ног.

– Пошли я тебя провожу до улицы.

– Где моя рогатка? – злобно спросил он.

– Её забрала мама, – закатив глаза сказала она.

Прежде чем последовать за ней, Антон поднял с пола коробок спичек, валяющийся рядом с наполненной пепельницей. Раз не смог увести кроссовки, так хоть что-то заберет у дяди Миши, хоть немного да насолит ему.

В прихожей стояли старые ботинки Антона и кроссовки Насти, остальную обувь спрятали. Ну и ладно, решил Антон, главное сбежать, а в чем не так важно, можно и босиком.

Вышли в подъезд и только теперь Антон спросил:

– Зачем тебе это?

– Ну знаешь, я поняла, как тебе было больно все это время, только, когда получила ожог. Совесть замучила, что ли. – Она улыбнулась мягко, не натянуто. Но от высокопарных слов сквозило наигранностью, притворством.

Антон не поверил ни одному слову, а подозрительный взгляд уловил странную выпуклость у Насти на поясе. Очень похоже на то, когда Антон прячет под футболкой рогатку. «Обманула!» – ошарашенно подумал он, как будто до этого момента Настя никогда его не обманывала.

Но зачем, в чем конечная цель? Антон подумывал ударить её сзади по голове и вернуть рогатку. Но бить со спины подло, пусть даже такую лживую, лицемерную кикимору. Пока он раздумывал как вернуть свою вещь, они дошли до подъездной двери.

На улице ложь Насти было уже не скрыть. Она решилась ему помочь не из-за добрых побуждений. Она заманила в ловушку. На скамейке сидели её подруги, а рядом стояли еще три парня из их класса, старше Антона на три года.

– О! А вот и наш дурачок! – встретили его восторженные возгласы одних, а другие укоризненно мотали головами и жаловались, что слишком долго пришлось ждать, пока Настя выведет Антона.

– Да я решила втереться ему в доверие, – оправдываясь говорила она.

Кроме группы подростков во дворе никого не было. Даже всегда сидящие на скамейке бабки словно испарились по желанию Насти.

– Ну что, начнем охоту! – у самого высокого парня блеснули глаза. Он поправлял лямки рюкзака, в котором что-то звенело, словно грудa железа.

– Дадим ему небольшую фору. Скажем, минуты две, – сказала толстая подруга Насти, та, что била его по животу в темном подъезде.

– Ну, – заворчал другой парень, в очках, – мы и так прождали целую вечность.

Остальным понравилась предложение толстой, и они почти единогласно проголосовали за него. А тот, что в очках недовольно пнул ногой по скамейке.

– А теперь, беги, – шепнула Антону на ухо Настя и толкнула в спину. Да так сильно, что он запнулся и чуть было не упал.

– Беги! Беги! – заголосили друзья Насти.

Парень с рюкзаком поднял с земли толстую палку с сучьями. Худая подруга Насти (каланча) кинула зажженную спичку в пузо Антона, а третий парень, в майке с нарисованным на груди драконом, кричал громче остальных и активно жестикулировал, надвигаясь на Антона, словно ворона на воробья.

Он побежал, выбора не оставалось. Если бы остался на месте, то непременно получил палкой по спине и обзавелся несколькими новыми ожогами от сигареты. И уж наверняка не обошлось без поломанных костей, а может и выбитого глаза. Он где-то слышал, что злость и агрессия быстро распространяются в толпе, словно цинга на корабле. Если начнет бить один, то подхватят другие и уже не остановятся, пока от жертвы не останется кучка воняющего мяса. А беззащитность, безропотность и стоны еще сильнее вводят в кураж, тогда ботинки становятся тяжелей, кулаки больше, а палки длинней.

Он побежал к арке. Вернее, бежал туда, где попрощался с Сашкой и где они договорились встретиться. Антон думал

о ноже брата, о том, что его длинное кривое лезвие легко сможет испугать друзей Насти и обернуть в бегство.

У телефонной будки остановился. Сашки не было. Не было даже простых прохожих. Совершенно никого, словно вся округа вымерла. Он обернулся, услышав свист, крики и топот. Охота началась. Страх кольнул одновременно в живот и копчик, а по спине прошел жар, словно от палящей спички или окурка. Остаться на месте нельзя. Не думая, не отдавая отчет своим действием он побежал в сторону от лужи, от ларька и автострады. Если бы не страх затуманивший рассудок, то он догадался, что бежать надо к людям, к дороге. А там, кто-нибудь да и остановится, увидев, как толпа разъяренных подростков, размахивая палкой, гонится за одним.

Он свернул на заросшую сухой травой дорогу, туда, куда никто не пойдет в здравом уме. Забежал во дворы недостроенных пятиэтажек. Целая вереница домов с черными отверстиями вместо окон и заколоченными подъездными проемами. Грандиозный проект конца прошлого столетия, расселение малых народов северных земель – так называли постройку из двадцати однотипных серых домов тогдашние руководители города. Примерно тогда же проект свернули, а стройку законсервировали.

Антон устал, запыхался, замедлил бег. За ним никто не следовал. Потеряли, ушли в сторону автострады, решил он и перешел на шаг. Немного отдохнет и дальше бежать, две минуты форы – что капля варенья для навозной мухи, перед

тем, как раздавить газетой.

Ветер гонял по пустому двору желтую листву, где-то звенели цепи и гроыхал ковш экскаватора. Антон беспрестанно озирался, ему казалось, что за спиной молчаливо, бесшумно бегут друзья Насти. Еще пара широких шагов и нагонят, ударят с размаху палкой по спине, да так, что треснет не только палка, но и спина. Как далеко они уйдут, прежде чем поймут, что идут не в том направлении? А может уже догадались, куда делся Антон, может пригнувшись следуют за ним, ведут подальше от людей, туда, где кроме крыс никто не ходит.

Длинные типовые пятиэтажки безмолвно наблюдали черными просветами оконных проемов, иногда Антону казалось, что он видел фигуру, мелькавшую в окнах. В такие моменты сердце словно превращалось в теннисный мяч и колотилось о грудную клетку, как о стену. Он слышал множество жутких историй, произошедших в подвалах и на чердаках недостроенных домов. И если хоть одна из них правдива, то та фигура могла оказаться любым из десятка маньяков, серийных убийц, похитителей или просто сумасшедших, заблудившихся в однообразных квартирах недостроенных домов. Правильно ли он поступил, зайдя на территорию маньяков? Может стоило развернуться, пока не далеко зашел, вернуться к арке и сдать Насти?

У Антона дрожали колени, а в горле словно завелась жаба. Склизкая, толстая, закупорившая дыхательный проем и не

дающая сглотнуть. Словно отказали мышцы, отвечающие за дыхание, Антон хотел дышать ровно, хотел заглатывать побольше воздуха, но нос пропускал столько воздуха, сколько ему заблагорассудится, а жаба отсеивала еще какую-то часть и в итоге до легких доходил ничтожный глоток, которого не хватало на то, чтобы насытить ноги и успокоить дрожь.

Он почти прошел вторую пару домов, как увидел, поворачивающую из-за угла троицу. В руках одного была палка, а двое других распутывали длинную, толстую веревку, скорее всего найденную на территории стройки. Антон остановился, оцепенев от ужаса, ноги словно вросли в потрескавшийся асфальт, а глаза застыли на покачивающейся толстой палки с сучьями. Медленно, неуверенно, но все же удалось повернуться. Он старался меньше двигаться, чтобы не привлечь внимание, гоня мысли о том, что его уже давно заметили.

Рассудок словно покинул его обреченное тело. Антон смотрел вперед на пройденный путь, видел асфальтовую дорогу, плавно переходящую в заросшую сухой травой, песчаную тропинку, видел недостроенные дома и видел бегущих девчонок. Одна из них даже казалась знакомой. Глаза смотрели, видели, но разум отказывался обрабатывать полученную картинку, сопротивлялся принимать и соглашаться с правдой.

Он оказался зажат со всех сторон: спереди и сзади агрессивные друзья Насти, а по бокам дома.

Был бы рядом Сашка, он уж точно нашел вариант спасе-

ния из этой безвыходной ситуации, подумал Антон.

– Эй, дурачок! Вот ты и попался. Готовься к смерти, – крикнул парень с палкой и побежал, стараясь обогнать остальных, добраться до Антона раньше и нанести первый удар.

Не в силах перебороть страх, сковавший рассудок, Антон действовал инстинктивно. Когда жертва убегает от преследователя, то в голове мелькают такие мысли: «забраться по-дальше, поглубже, потемней. Туда, куда не пролезет большой зверь». То же самое творилось в голове Антона, он превратился в маленького мышонка, бегущего от огромного кота.

Он прыгнул в подвал, по какой-то причине оказавшийся не заколоченным. Удачное стечение обстоятельств, подумал Антон. Чуть прошел в темноте и спрятался за стену, прижался к ней спиной, ощущая через футболку холод бетона.

Ребята собрались у входа в подвал.

– Я туда не полезу, – сказал кто-то из парней.

– Я тоже, – девчачий голос.

– Да давайте, заколотим вход, да и все. Куда он там денется! Крысы сожрут, пооткусывают уши, да пальцы. Остальное доглодают бомжи, да псы. – Антон разобрал голос Насти.

– А вы слышали, что тут живет серийный убийца? – с придыханием сказала подруга Насти, вроде бы каланча. У толстой голос грубее.

– Да все про это слышали. – Ответил парень, вроде бы тот, что возмущался у подъезда. – Все это – чушь.

– Ага, как же, – не соглашалась каланча. – Мама говорила, что три года назад в подвалах нашли много человеческих костей, а совсем недавно обглоданную женщину.

– Обглоданную? – усмехнулся парень.

– Ноги до костей. Когда нашли, она еще была живая. Все повторяла про какого-то крысолова.

– А... – протянула толстая подруга Насти, – я слышала про маньяка, которого прозвали крысоловом. Он вроде бы переловил всех крыс в округе, рассадил в клетки и подкармливал человеческим мясом.

– Тьфу, – сказал парень с палкой, – я бы этого крысолова палкой приложил так, что кишки из носа полезли.

Антон не видел, но решил, что он махнул палкой по воздуху, показывая, как бы разделался с маньяком.

– Антоша! – ласково позвала Настя, – выходи. Или останешься с крысоловом наедине.

Они засмеялись. Все сразу. Так противно, что Антон зажал уши и прищурился.

– Ладно, тащите фанеру. Будем забивать. – Скомандовала Настя. – Черт с ним. Не хочется пропустить «Здоровое питание».

– О! – воскликнула толстая, – а ты смотрела ту серию, где говорили, что в воду надо добавлять растительного масла?

– Конечно, – откликнулась Настя, – но тебе то что с того? Тебе и банка масла не поможет.

Они вновь все засмеялись, а Антон снова зажал уши.

– Хорошо, что я прихватил с собой молоток. Как знал. – Сказал тот, что был с палкой.

Так вот что у него звенело в рюкзаке, подумал Антон. Молоток, гвозди. Поди еще лом прихватил и топор с пилой, вдруг бы пришлось расчленять забитого палкой Антона.

Тяжелая фанера легла на проем, загородив свет. В подвале стало темно, почти так, как в доме пуговичного человека. Гвозди скрипели, когда пробивали фанеру и дверную коробку. Когда последний гвоздь вбили, Антон наощупь подошел к проему и попытался выбить фанеру. Она не поддавалась. Заколочено на мертво, словно крышка гроба. Отошел на несколько шагов и с размаху врезался плечом. Фанера даже не шелохнулась. С улицы раздались смешки.

– Антоша, попробуй головой, она ведь у тебя деревянная как таран, – это Настя веселит друзей.

Антон достал из кармана коробок и поджог спичку. В темноте показались желтые глазки, которые тут же спрятались. Шорох и звук, похожий на удары острых коготков о бетон. «Крысы», – решил Антон, а значит все эти байки про крысолова – вранье.

Он провел спичкой по периметру дверного проема. Внизу, справа он заметил небольшую дырку. Примкнул лицом к ней. Разглядел ребят. Они курили.

– Думаешь сможет выбраться? – говорила толстая подруга Насти.

– Фанеру не сдвинет. Если только найдет другой выход. Но

для этого придется пройти весь подвал. А ты не забывай, что там множество канализационных ям, червей и самое страшное...

Парень с палкой в руке запнулся, глянул на дырку, откуда смотрел Антон. Подошел и пнул по фанере.

– Показалось, наверное, – сказал он, возвращаясь к ребятам.

– Дежурить не будем? – спросил кто-то из девчонок, вроде бы каланча.

– Не. Он не выберется. А если выберется, то уже не будет прежним.

– Безухим и беспалым, – загоготала толстая.

– Смотрите, что я у него забрала! – сказала Настя и достала из-за пояса рогатку.

– Ого, дай гляну, – протянул руку парень, в очках.

– Че на нее смотреть, – дернула рукой Настя, бросила рогатку на землю и ударила по ней кирпичом. – Вот так Антоша, это тебе за ожог на руке и за то дерьмо... – вовремя осеклась. Ведь если ребята узнают, что Антон вылил на нее ил, то будут смеяться до конца жизни.

Выбросили окурки, швырнули палку с сучьями в фанеру и разошлись.

Антон еще раз ударил плечом, пнул, а потом бросил в фанеру кирпич, лежавший рядом. Но та даже не треснула, а вот кирпич напротив, разломился надвое.

Он зажег очередную спичку и осмотрелся. Небольшое по-

мещение, напоминающее коридор квартиры тети Тани, из него три выхода. Он подошел к одному. Там была огромная лужа.

Во втором проеме, прямо со входа – яма, черная, пугающая. Антону послышались стоны, словно в яме кто-то лежал со сломанными ногами и умирал. Он попятился к третьему ходу, поджигая очередную спичку.

Здесь не было ни воды, ни ям, а судя по звонкой капели, доносившейся издалека и по тому, что не видно трех других стен, Антон представил какие могут быть размеры этого помещения. Уж наверняка оно больше зала в квартире тети Тани. Он крикнул и услышал свое эхо, отражающееся от стен. Подобрал кусок кирпича и с силой бросил вглубь. Он гулко упал на землю, даже не долетев до стены. «Да, оно больше зала», – утвердился Антон в своей мысли.

Поджог спичку, вытянул руку как можно дальше. Ничего кроме серого пола и такого же потолка не увидел. «А ведь если там кто-то есть, то видит спичку и видит мое лицо в свете огня», – подумал Антон и торопливо задул огонь.

Он не знал, что делать. То ли сесть на пол рядом с заколоченным входом и ждать помощи, то ли идти вглубь подвала, в надежде найти выход. Вернулся к фанере, облокотился на нее и спустился на пол. Если бы найти хоть что-нибудь, что может гореть, что можно использовать как факел... «Фанера!» – пришла мысль. Обернулся, чиркнул о коробок и поднес спичку. «Ну давай, гори!» – умолял он, но фанера не го-

рела. Черт знает из чего она сделана.

Выглянул через дырку на улицу. Пусто. На земле лежала сломанная рогатка и палка с сучьями, которой хотели бить его по спине.

– Эй! – крикнул, прислонившись губами к дырке.

Никто не ответил, не слышно приближающихся шагов и даже смеха Настиных друзей. Они разошлись по домам, оставив Антона умирать в заточении. Уж наверняка Настя сидит на диване и смотрит передачу для тупых: «Здоровое питание». А эти её подружки курят в подъезде собранные бычки. Тот парень, что махал палкой, сейчас гуляет с собакой и, возможно, бросает ей изгрызенную палку, крича во всю глотку: «Апорт!»

Антон с силой пнул вторую часть кирпича, взвыл от боли, пронизавшей ступню и заплакал.

Вновь задумался насколько одинок, насколько никому не нужен. Вот сгниет в этом подвале, и никто даже не станет искать. Может только через много лет, когда наконец продолжится стройка, найдут скелет, вросший в стенку и покрывшийся плесенью. Еще он думал о том, что у него могли быть друзья, если бы он не был сумасшедшим. Много друзей, столько же сколько у Насти и даже больше. Тогда бы никто не посмел запереть его в подвале, тогда бы испугались угрожать палкой. Десять высоких парней! Нет, двадцать больших, взрослых, таких, что одним ударом переломят фанеру. Тогда бы Настя его боялась, ее подружки и друзья дрожали от

страха при одной только мысли об Антоне.

Слез на долго не хватило, а думы о друзьях закончились тем, что он поймал себя на мысли, что думает не о друзьях, а о телохранителях. Друзья должны быть другими, такими, с которыми интересно ходить в походы, сидеть у костра и травить байки. Они обязательно ругаются, ссорятся, спорят, но добро, без обид и унижений. Один большой и неуклюжий, второй умный, третий задорный и смешной, четвертый сильный, бесстрашный. Они называют друг друга по прозвищам, без имен. В фантазии Антона друзья жарят на костре сосиски или яблоки, пьют горячий, сладкий чай.

Он поднялся на ноги, ударил кулаком по фанере, вытер мокрые щеки, поднял осколок кирпича и пошел искать выход.

Двигался вдоль стены вправо. Несколько лет назад, проходя мимо дивана с сидящей тетей Таней, щелкающей семечки и сплевывающей кожуру прямо под ноги, невольно услышал, как по телевизору рассказывали про теорию выхода из лабиринтов. Лысый однорукий дядька в очках утверждал, что если всегда держаться правой стороны, то рано или поздно найдешь выход. И вот наконец, спустя годы, Антону довелось проверить правдивость той теории на себе. Он не отходил от стены, кирпичом царапал на ней тонкую красную полосу. Часто у Антона возникало ощущение присутствия кого-то еще, будто за ним или рядом с ним движется безмолвная тень. В такие моменты у него сильно давило вниз

живота, а сердце выделявало в грудной клетке такие кульбиты, что им мог позавидовать какой-нибудь цирковой акробат. Тревога нарастала, а когда достигала пика и Антону начинало казаться, что та тень вырастала до потолка, открывала пасть и готовилась поужинать свежим мясом, пропитанным самыми сильными страхами, Антон не выдерживал, резко разворачивался и бил кирпичом по воздуху, поджигал спичку и вглядывался в темноту до тех пор, пока огонь не обжигал палец и не гас.

Он прошел ровно сто шагов, как наконец добрался до угла. Здесь был проход в другое помещение, маленькое, такое же, как первое, с заколоченным входом. А из него четыре хода в такие же мрачные комнаты. Он пошел в правый проем, даже не поджигая спички. Если тот мужик из передачи был прав, то выход должен быть где-то недалеко. Сделал всего один шаг и воткнулся во что-то мягкое и плотное. Отпрянул, оступился, упал. Кирпич откатился в темноту. Антон запищал, словно крыса, пойманная в мышеловку на бесплатный сыр. Ладони вспотели, ноги отяжелели и не желали слушаться, перебирали по полу, словно две умирающие рыбы, выброшенные приливом на сухой берег. Антон не сразу нашел коробок, убранный за пояс, он почему-то рыскал по карманам. Дышал суетливо, так же как поджигал спичку. Первая сломалась, даже не дав искры, вторая вылетела из влажных рук, а третья загорелась, осветив мохнатые рыжие ноги с когтями как у тигра или медведя. Антон затаил дыхание и не

только потому, что замер от страха, но еще и от мерзкой вони из-за которой слезились глаза. Пахло котиной мочой, только не той, которой пахнет лоток кошки тети Тани, а сконцентрированной, сильной, стойкой. Да лоток по сравнению с этой вонью пах божественно.

Антон перебирал одной рукой по полу, ища кирпич, а второй судорожно водил перед собой, держа догорающую спичку. Ноги скользили, словно по грязи или илу и никак не могли найти опору. Дополз до стены и, опираясь на нее спиной, поднялся. Спичка догорела, и Антон пытался унять дрожащие пальцы, чтобы зажечь следующую.

Вспыхнул огонек, Антон увидел мохнатую голову тигра с открытой пастью, торчащими клыками. Желтые глаза хищно смотрели на него. Прежде чем тигр задул пламя, сложив губы дудочкой, у Антона мелькнула мысль, что это чудище стоит на задних лапах, как человек.

Желтые глаза горели даже в темноте. Антон побежал, не разбирая дорогу. Теперь он не придерживался теории выхода из лабиринта, забегал в проемы, которые попадались на пути, но чаще натыкался на стены и словно слепой, бежал вдоль, пока не находил проемы. Если бы он мог в это мгновение рассуждать, то уж наверняка послал куда подальше того лысого мужика в очках вместе с его теорией выхода из лабиринтов.

За спиной слышались звуки царапания когтей о бетон, где-то сбоку глухие удары капли, а спереди глухая темнота.

Антон выпучил глаза, будто бы так он мог видеть в темноте. Но конечно же зоркость от этого не прибавилась, а ночное зрение не включилось, вдобавок глаза щипало, брови устали, отяжелели и подрагивали. Одной рукой он судорожно водил перед собой, а второй придерживался стены, словно слепой, боящийся потеряться. Иногда звуки когтей перемещались, и Антон слышал их сбоку или спереди. Тогда он резко разворачивался и бежал обратно либо отталкивался от стены и устремлялся вглубь помещения, пока не упирался в противоположенную стену.

Он догадывался, что существо, похожее на тигра, играло с ним, как кошка с мышкой. А когда вдруг очутился в светлой комнате, понял, что тигр не просто играл, а заманивал именно в эту комнату. Запах мочи вновь ударил в нос, а из глаз пошли слезы. Антон затаил дыхание и поднял взгляд. В стене небольшое отверстие без стекла и без решетки, Антон вполне мог в него пролезть, вот только достать до него казалось не легко. Оценил высоту до окна примерно в рост тети Тани или на две головы выше его. Он подбежал и прыгнул, зацепился пальцами за карниз, но подтянуться не смог, после долгого, изнуряющего бегства силы покинули, тело ослабло. Он осмотрелся, в надежде найти на что можно встать. Хотя бы ящик или кирпич. Но кроме разбросанной обуви на полу ничего не было. Тут были старые ботинки, туфли, сапоги, кроссовки, кеды, даже тапочки. Разные цвета, разные размеры. Антону в голову пришла мысль об обувном кладбище.

И запах! Этот запах способен разъесть не только глаза, но кожу и одежду. Может быть даже бетонные стены.

В темном проеме, через который он вошел в комнату, горели два желтых огонька, выше уровня глаз Антона. Он не видел тигра, скрывающегося во мраке, но чувствовал смрад его дыхания. Он попятился к окну, наблюдая как желтые огоньки приближаются, становясь больше.

– Сашка! – прокричал Антон дрожащим голосом, догадываясь, что это может оказаться его последнее слово.

Он уперся спиной в стену, над головой окно, манящее дневным светом и воздухом, пронизанным пылью и опавшей листвой. Зажмурился, поднял руки, скрючил пальцы, закрывая ими лицо.

Он успел попрощаться с жизнью и представить, как тигр обгладывает его ноги, а ботинки забрасывает в дальний угол комнаты и метит кислотной мочой, как неожиданно свет на мгновение погас, над головой послышалось шуршание, а затем удар чего-то тяжелого прямо перед ногами.

Перед ним выросла фигура, Антон разжал пальцы и увидел спину Сашки.

– Ну ка, мохнатая тварь, назад! – кричал он и делал устрашающие выпады в сторону желтых огоньков. У него в руке сверкал нож, на спине толстый рюкзак с нашитой желтой летучей мышью.

– Достань в рюкзаке фонарик! – чуть повернув голову, сказал Сашка.

Антон расстегнул рюкзак, нашарил металлическую рукоять фонаря, достал и направил на проем в стене. Нажал кнопку. Яркая вспышка высветила морду тигра с раскрытой пастью и тянущимися к ним передними лапами с длинными когтями. Его глаза сузились, пасть захлопнулась, издав щелчок как при закрытии шкатулки или сундука, а уже через мгновение тигр растворился в темноте, как джин из лампы в детском мультфильме. Некоторое время слышен был удаляющийся цокот когтей о бетонный пол и рев, полный отчаяния и раздражения.

– Как ты меня нашел? – спросил Антон.

– Ты ведь меня звал, вот я и пришел, – улыбнулся Сашка, поднял палец вверх, – я еще и друзей привел.

– Друзей? – растерянно, удивился Антон.

– Ну да, на всякий случай, вдруг бы пришлось драться с твоими обожателями, – он засмеялся и предложил выбираться из подвала.

На перевернутом ржавом ведре, сидел парень, щеками напомнимый Антону Хвичу пятого. А прислонившись плечом к стене стоял худой в очках. Они были примерно одного возраста с Сашкой. У них в руках были зеленые рюкзаки с черными большими молниями.

Двор пустовал, ветер гонял листву, а где-то вдалеке слышался звон цепей и ковш экскаватора, роющего карьер.

– Есть куда бежать? – спросил Сашка.

Антон покачал головой.

– Ну может у тебя есть родственники, живущие вдалеке от города?

Предположение брата быстро натолкнуло Антона на мысль о бабушке, живущей в деревне, за лесом. В памяти одно за другим начали всплывать воспоминания о далеком детстве, в котором еще был жив отец. Вспомнился ржавый трактор, в который Антон любил залазить, злые собаки, стаи гусей и толстые коровы.

Сашка согласился, что деревня – лучший вариант для жизни беглому ребенку. Там-то его никто не станет искать, а если даже догадаются, то можно будет спрятаться в поле или в лесу.

Худой парень, что стоял у стены, достал из рюкзака большую карту, разложил на земле и ткнул пальцем в зеленое пятно.

– Это лес. И он большой. Придется ночевать в нем.

Парень, что напомнил Антону про хомяка, печально вздохнул, но ничего не сказал.

– А это что? – Сашка указывал на желтый крест посреди леса.

– А это лечебница для душевнобольных, но она заброшенная.

– Это та, что проклята? – встревоженно спросил парень на ведре.

Тот, что в очках подтвердил опасения толстого, а тот в свою очередь принялся отговаривать Сашку от поспешных

решений.

Но Сашка уже никого не слушал, он довольно смотрел на Антона, а во взгляде читалось твердое намерение пойти к бабушке через проклятую больницу для душевнобольных.

Проклятие психбольницы

Мишка подкинул в костер гнилое полено. Взметнулись искры, повалил белый дым, а из полена полезли насекомые.

– Нужно идти за дровами, до утра костер не доживет, – сказал он и поглядел на Сашку.

– Толстый пойдет, – распорядился тот и подмигнул Антону, – а мы будем жарить сосиски.

Толстым он называл Кольку, по словам Сашки они когда-то жили в одном подъезде, на разных этажах. Колька делал вид, что на прозвище не обижался, что позволит называть себя как угодно, лишь бы с ним дружили. Антон, как только увидел его пузо, с торчащими боками из потной футболки, маленькие красные глазки и щеки как у хомяка, проникся симпатией. Жалел и называл только по имени, а Колька краснел и улыбался.

Из синей палатки у березы, раздался обиженный голос:

– Я ведь в прошлый раз ходил.

Колька собирался лечь спать, раскладывал в палатке спальный мешок, пыхтел, сопел и часто шмыгал. Покрасневшее лицо выглянуло на улицу:

– Там темно, – озабоченно проговорил он, – и я устал.

Костер освещал небольшую опушку, три палатки и сухие ветви ближайших деревьев. Мишка в очередной раз достал

карту, разложил её на земле и с важным видом склонился, изучая. Он делал вид, что легко читает карту, говорил, что без труда может сказать, где находится. Антону же казалось, что по карте ничего нельзя определить, она изрисована множеством линий: толстых, пунктирных и тонких, еле различимых.

– Ага... как лопать в одного весь шоколад, так нормально, а как идти за дровами, так устал, – буркнул Мишка, не отводя взгляд от карты.

Колька сокрушенно вздохнул и вылез из палатки:

– Я ведь говорил уже, что не могу без сладкого.

Он подошел к костру, с горечью поглядел на сосиски, сглотнул:

– Эти местные, из рубленой говядины. Жарить долго не нужно, а то высохнут.

– Иди давай уже, ты на сегодня свою порцию съел, – заулыбался Сашка.

– А вдруг я повстречаюсь с тем врачом, что порубил больных? – он опасливо озирался, вглядываясь в темные ветви. За спинами зашуршал куст, Колька подпрыгнул, бока и щеки дернулись и затряслись, словно желе, которое мама Антона делала почти на все праздники.

– Нет, – уверенно сказал Мишка и поправил очки. В линзах отражался мерцающий огонь и сосиски, пронизанные прутиками. – Больница далеко отсюда.

– Откуда ты знаешь? – с раздражением сказал Колька, по-

качал рукой, подрагивая пальцами, – из этой своей карты что ли?

– Из неё.

– А может там еще написано про книгу с заклятиями, вызывающими демона ночи? – с издевкой сказал Колька.

– Нет, – спокойно отозвался Мишка, – это просто карта.

Колька снова тяжело вздохнул и пошел в лес. Какое-то время слышалось его дыхание, скрипы ломающихся под ногами веток и шуршание листьев, а потом он умолк. Трещал костер, шипели сосиски, и время от времени кричала вдалеке ночная, одинокая птица. Антон ежился и тянулся ближе к костру, ночной лес оказался морозным, совсем не таким, как представлялся в мечтаниях. В его многолетних грезах было почти так же: костер, палатки, друзья, сосиски и страшилки перед сном. Вот только он не думал, что ночи в лесах холодней, чем в городе.

– Эй, толстяк! – крикнул Мишка и кинул в темноту, в ту сторону, куда ушел Колька, большую шишку. – Далеко не ходи.

Сашка откусил сосиску и с набитым ртом сказал:

– Да не заблудится, если что на запах жареного мяса выйдет.

Жир блестел у него на подбородке и пальцах, языки пламени отражались в глазах. Он выглядел счастливым и беззаботным. Рядом с поваленным сосновым бревном, на котором поместились Антон с Сашкой, лежала ржавая короб-

ка, когда-то бывшая пеналом. В неё легко влез сандаля, подобранный в подвале. От него разлило мочой, а на подошве просматривалась маленькая дырка. От коробки с трофеями веяло морозом. Казалось, стоит прикоснуться к ней, как палец тут же превратится в лед. Антон вновь поежился и втянул шею.

Сашка поймал его взгляд:

– Сожжешь ведь, угли есть придется.

Антон сосиску и поднес к губам. Она вкусно пахла дымом, рот быстро наполнился слюной. Обжог язык и нижнюю губу, отодвинул сосиску и подул на нее.

– Расскажи про больницу и врача-убийцу, – попросил он брата.

– Так толстый уже все рассказал, тебе не надоело слушать одно и то же целый день?

– Я хочу, чтобы ты мне рассказал, у костра, – застенчиво улыбнулся Антон.

– Ну ладно, слушай, – Сашка пододвинулся к брату, взъерошил его волосы и улыбнулся, – сто лет назад в этой больнице работал свихнувшийся врач. У него была книга с заклинаниями для вызова демона и топор, который мог убить демона. Он надеялся приручить демона, как собачку, чтобы тот выполнял его приказания. Собирался держать его в страхе, грозя топором. Но демон обхитрил врача, перебил весь персонал и всех больных, проклял место и исчез. С тех пор тот свихнувшийся врач бродит по лесам с топором в ру-

ке, в поисках обидчика.

Сашка окончил рассказ, откусил от дымящейся сосиски, усмехнулся и сказал с набитым ртом:

– Вот толстый и боится, что врач спутает его с демоном.

За палатками затрещали сучья, зашелестела листва. Кто-то пробирался через лес к костру. Сашка схватил нож и встал между братом и лесом.

– Толстый? – взволнованно позвал он.

Антон почувствовал ледяное прикосновение страха к спине. Шум становился громче, кто-то несся к ним не разбирая дороги, ломая сухие ветки, давя шишки и натываясь на кусты.

Пламя костра выхватило в темноте движение. Сашка вытянул руку с ножом, поднял плечи и ссутулился. Антон был уверен, что это медведь учуял сосиски. Темная фигура выскочила из леса, пронеслась мимо палатки, и только когда остановилась напротив ножа Сашки, Антон узнал Кольку. Разом выдохнули, Сашка опустил нож.

– Толстый! Ты чего не откликнулся? – набросился он.

– Я не мог, – он наклонился, уперся в колени, дышал громко, тяжело.

Колька взмок, у него дрожали ноги и спина. Он отхаркивал сгустки белой слюны, вместе с выдохом вырывались хрипы и стоны.

– Там, забор, – со свистом сказал он, распрямился, махнул в лес.

Антон с братом переглянулись. Еще до того, как остановиться на ночлег, Мишка говорил, что идти оставалось пять часов, и только к обеду следующего дня должны быть на месте. Он уверял, что никогда не ошибался в расстояниях и направлениях, недаром его называли компасом. Он сам выбрал себе прозвище и гордился им. Он говорил, что никаких построек или заборов не должно быть на пути, только лес да болото, а за ними больница.

Сашка достал из рюкзака фонарики, Антону дал розовый, девчачий. Он специально купил такой, чтобы наказать брата за то, что тот потерял свой в доме пуговичного человека. Антон брезгливо принял его, Мишка коротко хохотнул.

Колька шел впереди, пыхтел, без умолку говорил, какой пережил страх, когда наткнулся на забор и с какой скоростью бежал к лагерю. Беспреданно оглядывался, убежденный, что за ним гонится врач с топором на перевес. Натыкался на упругие ветки, падал, ныл от боли и страха.

Лагерь остался позади, свечение костра почти исчезло. Виднелся маленький, тусклый огонек, больше напоминающий сверчка или далекую звезду, чем костер. Под ноги попадались трухлявые пни, корни толстых дубов и сухие ветки. Антон два раз запнулся, но не упал.

– Да, я тоже запинался, – тяжело дыша, сказа Колька.

Вскоре вышли на заросшую травой и кустарником дорогу, она упиралась в низкий каменный забор.

– Это что, больница? – спросил Антон у Мишки.

– Не должна, слишком рано, – ответил тот и панически принялся разворачивать карту.

– Тоже мне компас, – укоризненно проговорил Сашка. – Пришли раньше времени, да еще и ночью.

– Я не мог ошибиться, – мямлил себе под нос Мишка, водя пальцем по карте.

Колька заметно нервничал. Он ещё вначале похода предупредил о призраках, и ни при каких обстоятельствах не собирался ходить по больнице ночью, а уж тем более ночевать в ней. За первые сутки похода он так замучил всех нытьем, что Сашке пришлось дать слово: ночевать будем в лесу, в палатках, у костра, а в больницу зайдем только при свете. Именно поэтому Мишка рассчитал путь так, чтобы к больнице подошли днем. Но что-то пошло не так. Опасения Кольки подтвердились, на часах полночь, а больница уже перед глазами.

– Ой, ребята, нам лучше уйти, – залепетал он, – тут призраки живут и этот безумный врач с топором.

– Замолчи! – зашипел на него Сашка.

Забор зарос мхом, ржавая калитка лежала в траве. Мишка все еще сидел на земле, уткнувшись в карту, Колька озирался по сторонам, светил фонариком на деревья и что-то шептал, а Сашка зашел за забор. Свет от его фонарика прыгал по кустам, пока не остановился на каменной лестнице, поросшей травой.

– Ну что, вы идете? – он обернулся и посветил Антону в лицо.

Антон прищурился, поднял руку, защищаясь от ослепляющего луча и сделал шаг за забор.

– Я... я не пойду, – заикаясь сказал Колька и попятился.

– Не нервируй меня, толстый, – крикнул ему Сашка, – либо идешь со всеми, либо остаешься один в лесу.

– Ребят, – подал голос Мишка, он уже сложил карту и поднимался на ноги, – я несколько раз пересчитал расстояние и скорость нашего движения. До больницы идти ещё пять часов, это не она.

– А что тогда?! – спросил Сашка, в его голосе появились нотки нетерпения, раздражительности.

– Я не знаю, тут должен быть лес.

– Не хорошо это, – застонал Колька, – призраки заманивают.

– В общем, мы пошли в эту чертову больницу, а вы как хотите! Можете стоять у забора всю ночь или идти к палаткам! – заключил Сашка и повернул в сторону лестницы.

– Точно, – говорил кто-то из ребят, но Антон уже не различал кто именно, голоса становились тихими и далекими, словно пробивались через толщу воды, – мы вернемся к палаткам, их надо сторожить.

Их фонарики быстро потерялись в деревьях.

– Ну и черт с ними, – сказал брат.

Подшли к высокому деревянному зданию. Стена и дверь гнилые, подернутые плесенью, но высокие окна целые. Точно, как в доме пуговичного человека. Брат ступил на крыль-

цо, толкнул дверь. Антон был уверен, она скрипнет, распугает хищных птиц, притаившихся на ветках сосен. Но дверь не скрипнула, она даже не открылась. Брат навалился плечом, но дверь не поддавалась, тогда он пнул её и выругался:

– Черт возьми, она же гнилая!

Он заглянул в окно, осветил фонариком.

– Смотри, – подозвал Антона.

Там был погром. В большом зале валялась куча мусора, перевернутая мебель, пыль, штукатурка и доски, пол прогнил до дыр, кое-какие были такого размера, что в них легко поместится машина. Кривая, чудом державшаяся лестница у левой стены уводила в темноту. В глубине зала большой камин, поросший паутиной и черной плесенью, а рядом с ним две закрытые двери. И снова Антон сравнил это место с домом пуговичного человека. Целые окна, закрытые двери, камин. Слишком много совпадений для простой случайности.

– Надо попасть внутрь. Мне нужна та книга и топор. Толстый уверен, что они хранятся в кабинете старшего врача.

– А он откуда знает? Он тут никогда не был. – с сомнением проговорил Антон и взглянул на непоколебимое лицо брата.

– Так он же ботаник, в библиотеках сидит целыми днями, вычитал, наверное, где-то, – усмехнувшись, сказал брат.

Решили обойти здание. Сашка говорил, что у такого домища должны быть запасные входы. Пошли вдоль стены, света фонарями во все стороны.

Только теперь Антон обратил внимание на тишину.

Не кричали птицы, не скрипели деревья. Было так тихо, что слышно размеренное дыхание брата. Антон попытался вспомнить как давно пропал шум леса. Внутренний голос подсказывал, что последний раз он слышал скрип деревьев перед тем, как зайти за забор. Ему это не нравилось, в фильмах ужасов звуки пропадают перед тем, как появляется злодей.

Колька говорил, что где-то тут должна быть часовня, но Антон ее не видел. Если часовни нет, значит Колька придумал и про все остальное, значит нет ни топора, ни книги, ни призраков. Эта мысль чуть успокаивала, но все равно Антон чувствовал, как напряжены мышцы, а кишки словно скрутились в комок. А если книга была, то почему её никто не пытался найти?

Дошли до угла, повернули и тут Антон обомлел.

– Часовня, – сказал брат. – Выглядит она не надежно.

Крыша провалилась, крест висел на боку, окна выбиты, а дверь чуть приоткрыта. Ну хоть тут все так, как и должно быть, – от сердца чуть отхлынул страх, а вместе с тем мысли о доме пуговичного человека. У покосившегося крыльца стоял большой камень с высеченным крестом. У Антон все еще дрожали колени, зато ком, застрявший в горле, прошел. В своих рассказах Колька упоминал и этот камень с крестом.

– Пошли дальше, в часовню нам не нужно.

В стене небольшое окно. Посветили фонариками. Все тот же зал, но с другого ракурса, это окно у основания лестницы.

Ступени покрыты толстым слоем пыли. На третьей ступени Антон различил след башмака. Потянул Сашку за рукав.

– Смотри! – взволновано сказал он.

– Похоже бомжи добрались до сюда раньше нас, – с досадой проговорил брат. – Надеюсь врач догадался надежно спрятать книгу и топор, прежде чем сдохнуть от рук демона.

За следующим углом, под заколоченным окном ждал сюрприз. Поджав хвост, оскалившись сидел скелет кошки. Поза, в которой кошку настигла смерть, казалась противоестественной. Она словно сидела на задних лапах и наблюдала за низколетащими птицами.

– Не наступи, – предупредил Антон брата.

Он перешагнул скелет и посветил вверх. На всех трех этажах окна заколочены фанерой и досками. Стена упиралась в другую стену, на которой окна так же заколочены.

– Нам не попасть внутрь, – сказал Антон и почувствовал облегчение. Напряжение, державшее мышцы цепкой хваткой, ослабло и готово было вовсе отступить. Ему не хотелось лезть в дом. Он развернулся, но радостный голос брата остановил его порыв вернуться к палаткам.

– Смотри, – свет фонаря отыскал черный проем. – Похоже так бомжи попадают внутрь.

На первом этаже, одно окно не заколочено. Кусок фанеры лежал на земле. Но Антон был уверен, что еще пару секунд назад, когда брат светил на стены, все окна были закрыты. Он смотрел на проем, на фанеру и вспоминал Настю, её по-

друг и парня с палкой. В тот раз прыжок в темный проем был необходимостью, сейчас же необязательно лезть в окно, можно спокойно вернуться к лагерю, их никто не преследовал, никто не угрожал расправой.

Подошли ближе. В комнате бардак, как и в зале. Старая кровать, заправлена черт знает как давно, на ней раскрытый, пустой чемодан. Массивный шкаф и перевернутый стол со сломанными ножками.

Залезли внутрь. В нос ударил запах старины, затхлости и гнилого дерева.

– Я думаю, это спальня старшего врача. А там его кабинет, – брат махнул рукой в сторону двери.

Он подошел и толкнул её. Дверь немного приоткрылась, так, что можно было просунуть голову, дальше не открывалась, что-то мешало. Заглянули в проем, осветили.

В небольшом, но просторном кабинете стояло зеркало, рядом валялась черная ткань, похожая на штору, чуть дальше массивный стол, обтянутый зеленым сукном. Удивительно, что он остался цел и до него не добрались крысы, муравьи или какой-нибудь грибок, разъедающий все к чему прикоснется. Справа от стола шкаф с выломанными дверцами, а слева дверь.

– Вот он этот шкаф. В нем топор. – сказал брат и навалился на дверь, – помоги открыть.

Антон толкнул. Плечо измазалось в плесени и какой-то склизкой дряни, похожей на кисель. Дверь заскрежетала так

громко, что в ушах зазвенело от ужаса.

Антон услышал шаги. Громкие, тяжелые и быстро приближающиеся.

Выключили фонарики и чуть отстранились от двери. Кабинет погрузился во мрак. Раздался скрип двери, треск пола и шаги, уже медленные и осторожные, словно тот, кто зашел в кабинет, прислушивался и крался. У Антона пересохло во рту, в груди кольнуло, а по ногам прошел холодок. Шаги смолкли, чиркнула спичка и кабинет озарил свет керосиновой лампы. У стола, спиной стоял человек в белом халате.

– Вот и бомж.

Сашка произнес это тихо, но недостаточно, для того, чтобы его не услышал тот человек. Он резко повернулся, и Антон завопил от ужаса. Вместо головы у него был череп. В один прыжок он очутился у шкафа, вынул оттуда топор, размахнулся и швырнул в Антона.

Сашка захлопнул дверь, топор вонзился в гнилое дерево, острие застыло на расстоянии двух пальцев от лба Антона.

Почему не побежали к окну Антон так и не понял. Залезли в шкаф. Только успели закрыть дверцы, как в комнату вбежал мертвец. Он стучал зубами, а тяжелые башмаки гулко ступали по полу. Если бы Сашка не закрыл Антону рот ладонью, то он выдал их криком или шумным дыханием. Теперь же Антону приходилось дышать через нос. Это было тяжело, сердце стучало так, словно готовилось финишировать первым на марафоне, а легкие горели. Голова кружи-

лась от нехватки воздуха, но Антон понимал, что лучше задохнуться, чем попасть в руки мертвецу. Во вдыхаемом воздухе ощущался запах ила.

Казалось, что просидели в шкафу несколько часов, возможно так оно и было, спина устала, ноги подкашивались, шея затекла. Сашка уже не закрывал ему рот, дыхание стало ровным, Антон больше не задыхался. Они не знали ушел мертвец или нет, а потому сидели в шкафу и боялись пошевелиться. Негласно они решили, что будут ждать рассвет в шкафу, а как комната зальется солнечным светом, выберутся из дома.

Через какое-то время тишину старой больницы нарушил бой часов. После двух ударов они замолкли, а вместе с тем прямо у шкафа раздались шаги. Они удалялись. От одной только мысли, что мертвец все это время поджидал, притаившись у шкафа, в животе словно пронесся ураган, а в груди что-то оборвалось. Бой часов прогнал его.

Хлопнула дверь, шаги постепенно смолкли, мертвец ушел. Сашка решил выйти.

За окном все еще темно, но комната заметно преобразилась. Не было мусора и пыли, кровать выглядела свежей, а в чемодане лежала одежда. На полу палас, стены словно только покрасили, над кроватью картина, на которой нарисовано болото и сухое дерево. Антон заглянул в шкаф, из которого только вышли, там появилась одежда.

– Что произошло? – спросил он брата.

– Не знаю, толстый про это не рассказывал.

Сашка подошел к двери, приоткрыл. Там, за столом сидел высокий, худой мужчина в белом халате. Рядом горела керосиновая лампа. Он задумчиво глядел на раскрытую книгу.

– Чтоб его! – сквозь зубы процедил Сашка, прикрыл дверь, – Давай выбираться отсюда.

Окно, через которое пришли, было целым. Сашка помог Антону перелезть на улицу. Все еще темно, потому фонарики выключать не стали. Уходили тем же путем, что пришли. На углу повстречался черный кот, как раз на том месте, где совсем недавно сидел скелет. Он мявкнул и ушел в темноту.

Дошли до маленького окна, через которое видно основание лестницы и зал. Антон направил свет в окно, но тут же опустил фонарь в ноги, нажал кнопку выключения. Сердце замерло, во рту мигом пересохло, а в паху засвербело. За то короткое время, что фонарь горел, Антон успел увидеть изменившийся до неузнаваемости зал. Не было дыр в полу, не было грязи, а посреди зала расставлены столы, за которыми спинами к окну бездвижно сидели люди. Перед самым выключением фонаря люди повернулись в сторону окна.

Антон дернул Сашку за руку, жестами и неразборчивыми фразами заставляя выключить фонарь. В сгустившейся темноте раздался топот, а через мгновение в окне показалось лицо женщины. Удивленный взгляд бегал по лицу Антона, тонкие сухие губы зашевелились. Казалось, она хотела что-то сказать, но лишь безмолвно открывала и закрывала рот,

словно глухонемая. Антон не умел читать по губам, а потому надумал, будто женщина сказала: «я тебя съем».

– Они идут за нами, – сказал Сашка.

Антон услышал множество шагов. Люди бежали по залу к входной двери.

Их обнаружили и скоро поймают. У большого куста стояла стремянка и ножницы, воткнутые в землю. Там был мужчина с граблями, он проводил их безумным взглядом, Антон успел рассмотреть большой фиолетовый шрам на весь лоб. Шаги приближались, но Антон не оборачивался, бежал за братом. Калитка оказалась заперта, пришлось перепрыгнуть через забор. Скрылись в деревьях.

Снова появились шумы леса и крики птиц, а вот шаги смолкли. Их уже не преследовали. Выглянули из-за деревьев и посветили фонарями в сторону больницы. Там, выстроившись вдоль забора стояли люди и молча смотрели. Некоторые из них были в белых халатах, остальные в серых робах. В свете фонаря Антон заметил табличку у калитки, а на ней надпись: «Полянка – частная лечебница для душевно больных».

Они вернулись к палаткам. Мишка с Колькой сидели у костра, сторожили лагерь. Они исподлобья глядели на Сашку, словно щенята, разорвавшие любимый диван хозяина.

– Толстый, ты нам не все рассказал про больницу намеренно или сам не знал, что в ней творится? – набросился на Кольку Сашка.

Колька выпучил глаза, часто заморгал. Пухлые губы раскрылись, щеки затряслись, и Колька выдал звук, похожий на мычание коровы.

– Возьми себя в руки, толстый! – Сашка направил ладони к костру и махнул Антону последовать его примеру.

– Что там случилось? – спросил Мишка, похлопывая Кольку по спине.

– Сначала на нас выскочил мертвец с топором, а затем до самого забора преследовала толпа людей.

Колька почти справился с волнением и страхом, смог говорить, но заикался, а взгляд бегал по земле, между ног Сашки.

– По легенде больница появляется из воздуха каждое полнолуние, ровно в двенадцать часов. В два часа ночи мертвецы обрастают плотью, а в три ночи больница испаряется до следующего полнолуния. Они застряли между небом и землей – это их проклятие. Но если в тот короткий промежуток времени, что больница видна мертвецы найдут живую плоть и проведут ритуал, то проклятие спадет.

– И почему ты про это не сказал раньше? – наседал Сашка.

– А что бы это изменило? Ты бы не зашел за изгородь?

Сашка на мгновение задумался, прищурился, склонил голову и медленно, растягивая звуки, сказал:

– Зашел, но не повел с собой брата.

Ночь провели у костра, не сомкнув глаз. Под утро собрали палатки и попрощались с Сашкиными друзьями. Те воз-

вращались в город, а братья двинули в сторону деревни.

Пугало

На выходе из леса Антон умудрился наступить в огромную коровью лепеху. Ботинок погрузился в теплую жижу и заскользил. Его дернуло вперед, ноги подкосились, и чтобы удержать равновесие Антон замахал руками. Сашка подхватил за руку, не дал упасть. Он смеялся над невнимательностью брата.

– Это тебе не город, тут нужно смотреть под ноги, – сказал он с легкой укоризной.

Антон поднял ногу, с неё стекала жижа с частичками непереваренной травы, шлепками падала на землю.

– Фу! – завопил Сашка. – Помой ногу вон в той луже!

Они подошли к широкой борозде, заполненной зеленоватой водой. От неё пахло тиной. Антон с сомнением глянул на Сашку.

– Всё ж лучше, чем запах коровьего говна. – Заключил он.

Пока Антон отмывал ногу, брат, подперев бока кулаками и вытянув шею, осматривал сельские просторы. Комары облепили его футболку, голые руки и ноги. Но Сашка, будто не замечал укусы, улыбался и всматривался в далекие домишки, спрятанные за высокой болотной травой. Антону же комары сильно мешали, он отгонял надоедливых насекомых и часто чесался.

– Ну ты скоро? – не глядя на него спросил Сашка.

– Ещё и шорты замочил, – с досадой сказал Антон, выпрямился, надел ботинок и попытался вытереть пятна на шортах.

– Да плюнь, само высохнет.

Они шли по размытой дороге, изрытой колеями. На обочине лежали деревья, выдранные с корнями. Последствия сильного урагана вначале лета. В городе тогда повалило несколько рекламных щитов и сорвало крышу с остановки.

Комары летели следом, нагоняли, кусали, иногда погибали от метких шлепков. Мокрая обувь неприятно скрипела, влажная нога чавкала, а Антон время от времени смотрел на шорты. Пятна подсыхали и превращались в зеленоватые кругляшки. Наверняка будут вонять тиной. Хорошо, что тетя Таня больше не увидит его и не даст подзатыльник за пятна. Макушка зачесалась, в том месте, куда по мнению Антона могла прилететь оплеуха.

Дорожные запахи быстро сменялись: то слабо пахло ромашками, то резко полынью, то машинным маслом, то сосновыми иголками. А иногда нестерпимо несло навозом.

Они поравнялись со статуей безрукого пионера. До первых домов оставалось ровно пятьдесят шагов. Расстояние Антон замерили еще шесть лет назад, когда последний раз был в деревне.

Навстречу выскочили деревенские собаки. Громко лаяли. Антон остановился. Все еще было свежо воспоминание

трехлетней давности, когда его покусала соседская такса. Над этим случаем смеялся весь двор. Укус зажил быстро, а вот страх остался.

Он наблюдал за бегущими собаками. Безумные глаза, острые зубы, закрученные в калач хвосты. Антон надеялся, они не успеют добраться до его ног и задницы (почему-то все собаки норовят кусать именно в эти места), их непременно кто-нибудь отзовет.

Сашка не испугался. Собак он никогда не боялся, хотя, как утверждал, его тоже кусали. Не таксы, а породы гораздо большего размера. Он отгеснил брата за спину и прибавил шаг навстречу псам.

Они лаяли, рычали, прыгали вокруг Сашки, но не кусали. – Бобики, фу! – кричал на них Сашка, делал резкие выпады, старался зацепить их рюкзаком.

Псы не успокаивались, даже наоборот проворней прыгали и громче лаяли. Попытки Сашки их усмирить не действовали, лишь раззадоривали. За этим было смешно наблюдать, но и страшно одновременно. А вдруг они вцепятся Сашке в ногу, повалят на землю и начнут терзать, как кусок мяса?

Антон решил, что если такое случится, то он подбежит, схватит рыжего, крупного пса за шкуру и отшвырнет в канаву. А второго отгоню пинками. Так он думал, наблюдая со стороны. В животе колело от волнения, а спина и шея отяжелели, словно на них кто-то накидал тонну кирпичей.

– А ну, брысь! – из дома выбежала босая толстая старушка

в сарафане.

Отогнала псов, ругала их бранными словами и грозилась кулаками.

– Нечего тут бродить! – крикнула она, зло посматривая на Антона. У нее огромная бородавка на подбородке, из которой торчали черные волоски.

Псы наблюдали с крыльца дома.

– Мы к бабе Марфе, – сказал Антон, закашлял, услышав свой писклявый, испуганный голос.

– А... – протяжно затянула старушка и улыбнулась. – Внук, значит. То-то я гляжу лицо знакомое. Дорогу то знаешь?

Антон кивнул, и они пошли дальше по грязной дороге. Старушка стояла у угла дома, провожала взглядом и загадочно улыбалась. От неё пахло булочками и костром.

– Страшная бабка, наверное, ведьма. – Серьезно сказал Сашка, когда свернули с главной улицы.

– Ага, а в доме у неё метла для полетов и черный говорящий кот.

Фантазия живо нарисовала дом старушки, кота и большой котел, в котором она варила зелья. Антон не успел поделиться выдумкой с братом, тот резко остановился и нос Антона ударился в спину.

На дорогу вышли гуси. Их гнал веткой парень, примерно одного возраста с Антоном. У него чумазое лицо, грязные волосы, рваная майка, а штаны затянуты вокруг пояса шну-

ром от телевизора или какой-то другой техники. Один конец шнура заканчивался вилкой.

– Я его не помню, – прошептал Антон брату.

Парень посмотрел на них изучающе. Размахисто махнул веткой, гуси закричали и поторопились освободить дорогу. Он ничего не сказал, а когда сошел с дороги, обернулся, нахмурил брови, сжал губы, словно говоря: «я вас запомнил».

Из тусклых окон за ними наблюдали серые лица старух. А из одного дома вышел дед и погрозил кулаком.

До дома бабушки оставалось немного. Еще один перекресток и водонапорная башня. Она жила на границе с огромным кукурузным полем. Сашка предложил бежать наперегонки. Антон недовольно цокнул языком, вспоминая насколько он неудачлив в соревнованиях, но побежал.

Вдалеке залаяли псы, Антон обернулся, не переставая бежать, запнулся и упал. Растелился на дороге и чуть не угодил в лужу. С ног до головы испачкался грязью.

– Теперь ты похож на гусяного пастуха! – Залился смехом Сашка. – Ладно хоть коровьих лепех не было на дороге.

Антону было не до смеха. Ушиб колено и до крови стер кожу на ладони. Рана жгла, а кровь тоненькой струйкой скапывалась по грязной руке. Глаза закололо, он старался сдерживать накатывающие слезы. Но скрыть боль не удалось, брат заметил.

– Пошли скорей, бабушка обрабатывает раны. – Участливо сказал он.

Он подхватил Антона под мышкой, довел до дома. Бабушка ждала на крыльце, наверное, увидела в окно, а может услышала смех Сашки. Вытерла белые от муки руки о сарафан и полезла обниматься.

– Дайте-ка я на тебя погляжу... Как вымахал то, – радовалась она, взъерошивая волосы Антона.

После недолгого, но радостного приветствия, Антон показал рукой на Сашку и объявил:

– А это мой брат – Сашка.

Бабушка с прищуром взглянула сначала на Сашку, затем на Антона, покачала головой и уже не так радостно сказала:

– Ну ладно, проходите в дом.

На пороге Сашка тихонько сказал, склонившись к уху Антона:

– Я ей не нравлюсь.

Она обработала зеленкой раны Антона, затопила печь, поставила самовар и накрыла на стол. С расспросами не лезла, за что Антон мысленно благодарил бабушку. Рассказывала про ураганы, вырывающие столетние дубы с корнями, про подруг из соседних домов, бьющих своих мужей и про то, что хочет завести свинку, а то сарай пустует с тех пор, как дед пропал. Еще говорила, что надо бы решиться и продать трактор, а то ржавеет без работы.

После обеда, братьев сморило. То ли сказался сытный обед, то ли долгая бессонная ночь, проведенная у костра с палками в руках и беспрестанным вглядыванием в темноту,

в ожидании нападения призраков в белых халатах. Бабушка отвела в спальню и предложила Антону забраться на высокую кровать.

– А где ляжет Сашка? – спросил ее Антон.

Бабушка махнула в сторону второй кровати, у окна и предложила лечь там.

Она поцеловала Антона в лоб, поддернула одеяло к подбородку, завешала шторами окна и пожелала спокойного сна. Она уже была в двери, как Антон остановил её просьбой:

– Бабушка, а расскажи нам сказку.

– Страшилку! – поправил Сашка.

Бабушка задумалась.

– Есть у меня одна история. Но после будете спать.

Она прошла к креслу, согнала котенка, который тут же прыгнул ей на колени и начала рассказ.

«Повадились вороны кукурузу таскать, да ещё волки в лесах объявились, драли живность домашнюю. Как только деревенские не боролись с вредителями, что только не принимали: и травили, и стреляли, но тех ничего не брало. Тогда местный умелец предложил решение. Он пообещал сделать куклу, которая раз и навсегда разделается с непрошенными гостями. Люди посмеялись над ним, справедливо полагая, что тряпка не справится с теми, против кого бессильны пули да виллы. Но мешать не стали, пусть, мол, делает.»

Бабушка примолкла, нахмурила брови. Она не моргала,

смотрела в одну точку на стене. Словно вспоминала детали. Перевела взгляд сначала на Антона, потом опустила. Жилистыми, сухими пальцами потеревила kota за ухо и продолжила рассказ.

«Умелец тот попросил, чтобы каждый житель деревни принес свой отстриженный ноготь. Вопросы тогда не задавали, хотя стоило бы. Кукольник приступил к работе, а люди разделились на два флага: одни несли ему ногти, а вторые посмеивались и называли дураком.

Через две недели он представил свое творение публики. Это было безликое пугало в человеческий рост. Вернее, не совсем безликое, у него было множество лиц. В его лице отражались те, кто к нему приближался. Кукольник нарядил пугало в красный бархатный сюртук, штаны из того же материала, а на голову надел соломенную шляпу с широкими полями. В одну руку вложил вилы, а в другую ржавый серп. Еще и обул в резиновые сапоги.

Народ в толпе шептался. Пугало вселяло в людей беспокойство. Я...»

Она осеклась, заморгала, словно в глаз попала мушка.

«В толпе была бабка, которой казалось, что пугало живое, что за зеркальной маской и сюртуком скрывается человек. Вот сейчас он встанет со стула, подойдет и отсечет голову одним ударом. Она испытывала животный трепет, хотелось спрятаться. Точно, как звери, чувствующие приближение урагана, прячутся поглубже в леса.

Отнесли пугало в поле и привязали к деревянному шесту. Ветер дул, шест скрипел, а серп в руке чуть подрагивал.

У той бабки дом стоял прямоком на границе с полем.»

– Прямо, как у тебя, бабушка? – спросил Антон.

– Прямо, как у меня, – кивнула она.

«Дикий крик поднял ее с кровати. Стрелки часов показывали двенадцать. Она растолкала деда и вместе вышли на улицу. Светила желтая луна. Кричали птицы, но небо было чистым, никто не летал. Обычно в это время над полем кружили стаи ворон, высматривали початки поспелей, да по-кусней. Дед светил фонарем в поле. Кукуруза дрожала на ветру и шуршала плотными листьями. Вскоре крики смолкли, и дед с бабкой вернулись домой. Дед захрапел, а бабка до утра не могла уснуть, смотрела в окно на поле. Ей мерещилось, что на границе, у дороги, стоит пугало и смотрит на неё.

Вороны пропали. Народ решил, что они испугались пугало и улетели. Хвалили кукольника, даже устроили в его честь пир. Кажется, так заканчиваются хорошие истории, но эта история не такая.

Через одну ночь у бабки пропала собака. От нее остался только ошейник и цепь, к которой всегда была привязана. В этот раз ночью бабка спала крепко и лая не слышала. Она уговорила деда поискать пса. Он хоть и недолюбливал старую, давно никчемную собаку, но собрался походить по деревне, проверить свалку, а потом уже искать в лесу. Хоть и

признавал, что вороны исчезли после установки пугала, но не верил, что оно могло распугать волков, потому грешил на них. Бабка же душой чувствовала, что искать нужно в кукурузном поле, а не в лесу. Они разделились, дед пошел на свалку, а бабка в поле. Жесткие листья хлестали по лицу, желтые початки пахли крахмалом, под ногами сухая земля.

Долго не блуждала, вышла на круглую опушку. Ветер качал макушки кукурузы и трепал соломенную шляпу на кукле с зеркальным лицом. Серп еле слышно стучал по шесту, но, когда бабка сделала шаг к кукле, серп замер, словно настроженный зверь. В груди кольнуло, она напряглась и всмотрелась в его лицо, опасаясь увидеть в зеркале человеческие черты или эмоции. В общем, она боялась, что это лицо может ожить. Бабке не хотелось находиться рядом с ним одной, да ещё с голыми руками. Бранила себя, что не взяла топор из сарая. В памяти мелькнули образы древнего существа из рассказов прабабушки. Оно жило по соседству с людьми и питалось их кровью. Убить его можно было только одним способом: перерубить шею топором.

Уж не знаю, показалось бабке или нет, но в зеркальном лице увидела морду пропавшей собаки. Отступила, сердце затрепыхалось, как рыба в сетке, дыхание стало частым, коротким. Она пятилась к кустам кукурузы, а собачья морда, с высунутым языком, провожала взглядом. А в тот момент, когда плотный початок уперся в спину, у собаки из глаз пошла кровь. До дома бабка бежала как заяц от волка, даже

позабыла про больные суставы.

Рассказала о случившемся деду. Он посмеялся, но ближе к следующей ночи, перед сном, вытащил из-под пола ружье и коробку патронов. Положил рядом с кроватью.

Прошло еще несколько ночей. Люди жаловались на пропавших домашних животных, кур, свиней. У попа и вовсе конь пропал.

Глупые бабы жаловались на волков, докучали своим нытьем мужикам. Никто не слушал доводов бабки. В отличие от волков, этот похититель не оставлял кровавых следов. Ну а когда она обвинила в пропаже пугало, так вся деревня её подняла на смех, а громче всех смеялся кукольник.

В итоге несколько мужиков, в том числе муж той бабки, вооружились ружьями и отправились в леса. Они упрямо решили выследить волков. Бабка отговаривала мужа от охоты, пыталась вразумить. Но он не слушал, словно уши залил воском. Ушел и больше не вернулся.

Мужиков так и не нашли. В ночь пропажи деда бабка отправилась в поле. На этот раз топор был при ней.

Она вышла на ту же опушку, пугало вновь замерло, как только она сделала шаг к нему. В зеркале отразился облик деда. Тогда бабка и поняла, что деда уже не найдут, его забрало пугало. Рука не дрогнула, она отрубила голову пугало, но даже в отсеченной голове продолжал отражаться образ деда. Он улыбался, а в глазах блестели слезы. Пинком она отправила зеркальную голову в дебри кукурузы.

Ей все же удалось убедить людей, что именно пугало виновато в исчезновении людей и животных. С вилами и топорами пошли к дому кукольника. Но не застали его, он сбежал. В ту ночь кто-то пришил голову на плечи пугало. Оно так и стоит в поле, но уже не отбирает жизни.»

Бабушка окончила рассказ словами:

– Ну а теперь спать и пусть приснятся добрые сны.

Ушла, а котенка оставила на кресле. Сашка молчал, но Антон знал, что в его голове назревает какая-то мысль, как всегда безрассудная и связанная с паранормальщиной.

– Ты ведь понял, что рассказ не выдуман? – спросил он, все еще витая в мыслях.

– Конечно же выдуман, – удивленно сказал Антон, – ведь живого пугала не бывает.

– Ага, то есть пуговичный человек, ведьмы, кикиморы, тигролюди и врачи-призраки существуют, а живые пугала значит нет? – возмутился он.

Антон не нашелся как возразить, потупил взгляд и тихо проговорил:

– Даже если это не выдумка, то ты не знаешь где эта история происходила.

– Братец! Так ты выгляни в окно, что ты там видишь? – Сашка одернул штору.

– Кукурузное поле? – не уверенно сказал Антон.

– Вот именно! Та история произошла здесь. А та бабка из рассказа – баба Марфа. Напряги извилины и поймешь все

сам.

Антон задумался, мысленно перенося действия рассказа в деревню, в то поле за окном, а вместо безликой бабки представляя бабу Марфу.

– Нам надо пойти в поле, – сказал Сашка. – Отрежем голову кукле.

– Нам туда не надо, – проговорил Антон, но Сашка его будто не слышал.

– Как думаешь, его видно из окна? – он прильнул к окну. Антон тоже подошел. Солнце освещало качающиеся макушки кукуруз, но пугало не видно.

Сашка уснул с ножом под подушкой. Антон же лежал с открытыми глазами, боясь сомкнуть веки. Он согласился с тем, что бабушка рассказывала про себя и теперь боялся, что пугало стояло у окна, заглядывало в просветы между штор и зеркальными глазами выискивало Антона. Сашка храпел, его ничего не беспокоило.

Долго продержаться Антон не смог, прикрыл глаза всего на секунду и задремал. Он видел сон. В комнате темно и душно, за окном трещал кузнечик, постель влажная от пота, простыня скомкана в ногах. На соседней кровати спал брат, а рядом с его головой сидела темная фигура. У нее в руках ножницы. Пахло корицей и сеном. Антон всматривался в фигуру, её черты казались знакомы.

– Бабушка? – сонным голосом проговорил он.

Голова фигуры повернулась. Антон не видел лица, знако-

мый голос прошептал:

– Спи, внучок.

Веки отяжелели, сомкнулись, Антон обнял подушку и провалился в глубокий сон, без сновидений.

– Эй! Проснись! – над ним стоял Сашка. Он уже собран, в руках держал вчерашние пирожки и чашку чая. – Это тебе.

Коричный аромат булочек ударил в нос, за окном слышен треск кузнечика, напоминая о ночном сновидении. Антон рассказал Сашке, что видел ночью.

– Ножницы, говоришь, – задумчиво протягивает он, рассматривает пальцы. – Бабушка пришла ночью, чтобы постричь мне ногти? – он напряженно посмотрел на Антона, а затем взорвался смехом.

Антон заулыбался, теперь, когда рядом был брат, солнце светило в окно, а желудок не стонал от голода, ночной сон казался пустяковым.

– Ну, теперь в поле, – скомандовал Сашка.

Бабушка работала в огороде. Они незаметно проскочили мимо, перелезли через низкий забор, перешли дорогу и остановились у границы с полем.

– Не заблудиться бы, – с беспокойством проговорил Антон и поднял с земли длинную палку.

– Не бойся, куда бы не пошли, все равно выйдем на опушку с пугалом. Так устроены проклятые места, – он деловито глянул на солнце, будто понимая, как по нему определять направление, махнул рукой и ступил на поле.

Пробираться было легко, листья не били по лицу, как рассказывала бабушка. Главное пригнуться и полсти почти на корточках. По сухой земле ползали муравьи, а по кукурузе мелкие пауки.

Они шли, не сворачивая. Вскоре заболели ноги, а палка в руке казалась лишней, она сильно мешала. Да и вообще, как тут размахиваться, если кругом стебли кукурузы. Антон сунул её в футболку за спину, как ниндзя прячет меч, но так она мешалась ещё больше. Терла и билась по ноге и шее.

Остановились, когда стебли поредели и через них просматривалась опушка. В землю воткнул шест, а на нем висела кукла, похожая на человека. Антон обратил внимание на ржавый серп, который легонько ударялся о шест, как и рассказывала бабушка.

– Будем действовать быстро, – шептал Сашка, – ты стоишь рядом, а я отрезаю голову. Если пошевелинется, то пьешь палкой изо всех сил.

Выскочили. Антон замахнулся, готовый бить, а Сашка в несколько прыжков оказался у пугало. Замер с ножом в руке.

– До головы не достать, – сказал он, – помоги.

Антон подошел ближе. Бросил палку и только тогда заметил, что серп замер.

– Что-то не так, – заволновался он.

– Давай скорей, встань на корточки, я на тебя.

Антон сел, грязные сапоги куклы оказались на уровне глаз. Он смотрел на них и гадал, почему не одели чистую

обувь. Сашка ступил ему на спину, Антон чуть просел, склонил голову и запыхтел. Брат был тяжелым. Сапоги уже не видел, теперь рассматривал землю.

– Все равно не достаю, – с досадой говорил брат.

На земле, помимо муравьев, Антон различил следы от обуви. Это не наши, подумал он. Поднял голову, чтобы рассказать брату о следах, и тут обратил внимание на подошвы сапог пугало. Рисунок совпадал со следами на земле.

– Сашка! – завопил Антон.

В этот момент Сашка схватился за сюртук и старался подтянуть к себе голову куклы. Антон резко дернулся, ноги брата скользнули. Перед падением он успел воткнуть нож в грудь куклы и оставить широкий порез.

Они уже были на ногах, когда нож упал и вонзился в землю. Из раны на груди пугало вывалился сверток. Сашка развернул его и показал брату.

– Ногти! – отпрянул Антон.

Кукла шевельнулась, серп звонко ударился о шест. Ребята закричали и побежали. Листья царапали лицо, Антон тяжело дышал, в голове гудело. Ему казалось, что слышал шаги за спиной. Хрип и звон серпа. Оборачиваться нельзя, потеряет из виду спину брата. Бежали целую вечность, грудь горела, сердце стучало, перед глазами прыгали образы страшного пугало. Пару раз Антон чуть не упал, зацепившись за поломанный стебель.

Когда казалось, что выход из зарослей уже близок, когда

к запаху кукурузы добавились ароматы навоза, а до слуха донеслось коровье мычание, у Антона в голове раздался голос: – Обернись!

Не раздумывая, словно это и не требовалось, он обернулся. В шаге от него стояло пугало, а в зеркале отражалось лицо отца. Он улыбался.

Антон замер не в силах пошевелиться, да и шевелиться не хотелось. Внезапно страх и трепет прошли, а взамен появилось ясное понимание того, что бежать больше никуда не нужно, что отец нашел его и теперь никогда не бросит.

Антон опустил руки и прошептал: – Папа.

Антон не видел, как поднялась рука с серпом, как звякнул ржавый металл, отсекая верхушку кукурузы. Он смотрел в глаз отца, на его улыбку и представлял, как его теплые, нежные руки взъерошивают волосы, как он поднимает Антона в телефонной будке и просит позвонить маме, сказать, что теперь все будет хорошо, теперь будет как прежде. Он не слышал Сашку, потерявшего брата из вида, стоящего на коленях и кричащего в заросли поля. И лишь когда красная капля скатилась с щеки отца, а добрая улыбка преобразилась в злобную усмешку, Антон пушечным ядром выскочил из иллюзорных фантазий. Он увидел взмах серпа и успел отскочить, запнулся о поломанную кукурузу, повалился на спину. Он часто дышал, в висках пульсировала кровь, пропитанная страхом, а перед глазами начали появляться один за другим все страхи Антона. На смену отца пришло сухое лицо деда,

протягивающего красный леденец, злобная тетька Таня, наводящая дуло ружья, за ней Настя с зелеными глазами и раздвоенным бледным языком, дядя Миша в халате и топором наперевес, даже кошка Насти появилась, оскалилась, показывая длинные клыки. Пугало в очередной раз занесло серп над головой, а лица в зеркале сменяли друг друга с такой скоростью, что в глазах Антона зарябило. Он не понял, как в руке оказался нож Сашки, пальцы обхватывали ржавую рукоять, а острое лезвие смотрело на пугало. Он бросился под ноги пугало, повалив его на спину. Нож вонзился в отражение лица деда, следующий удар пришелся по тете Тани. Каждый новый удар, каждая новая дырка в голове пугало затемняла зеркало, отражения мутнели и исчезали.

Антон не мог сказать, когда именно пугало перестало шевелиться, когда именно в зеркале перестали отражаться лица тех, кто над ним издевался, кто унижал и оскорблял. Он перестал наносить удары, сидел на поверженном враге, грудь вздымалась словно парашют, тяжело дышал и стонал.

До слуха донеслись крики брата. Антон поднялся на ноги, набрал полную грудь воздуха, задрал голову к верхушкам кукурузы и прокричал:

– Я его убил!

Он вышел на дорогу, там стояли машины. Две большие, с крестами на боках и надписью синими буквами: «Психиатрическая больница им. Чехова». А третья машина – маленький старый фольксваген дяди Миши. Дверцы открылись, на

пыльную дорогу вышли люди в халатах.

– Антон! – грубый мужской голос, – брось нож!

У фольксвагена стояла тетя Таня в кожаной куртки, с нашитой розой на груди. Она курила и напряженно смотрела на руки Антона. Антон направился к ней.

– Брось нож! – повторил голос.

Краем глаза Антон наблюдал, как крепкие мужики обступают его. В руках у них черные, резиновые дубинки.

Тетя Таня сделала шаг назад, лицо бледное, а глазки живо бегали от ножа к лицу Антона. Что это с ней? – подумал Антон, – неужели страх?

Он повернул голову вправо. Там, в двадцати шагах стоял Сашка и кричал, прося бросить чертов нож.

Первый удар пришелся по спине, Антон повернулся и удивленно взглянул в безразличное лицо врача. Второй удар повалил с ног. Третий пришелся по голове. Нож выпал, Антон сжался калачиком, защищаясь от ударов. Земля пахла пылью и полынью, где-то в поле стрекотал сверчок, а легкий ветер играл жесткими листьями кукурузы.

После пятого удара он потерял сознание.

Прощальная улыбка

Беленый потрескавшийся потолок, постель жесткая, словно бумага, резкий запах хлорки, в голове жжет, словно в уши засунули горящие свечки, во рту металлический привкус, в животе и груди давит и колит. Антон не мог до конца поднять веки, глаза заплыли и потяжелели. Он приоткрыл рот, сухие губы выдавили одно слово, после чего язык онемел и приклеился к небу.

– Сашка.

– Опять ты его зовешь, – голос у левого уха.

Антон не мог повернуть голову, шея словно онемела и не подчинялась приказам. Нужно отдохнуть, поспать и тогда боль уйдет. Он закрыл глаза, в надежде погрузиться в сон.

– Твоя тетка сказала, что у тебя нет друзей, – шум в ушах мешал определить по голосу, кто с ним разговаривал, но Антон решил, что это тот маленький, толстый врач, мерзкий и противный, как жаба. – У тебя нет даже одноклассников по имени Сашка. Нет никого в твоём окружении с таким именем. А единственный, кого она смогла вспомнить – сын твоего отца, твой единокровный брат. Но он погиб в автокатастрофе вместе с твоим отцом несколько лет назад.

Он примолк, а Антон попытался сглотнуть застрявший в горле сухой ком, но не смог. Он захотел поднять руку, поло-

жить на горло, надавить, но рука не слушалась, лежала на постели, а вялые пальцы слегка подрагивали, елозя по жесткой простыне, похожей на бумагу. Антон беспомощно застонал, толстый врач положил ему на лоб потную ладонь.

– Да, сильно они тебя изувечили. Если поправишься, то я назову это чудом, – он коротко хохотнул.

– Значит так, если до завтра не отойдешь, то передадим тебя в городскую больницу, может спасут. Распоряжусь, чтоб принесли воды, а то на твои сухие губы смотреть страшно.

Он отошел от кровати. Антон услышал за головой хлопок двери. Нависла тишина, по которой он догадался, что лежит в одиночной палате. Нужно убираться отсюда, – подумал он и дернул ногой. Но нога лежала плетью, в спине кольнуло так, что сердце чуть было не остановилось. Перехватило дыхание, Антон закашлял, чувствуя, что задыхается.

Глаза вроде бы были открыты, но Антон не видел потолка, только черноту, похожую на плесень. Голова кружилась, сердце медленно останавливалось.

– Братишка, – сквозь гул услышал Антон голос Сашки.

Встрепенулся, желая подняться, встать на ноги, чтобы брат не видел его такого беспомощного, раненого, забитого в угол воробья. Но резкая давящая боль внизу живота придавила к постели, словно лист к воде. Не подняться, не отлипнуть.

– Я... не вижу, – задыхаясь сказал Антон.

– Я знаю, братец, – Сашка взял ладонь брата, склонился к

уху и прошептал, – я принес нашу коробку с трофеями.

Антон почувствовал легкую улыбку брата. Изо всех сил сжал его ладонь, не видя, что пальцы даже не напряглись. По щеке стекла одинокая слеза.

– Как... – Антон не смог закончить мысль, язык не шевелился. Он хотел спросить, как Сашка попал в его палату.

– Я пришел за тобой, – сказал брат, – ведь друзей не предают.

Антон хотел улыбнуться, но не смог. Лицо сковала боль и беспомощность.

– Хочешь пойти со мной? – спросил он. – Перелезем изгородь и вновь встретимся с монстрами, прячущимися в темноте.

Антон моргнул в знак согласия, выдохнул из легких весь скопившейся воздух, спустил с кровати ноги и пошел за братом.

Врач прибежал на звук металлического грохота. Раскрыл дверь палаты и влетел, словно разъяренный бык. На полу лежала перевернутая коробка, а рядом фотография, варежка и сандаля. Черная квадратная пуговица лежала под его ногами. Он склонился, поднял её, повертел в руке и подошел к койке.

– Антон, что это? – спросил он и навис над постелью. На бледном, безжизненном лице Антона застыла легкая прощальная улыбка.